

ИЛ

ИЛЛЮМИНАТОР

Библиотека

журнала

«Иностранная
литература»

Ис

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 3827575 5

Люблинский
штукатурь

יצחק באשעוויס זינגער

דער קונצנמאכער פון לובלין

**И
Я**

Библиотека

журнала

•Иностранная

литература•

ИЛЛЮМИНАТОР

047

Лучшие книги

в лучших переводах

יצחק באַשעוויס זינגער

דער קונצנמאַכער פון לובלין

Исаак Башевис Зингер

Люблинский штукарь

н о в е с т ь

перевел с языка идиш

Асар Эппель

Москва

ИНОСТРАНКА

БСПРЕСС

2002

УДК 821.112.28(73)—311.1Зингер

ББК 84(7Сое)—44

3-63

Ответственный редактор серии

В.Бару

Художественное оформление

и макет серии А.Бондаренко

На обложке: фрагмент картины

Х.М.Даврингхаузена «Акробат», 1920

Зингер И.Б.

3-63 Люблинский шуткарь: Повесть / Пер. с идиш А.Эппеля. — М.: Иностранка; Б.С.Г.—ПРЕСС, 2000. — 265 с. — (Иллюминатор).

ISBN 5—94145—080—X («Иностранка»)

ISBN 5—93381—090—8 (Б.С.Г.—ПРЕСС)

Повесть американского писателя Исаака Башевнса Зингера рассказывает о мятущейся душе необыкновенно одаренного человека, запугавшегося в страстях и попытавшегося разрешить душевное смятение и житейские сложности с помощью нечестивого поступка. Увы, даже самый малый грех открывает бездну, и спасительный путь герой находит совсем в другом решении.

УДК 821.112.28(73)—311.1Зингер

ББК 84(7Сое)—44

ISBN 5—94145—080—X («Иностранка»)

ISBN 5—93381—090—8 (Б.С.Г.—ПРЕСС)

- © А.Эппель, перевод на русский язык, 2002
- © «Иностранка», Б.С.Г.—ПРЕСС, оформление, 2002
- © «Иностранка», издание на русском языке, 2002

*Перевод свой посвящаю
светлой памяти моего деда
Меера Ваксмана,
всю жизнь прожившего
в «зингеровском» Люблине.*

Асар Эппель

Яша Мазур, известный везде и повсюду как Люблинский Штукарь, сегодня проснулся рано. Воротясь из поездки домой, Яша обычно двое суток не вылезал из постели — сказывалась усталость. Он спал день и спал ночь. Эстер приносила кашу, молоко, булку. Яша ел и снова засыпал. Попугай скрипел, канарейки свистали, обезьянка Йоктан трещала, но Яша не обращал на них внимания, разве что просил Эстер напоить лошадей. Мог не просить — она сама набрала бы в колодце воды для Вороной и Сивой, или — как прозвал своих кобыл Яша — Персти и Пыли.

Для фокусника Яша был человек состоятельный — владел домом, сараями, амбаром, конюшней, сеновалом, двором с двумя яблонями и огородом, на котором Эстер сажала овощи. Только одного у них не было — детей. Эстер не могла стать матерью. Женой же она была хорошей: превосходно шила и даже бралась пошить и вышить платье к венцу. Еще Эстер вязала на спицах, пекла коврижки и свадебные торты, умела сорвать цыплаку типун, поставить банки и пивавки и даже

пустить больному кровь. Она умела всё, но понести и родить не могла. В молодые годы Эстер испробовала все, какие имеются, средства, но сейчас было уже поздно: годы подошли к сорока.

Яша, как всякий артист, обществом уважаем не был. Он брил бороду, а в синагоге появлялся разве что в Йом Кипур¹ и на Рошашонэ и то, если оказывался в Люблине. Эстер, наоборот, была благочестива — повязывала голову платком, вела кошерную кухню, соблюдала субботу и заповеди очищения. Яша — тот в субботный день курил папиросы, а компанию водил с музыкантами и разной публикой, не имевшей у людей доверия. Тем же, кто пытался читать ему мораль, Яша отвечал:

— Вы что — были в небе и видели Бога? Его нету!

— Но кто тогда сотворил мир?

— А кто сотворил Бога?

Препираться с ним не имело смысла — Яша был знаток чего хочешь, читал по-русски, по-польски и неплохо соображал в счете. Слыл он отчаянным и как-то на пари провел ночь на кладбище. Еще он умел ходить по канату, балансировать на проволоке, карабкаться по отвесной стене и отпирать любые замки. Слесарь Абрам Лейбуш поспорил на пять рублей, что сделает замок, с которым Яше не справится. Лейбуш трудился несколько месяцев, а Яша ковырнул сапожным шилом — и готово. В Люблине держались мнения, что, стань Яша вором, ничье добро не будет в безопасности.

Провалявшись, как всегда, два дня, Яша в наступившее утро встал вместе с солнцем. Был он невысокий,

¹ Пояснения к незнакомым словам, именам и понятиям даются в глоссарии в конце книги. (Здесь и далее — прим. перев.)

но широкогрудый и узкобедрый, со светлой шевелюрой, голубыми глазами, тонкими губами, острым подбородком и коротким нееврейским носом. При своих скоро уже сорока он выглядел лет на десять моложе. Пальцы Яшиных ног были почти такие же длинные, как и на руках, — он ухитрялся ими писать и перебирать горох, а тело гнул и ломал куда хочешь — утверждали даже, что у него гибкие кости и разборные суставы. В Люблине Яша выступал редко, но те, кто видел его трюки, рассказывали чудеса. Он преспокойно ходил на руках, глотал огонь и шпаги, а кувыркался почище обезьяны. Умел Яша и такое, чего больше никто не умел. Его запирали на ночь, на дверь вешали замок, а утром Яша как ни в чем не бывало разгуливал по базарной площади, причем замок висел где повесили. Яша проделывал это, даже если ему спутывали руки и ноги веревками или цепями. Некоторые полагали, что тут не обходится без колдовства и шапки-невидимки, — поэтому-то Яша и ухитряется пролезть в любую щель; другие утверждали, что Яшины чудеса сплошь надувательство и обман зрения.

Поднявшись с постели, Яша в нарушение правил не полил рук водой и не сказал утренней молитвы, а просто натянул зеленые штаны, сунул ноги в красные домашние туфли и надел бархатную, черную в серебряную искру куртку. Одеваясь, он дурачился как маленький — свистел канарейкам, разговаривал с обезьянкой Йоктаном, псом Аманом и кошкой Мецоцей. И это был еще не весь зверинец. Во дворе проживали павлин с павой, чета индюков, крольчиный выводок и даже змея, которой раз в два дня полагалась живая мышь.

Утро было теплое, близился праздник Швуэс. В огороде у Эстер проклюнулись зеленые ростки. Яша отворил конюшню и вдохнул запах навоза. Похлопав лошадей по крупам, он вычистил их, расчесал гребнем и задал корму остальным животным. Вернувшись из поездки, Яша, случалось, кого-то недосчитывался, однако на этот раз никто не подох.

Яша в приятном настроении прохаживался по своим владениям. Во дворе зеленела трава и появились разные цветки: желтые, белые, цветные и с пушинками, улетающими, если подуть. Чертополох с лебедой доросли чуть ли не до сарайной стрехи. Порхали летние птички. Перелетая с цветка на цветок, жужжали пчелы. Всякий лист, всякая травинка были с кварталом: червяком, мошкой, комариком или каким-нибудь еще крохотным твореньцем, которое и не разглядишь. Яша всегда поражался: откуда они берутся? Как живут? Куда деваются по ночам? Если к зиме погибают, от кого появляются летом? Хотя в корчме Яша прослыл безбожником, сердцем он в Бога верил. Разве не угадывалась во всем рука Господа? Любой плод, цветок, любые камешек и песчинка свидетельствовали Его присутствие. Листья яблони, мокрые от росы, сияли поутру язычками свечей. За городом, на противоположном берегу Быстрицы, лежали обширные поля, каковые — сейчас зеленые — недель через шесть станут желто-золотыми, готовыми к жатве. «Кто всему причина? — спрашивал себя Яша. — Солнце, что ли? Если — оно, возможно, солнце и есть Господь?» Даже праотец Авраам считал, что солнце — бог, прежде чем узнал еврейского Бога. Яша прочел об этом в какой-то книжке...

Нет, невеждой Яша не был. Его отец хотел, чтобы сын учился. Мальчиком Яша постигал Талмуд. После отцовской смерти люди знающие советовали учебу продолжить, но Яша вскоре ушел с бродячим цирком. С годами из него получился не еврей и не гой, а так — полужидеи-полугой. Он выдумал для себя собственную веру: Создатель, по его разумению, существовал, но никому не являлся и не указывал, что можно, а чего нельзя. Господь безусловен, однако говорящие во имя Его лгут.

2

Эстер, пока Яша возился во дворе, тоже встала и приготовила завтрак: горячую лепешку с маслом и творогом, зеленый лук, молодую редиску и кофе с молоком, для чего специально смолола зерна в кофейной мельнице. Эстер была невысокая, черноволосая, с девичьим лицом, коротким носиком и черными глазами, глядевшими хоть и лукаво, но печально. При улыбке ее верхняя губа мило приоткрывалась, показывая мелкие зубы, а на щеках получались ямочки. Будучи бездетной, Эстер предпочитала общество незамужних женщин. Она держала двух швеек, с которыми целый день шутила и хохотала, однако поговаривали, что втихомолку она плачет. Бог заключил ее лоно, и шла молва, что все заработанные деньги Эстер тратит на чародеев и чудотворцев. Однажды она в сердцах сказала, что завидует даже матерям, чьи дети на кладбище.

Эстер подала завтрак, села на краешек табуретки и с пристрастным любопытством стала глядеть на Яшу. Пока он не отдохнет, Эстер его не беспокоила, но сего-

дня уже было ясно, что он отоспался и пришел в себя. Постоянные Яшины отлучки сказались на их отношениях: сердечной близости многолетних супругов, как это заведено у людей, меж ними не возникло. Эстер болтала с мужем, словно со случайным знакомым, обо всем и ни о чем:

— Ну, что новенького на свете?

— Все тот же старый свет.

— А фокусы?

— И фокусы те же.

— А твои девки? Тоже прежние?

— Нету никаких девок.

— Как же! Хотела бы я иметь двадцать целковых на каждой.

— Куда тебе такие деньги?

Он ел, глядя то ли на нее, то ли мимо. Подозрения никогда не оставляли Эстер. Однако больше ничего от Яши было не добиться, к тому же всякий раз он уверял ее, что знает только одну жену и одного Бога.

— Кто имеет дело с девками, по канату не ходит, а еле таскает ноги. Тебе это известно, — сказал Яша.

— Откуда? Я у тебя в головах не стою...

Она улыбнулась тепло и горько. Разве такого устережешь? Он больше в отлучке, чем дома, и, слоняясь как цыган по свету, встречает, конечно, всяких потаскух и негодниц. Такой свободен как ветер, но, благодарение Богу, всегда возвращается домой и всегда с подарком.

Судя по тому, каким исскучавшимся по ней он приезжал, как целовал и ласкал, уговаривая уступить даже в недозволенные дни, выходило, что он только и делал, что постился. Но откуда могла знать простая женщина

о мужских аппетитах? Эстер иногда жалела, что вышла за фокусника, а не за портного или сапожника, которые целый день за работой и знаешь каждый их шаг. Но Яшу она любила великой любовью. Он, утверждала Эстер, для нее как сын и муж, а каждый проведенный вместе день — все равно что праздник. К тому же Яша неплохо зарабатывал, над деньгами не трясся и помогал ее небогатым родственникам.

Эстер глядела, как Яша ест, и ей приходило в голову, что все он делает не как другие. Вдруг задумается, замрет, а потом снова начинает жевать. Или ни с того ни с сего завяжет узел на какой-нибудь нитке, а затем на совершенно одинаковых расстояниях вяжет новые узлы. Эстер всякий раз глядела ему в глаза, ожидая подвоха, но Яшино лицо бывало невозмутимо. Он думал про одно, а болтал про другое. Причем редко говорил серьезно и помалкивал о своих неприятностях. Даже когда у него бывал жар, Эстер об этом не догадывалась. Сколько раз она расспрашивала его про фокусы, прославившие Яшу на всю Польшу, однако он или не отвечал толком, или отшучивался. То он бывал с ней необыкновенно ласков, то вдруг становился чужим. Для нее же было удовольствием видеть каждый его жест, каждое движение, ловить каждое слово. Даже если Яша валял дурака и молол как ребенок чепуху, в словах его был какой-то смысл. Частенько этот смысл доходил до Эстер после Яшиного отъезда.

Они были женаты двадцать лет, а он норовил прикоснуться к ней, как в первое утро после свадьбы. Дергал за платок, щелкал по носу, придумывал несусветные прозвища — Килиша, Пампиха, Тигрица, называл разными музыкантскими словечками. Днем Яша был

один человек, ночью — другой. То он вдруг заливиисто пел петухом, визжал поросенком, ржал как конь, то впадал в черную меланхолию. А еще сидел у себя в комнате и возился со своими секретами: замками, цепями, веревками, проволокой, напильниками, клещами, ленточками, которые вытаскивают из уха, восковыми мышками, картами, билетиками судьбы и разными коробочками. Те, кто видел его фокусы, полагали, что они даются Яше без труда, но Эстер знала, как он целыми сутками мучается над каждым номером. То он поймал ворону и научил ее, как попугая, говорить. То научил обезьянку Йоктана курить трубку. Эстер всякий раз беспокоилась, что Яша перетрудится, что сорвется с каната, что его покусает зверь. Даже по ночам в постели он, случалось, цокал языком и щелкал пальцами ног. Сама Эстер была уверена, что некоторые его штуки получаются не без колдовства.

Он видел в темноте как кошка. Знал, где искать потерянное. Умел угадывать мысли. Однажды Эстер поссорилась со швейкой, а Яша, поздно вернувшийся домой и едва успевший перемолвиться с Эстер двумя словами, сразу сказал, что она с кем-то повздорила. В другой раз у нее пропало обручальное кольцо, и она его обыскала. Узнав о пропаже, Яша подвел ее к бочке с водой и на дне показал кольцо. Эстер давно решила, что никогда не поймет этого человека. Яша обладал сверхъестественными способностями, а тайн в нем было больше, чем зерен в благословляемом на Рошашонэ гранате.

3

В полдень в корчме Бейлы было пусто. Сама Бейла дремала в задней комнате, а за стойкой управлялась низкорослая служанка Ципа. По полу были рассыпаны свежие опилки, на стойке стояли жареный гусь, миска с холодцом из коровьей ноги, полмиски форшмака из селедочных молок. В плетеной корзинке были сдобные булки, в другой — соленые лепешки. Яша сидел за столом со Шмулем-музыкантом. Шмуль, основательный мужчина с лохматой черной шевелюрой, черными глазами, бакенбардами и тоненькими усиками, ростом был повыше Яши, а одет на русский манер: черная косоворотка, пояс с кистями и сапоги с высокими голенищами. Шмуль много лет служил в музыкантах у житомирского помещика, однако завел шашни с женой хозяйского управляющего и вынужден был бежать. В Люблине его держали за лучшего скрипача, и он всегда играл на богатых свадьбах. Перед Шмулем стояла кружка со сваренным из овса пивом, а сам Шмуль, отваясь к стене и прищурив глаз, другим глядел на светлую влагу, как бы раздумывая, отпить или не отпивать. На куске лепешки сидела большая зелено-золотая муха, которая тоже, казалось, не могла решить: улетать или нет?

Яша, тот к пиву еще не притрагивался. Он глядел, как лопаются поодиночке пузырьки пены и от полной кружки остается три четверти.

— Жулик-мазурик, шмулик-пузырик, — бормотал Яша. Шмуль только что рассказал ему про какое-то из своих походов, и перед очередной историей оба

пребывали в задумчивости. Яша любил слушать Шмулевы рассказы, и сам тоже мог бы кое-что порассказать, но от приятных разговоров этих возникало в душе чувство досады и сомнения. «Если всё всегда так, значит, все женщины шлюхи. Тогда в чем выигрыш? Кого мы дурачим? Мать ведь не обманывала отца. Эстер тоже верная еврейская жена...»

И Яша сказал:

— По мне, взять в плен солдата, который сам сдается, не такая уж победа.

— Но надо же поймать момент! В Люблине это не так просто, как тебе кажется. Скажем, ты себе какую-нибудь приглядел. Она тебя хочет. Ты ее тоже. Но как же кот перелезет заплот? Допустим, это свадьба и полно народу. Потом она идет с мужем домой, а ты даже не знаешь, где они живут. А даже знаешь — и что? Есть еще свекровь, мать, сестры, невестки. Тебе, Яша, хорошо. Выехал за рогатку, и мир — твой.

— Поехали вместе.

— А ты возьмешь?

— Возьму. И даже платить буду.

— А что скажет моя Ента? Когда у человека дети, он птица несвободная... Ты будешь смеяться, но без них я сойду с ума. Стоит мне уехать на пару дней, и я не нахожу себе места. Можешь ты такое представить?

— Я могу представить всё.

— Человек же привыкает! Это как взять веревку и себя связать.

— А что ты сделаешь, если Ента поступит, как твоя кацапка?

Шмуль в момент помрачнел:

— Придушу, чтоб я так был здоров!

Он схватил кружку и залпом выпил, словно бы желая подавить испуг и ярость, вызванные Яшиными словами. Яша, тот стал отпивать пиво маленькими глоточками. «Все хотят, — думал он, — чтобы своя была верная, а чужая — добрая. Но как такого достичь? Нигде ведь не сказано...»

С некоторых пор Яша был озабочен похожей загвоздкой и целыми днями ломал голову. Он и так был склонен к размышлениям, фантазиям и домыслам, но с тех пор как началась история с Эмилией, его мысли во все смешались. Яша буквально превратился в философа. Нет чтобы просто пить пиво, он смаковал языком, деснами, нёбом его горьковатость. Немало за жизнь покуролесив, Яша умудрился перебывать во всевозможных трясилах и омугах, однако дом и семья были для него святы. Всем девкам и шиксам Яша сразу говорил, что женат и семью разрушать не собирается. Ради же Эмилиии приходилось жертвовать всем — домом, верой, но и этого было недостаточно. Еще требовались деньги. И немалые. А где их взять? Украсть?.. «Нет, с этим пора кончать, — сказал себе Яша, — и чем раньше, тем лучше!..»

Шмуль стал подкручивать усы, послунив, чтоб стояли торчком, их кончики.

— А что с Магдой? — спросил он.

Яша очнулся.

— Что может быть? Все то же.

— Ее мать жива?

— Жива.

— Ты чему-нибудь научил Магду?

— Научил.

— Чему?

— Вертеть ногами бочку и крутить сальто.

— И всё?

— И всё.

— Мне показывали варшавскую газету. Там было на счет твоей персоны. Хо-хо! Тебя сравнивают с фокусником, который выступал перед Наполеоном Третьим. Представляю, какой обман зрения ты людям устраиваешь!

Яша поморщился. Он не любил вести разговоры о своих делах и, какой-то миг поколебавшись, решил было не отвечать, но громко сказал:

— Я никого не обманываю.

— Ты глотаешь шпаги на самом деле?

— На самом деле.

— Расскажи своей бабушке.

— Дурак набитый, как можно обмануть глаза? — возмутился Яша. — Услыхал где-то про обман зрения и повторяешь. Что значит обман зрения? Шпага входит в глотку, а не в карман жилетки.

— Железо идет тебе в горло?

— Сперва в горло, потом в желудок.

— И ты живой?

— Пока да.

— Яша, не проси, чтоб я в это поверил.

— А мне какое дело, во что ты веришь!..

Яша решил, что с него довольно. Ему вдруг стало ясно, что Шмуль — человек заурядный и своей головой думает мало. «Они собственным глазам не доверяют», — размышлял он с досадой. Что же касается Енты, жены Шмуля, он знал о ней такое, от чего бы этот дурень сошел с ума. Что ж, все что-то скрывают. У всех тайны. Узнай, скажем, люди, что происходит с ним, Яшей, его давно бы упрятали в сумасшедший дом.

4

Опускались сумерки. За городом было еще светло, но в улочках меж домов уже стемнело. В лавках зажигали свечи, масляные и керосиновые лампы. В долгополых лапсердаках и грубых сапогах шли к вечерней молитве бородатые евреи. Появился молодой серпик — луна месяца Сивана. Хотя солнце целый день пригревало, на улицах не просохли предпасхальные лужи. По сточным канавкам текла вонючая вода. Пахло навозом и парным молоком. Из всех труб шел дым; в каждой кухне пылал огонь. Хозяйки готовили ужин — бульон с гречкой, мясное с гречкой. Яша попрощался со Шмулем и направился домой. В мире повсюду аж кипело. Каждый день варшавские газеты писали о войнах, революциях и кризисах. Из деревень изгоняли евреев, и многие поэтому уезжали в Америку. Люблин, однако, оставался в ненарушимой безмятежности. Некоторые здешние синагоги стояли со времен Хмельницкого. На кладбищах покоились раввины, составители комментариев, законоучители и святые — каждый под своим камнем или охелом. Не отказались в Люблине и от истари заведенных порядков: женщины занимались торговлей, мужчины постигали Писание.

До праздника Швуэс оставались считанные дни, но мальчишки в хедерах уже налепили на окна рисунки и вычинанки¹ из бумаги, а на подоконниках расставили птичек из пустой яичной скорлупы и теста. Дома в

¹ Вычинанки — узорно вырезанные из бумаги орнаменты или картинки (*польск.*).

честь дня дарования Торы украшали листья и ветки, привозимые крестьянами из деревень.

Яша заглянул в дверь какой-то синагоги. Шла вечерняя молитва, и как раз говорились тихие Восемнадцать Славословий. Евреи, служившие своему Создателю круглый год, били себя в грудь: «согрешили...», «виновны...». Одни воздевали к небесам руку, другие закатывали глаза. Старик в лапсердаке и высокой шапке, надетой поверх двух ермолок: одной сдвинутой ближе ко лбу, другой — к затылку, взяв в горсть белую бороду, всхлипывал. По стенам в дрожащем свете единственного в подсвечнике поминального огня ходили тени. Яша постоял какое-то время в дверях, вдыхая мешанину запахов — воска, жира и чего-то прогорклого синагогального, знакомого с детства. Евреи — сколько их было — обращались к Господу, которого никто из присутствующих никогда не видел. И хотя Он насылал на них напасти, нужду, голод, погромы, молящиеся именовали Его милосердным и достохвалимым, а себя избранным Его народом. Яша всегда удивлялся столь неколебимой вере.

Он немного постоял, а потом пошел дальше. Фонарщик длинным шестом зажигал газовые фонари, но от этого не делалось светлей. Казалось, им недостает света осветить самих себя. Было непонятно, зачем открыты лавки, если не видать покупателей. Лавочницы в платках на бритых головах вязали мужьям носки или шили одежки и рубашечки внукам. Яша знал всех. Выдаваемые замуж в четырнадцать-пятнадцать, они к тридцати становились бабками. Пришедшая прежде времени старость коверкала лица, лишала зубов, надевая всех этих женщин старушечьим добродушием и умильностью.

Яша, хотя он, как его отец и дед, здесь родился, был всему этому чужд, но не потому, что отошел от еврейства, а потому, что ощущал себя чужим повсюду: и тут, и в Варшаве, среди евреев и неевреев. Все были у себя дома, он оставался скитальцем. У всех были дети и дети детей — он никого после себя не оставит. У всех был Бог, праведники и наставники, у него же — сплошь сомненья. Все готовились после кончины попасть в рай, он, исполненный страха, — в ядоль смерти. Что там, на той стороне? Есть ли душа? Что с ней бывает, когда она расстается с телом? С детства он был наслышан о дибуках, духах, вурдалаках и прочей чертовщине. С ним тоже приключалось много такого, чего так просто не истолковать. Но что из того? И он все больше бывал растерян и замыкался в себе. Силы и страсти, мятущиеся в его душе, повергали Яшу в замешательство.

Он шел, а впереди в темноте ему чудилось лицо Эмилии: узкое, смуглое, с черными, как бы еврейскими, глазами, коротким славянским носом, ямочками на щеках и девичьим лбом. Волосы ее были гладко зачесаны наверх, темный пушок оттенял верхнюю губу. Она улыбалась смущенно и вместе с тем чувственно, а глядела пытливо и вопрошающе, словно светская дама и сестра одновременно. Хотелось протянуть руку и коснуться ее. Воображение ли было столь живо, или Яша на самом деле видел Эмилию? Облик ее стал отдаляться, словно хоругвь в процессии, а он различал даже пряди в прическе, кружева вокруг шеи, сережки в ушах. И ужасно хотелось окликнуть ее по имени. Яша пережил немало приключений, но с Эмилией все складывалось по-другому. Его тянуло к ней во сне и наяву. Сей-

час, отоспавшись после поездок, Яша не мог дожидаться конца Швуэс, чтобы вновь оказаться в Варшаве. Он пытался утолить свой пыл в объятиях Эстер, но ничего из этого не получалось.

Яша с кем-то столкнулся. Перед ним стоял возникший словно из-под земли водонос Хаскель с ведрами на коромыслах. На рыжку его бороду откуда-то падал свет.

— Это ты, Хаскель?

— А кто же?

— Так поздно носишь воду?

— Как еще заработать на праздник?

Яша достал из кармана серебряный двутривенный.

— Держи.

Хаскель за монеткой не потянулся.

— Почему вдруг? Я милостыню не прошу.

— Это не милостыня, а твоему сыну. Пусть купит себе булочку.

— Ну... спасибо...

Заскорузлые пальцы Хаскеля коснулись Яшиных.

Он добрался до дому и заглянул в окошко. Обе девушки шили белье для какой-то невесты. Пальцы в наперстках быстро прoderгивали нитку. Рыжие волосы одной словно бы пылали в свете лампы. Эстер подбрасывала у печки сосновые ветки под треногу, на которой варился ужин. Посреди комнаты стояла квашня с тестом, укрытая тряпками и подушкой. Эстер заранее поставила тесто, собираясь печь к празднику сдобу и булки. «Как можно ее бросить? — подумал Яша. — Все годы она мне единственная опора. Если б не ее преданность, меня давно бы закрутило, как лист на ветру...»

Он не сразу пошел в дом, а прошел коридорчиком к конюшне взглянуть на лошадей. Двор выглядел ост-

ровком деревни. Трава была мокра от росы. От яблок на яблонях, хотя еще зеленых и незрелых, шел яблочный дух. Небо казалось ниже и гуще усеяно звездами. Едва Яша ступил во двор, где-то высоко в небесах, чертя огненный след, сорвалась и упала звезда. Воздух, сладкий и терпкий, был полон шелестов, возни, пиликанья, внезапно переходившего в звон. В траве шмыгали полевые мыши и угадывались кочки, нарытые кротами. Птичьи гнезда прятались в ветвях деревьев, за стрехами амбаров и сеновала. На чердаке спали куры. Всякий вечер птица тихо ссорилась из-за места на шестке. Яша глубоко вдохнул. Было невероятно, что каждая звезда больше Земли и до нее миллионы миль, а если выкопать яму глубиной в тыщи верст, можно докопаться до Америки... Он отворил конюшню. Лошади казались по-ночному большими и таинственными. В глазах их с расширенными зрачками мельтешили искорки огня и маленькие золотинки. Яша вспомнил слова отца (да будет благословенна его память!), что животные способны различать злых духов... Сам Яша полагал, что Божьи твари угадывают мысли, ведают людские горести, чувствуют приближение напастей и смерти. Яша умел даже их гипнотизировать... Вороная махнула хвостом и стукнула копытом, свидетельствуя привязанность живой твари к хозяину.

5

В Швуэс хасидские молельни, дома молитвы и все синагоги были полны. Люблин молился. Эстер, надев шляпу, которую справила когда-то к свадьбе, взяв по-

жертвования и молитвенник с золотым тиснением, отправилась в синагогу к женщинам. Яша остался дома. Если Бог не отвечает, зачем к Нему взывать? Яша стал просматривать толстую польскую книгу о природе, которую привез из Варшавы. В книге объяснялось всё: и законы тяготения, и что у магнита северный и южный полюсы, и что наэлектризованные тела одинаковыми полюсами отталкиваются, а противоположными — притягиваются. Подробно разбирались, каким образом корабль держится на воде и как работает гидравлический пресс, как громоотвод притягивает молнию и от пара движется паровоз. Все это, интересное само по себе, было бесполезно и для его искусства. Яша годами ходил по проволоке, не подозревая, что такое возможно, только потому, что он располагает центр тяжести тела непосредственно над ней. Книга объясняла множество всего, но многое оставалось без ответа. Почему земля притягивает камень? Что такое вообще земное тяготение? Почему железо магнитом притягивается, а медь нет? Что есть электричество? И откуда все взялось: небо, Земля, Солнце, Луна, звезды? В книге говорилось о возникновении Солнечной системы, о теории Канта и Лапласа, но постичь все это было затруднительно. Эмилия дала ему как-то книжку о христианстве, написанную профессором теологии, однако рассказ о рождении Иисуса от Святого Духа и триединство — Отец, Сын и Дух Святой — показались Яше не правдоподобней чудес, приписываемых хасидами своим цадикам. «Как она может во все это верить? — спрашивал себя Яша. — Она просто делает вид. Все делают вид. Весь мир ломает комедию и страшится признаться в незнании».

Он ходил взад-вперед по комнате. Одиночество в доме, когда весь город в синагогах, наводило его на разные мысли. Как же так получилось? Его отец был благочестивым человеком и небогатым владельцем скобяной лавки. Мать умерла, когда Яше было семь. Отец больше не женился, и мальчик рос без присмотра. Один день он в хедер ходил, три дня прогуливал. В отцовской лавке валялось множество замков и ключей, весьма Яшу интересовавших. Он ковырялся в какой-нибудь замке до тех пор, пока не отмыкал его без ключа. Когда из Варшавы или другого большого города в Люблин наезжали циркачи, Яша ходил за ними по пятам, глазел на их штучки, а потом пытался всё повторить. Узнав новый карточный фокус, он терзал колоду до тех пор, пока не постигал секрета. Однажды Яша увидел канатного плясуна и бегом побежал домой пробовать. Он срывался с каната и снова на него ступал. Он носился по крышам, прыгал с балконов (на солому, вытряхиваемую из тюфяков перед Пасхой), и почему-то с ним никогда ничего не случалось. Он плутовал в молитве и бесчестил субботу, но в ангела, который оберегает и остерегает от опасности, верил. Его, Янке-ле, или, как стали звать его с годами, Яшу, называли и шейгец, и крыса, и невежда, но полюбила его порядочная девушка Эстер. Он скитался с цирком, с вожакон медведя и даже с польской бродячей труппой, дававшей представления в пожарных сараях, а Эстер терпеливо ждала, прощая всё. Благодаря ей у него были кров и дом. Сознание, что Эстер ждет, подвигало Яшу к успехам, побуждало пробиваться в варшавский цирк, в летние театры, завоевывать имя в Польше. Яша уже не был бродячим фокусником с шарманкой и попугаем — он

сделался артистом. О нем писали в газетах, его называли художником, маэстро. Господа и богатые дамы являлись за кулисы знакомиться. Все сходились на том, что в Европе он был бы богат и знаменит.

Незаметно прошли годы, а он толком не знал, куда они подевались. Порой Яше казалось, что он еще мальчиш, порой — что прожил сто лет... Он сам научился польскому, русскому, грамматике и арифметике. У него имелись учебники алгебры, физики, географии, истории, химии, а голова была набита фактами, сведениями, датами. Яша запоминал всё и ничего не забывал. Ему было достаточно взгляда, чтобы разобраться в человеке. Стоило кому-то открыть рот, и Яша уже знал, что́ будет сказано. Он умел отгадывать мысли, читать с завязанными глазами, разбирался в месмеризме, магнетизме и гипнозе. Но то, что происходило между ним и Эмилией, вдовой профессора, дамой из хорошей польской семьи, было для него чем-то совершенно неизвестным. Не он ее магнетизировал, а она его. Хотя они в десятках миль друг от друга, но она с ним была неразлучна. Он чувствовал ее взгляд, слышал голос, вдыхал аромат и пребывал в постоянном напряжении, как если бы ходил по проволоке. По ночам в постели, едва он закрывал глаза, Эмилия являлась ему, осязаемая и живая, говорила умные слова, целовала, ласкала, заморозчивала нежностями. И — что удивительно — не одна, а с дочкой Галиной.

Он вздрогнул. Отворилась дверь. Из синагоги пришла Эстер. В одной руке у нее был молитвенник, другой она придерживала подол шелкового платья, весь в фалдах и бантах. Шляпа с пером напомнила Яше свадьбу: вызов к Торе, введение невесты в синагогу в

послесвадебную субботу. Лицо Эстер светилось теплотой и радушием, какие возникают от единения с людьми, вместе с которыми чему-то радуешься.

— С праздником!

— С праздником, Эстер!

Он обнял ее, и она покраснела как невеста. Меж ними не исчезла робость молодоженов.

— Что слышно в синагоге?

— Мужской или женской?

— Женской.

Эстер засмеялась:

— Женщины всегда женщины. Немножко молятся, немножко сплетничают. Жаль, ты не слышал Акдоймес. Прямо берет за душу. Лучше даже, чем опера!

Эстер принялась за праздничную трапезу. Какие бы гадости про Яшу ни говорили — ей хотелось, чтобы в их доме все было не хуже, чем у других. Она поставила на скатерть графинчик с вином, бокал, над которым совершается благословение, блюдечки с солью и медом, положила халу и особый ножик. Яше пришлось сказать над вином благословение — в этом он ей никогда не отказывал. Праздники вдвоем каждый раз напоминали Эстер о ее злосчастье. Насколько бы все выглядело иначе, будь в доме дети! Эстер улыбалась и утирала слезу краешком вышитого фартука. Она поставила рыбу, лапшу с молоком, вареники с творогом и корицей, на сладкое — сливовый цимес и бабку¹ к кофе. Яша всегда приезжал в праздники домой, и совместная их жизнь получалась всегда словно

¹ Бабка — род запеканки, лапшевника и т.п. Может быть приготовлена как второе блюдо или с соответствующими добавками на сладкое.

бы праздничной. За едой она поглядывала на мужа. Кто он? Почему она его любит? Она знала, что он ведет беспутную жизнь, но помалкивала. Одному Богу известно, что Яша навывтворял там — в большом городе, во что умудрился ввязаться. Но Эстер не держала на него сердца. И хотя все Яшу порицали, а ее жалели, она предпочла бы его любому, будь то даже рабби реб Цоц...

Поев, оба пошли в спальню. Вообще-то днем не заведено, чтобы муж и жена ложились вместе. Но когда Яша пошел закрывать ставни, она не подала виду, а стояло ему ее обнять, и тело Эстер сразу стало по-девичьи горячим, ибо никогда не носившая и не рожавшая женщина всякий раз бывает снова целомудренна.

Кончился праздник Швуэс. Яша собирался в дорогу и в предотъездную ночь повел разговор, ужасно испугавший Эстер.

— А что, если я не вернусь? Если умру в поездке?

Эстер стала заклинять, чтобы он такого не говорил, и закрыла ему рот ладонью, но Яша не унимался:

— Это же очень просто! Недавно я забирался на ратушу, и, между прочим, могла сорваться нога...

Потом повел разговор про завещание и велел, если умрет, долго не горевать. Потом показал, где спрятаны золотые монеты — несколько сот рублей... Когда Эстер запричитала, что он портит последние часы перед долгой — уже до Покаянных Дней — разлукой, Яша сказал:

— Ну хорошо! Допустим, я влюбился и тебя бросил. Тогда что ты будешь делать?

— Ты влюбился?

— Чепуха!

— Лучше говори правду!..

Яша стал ее целовать и клясться в вечной любви. Такие сцены случались часто. Он обожал пугать Эстер

всякими вероятными и невероятными предположениями и нелепыми вопросами. Например, сколько она будет ждать, если Яша попадет в тюрьму? Или если уедет в Америку? Или заболит чахоткой и придется торчать в санатории? Ответ Эстер бывал один: после Яши никого она полюбить не сможет. Ее жизнь кончится.

Однако он повторял свою чушь снова и снова. В сегодняшнюю же ночь сказал:

— А если я стану отшельником? Например, кающимся грешником и велю замуровать себя в чулане без дверей, как тот литвак из Айшишек? Ты будешь мне верна? Будешь передавать еду через дырку в стене?

— Чтоб каяться, необязательно замуровываться, — сказала Эстер.

— Зависит от грехов, — возразил он.

— Я замуруюсь с тобой.

Всё, как всегда, закончилось ласками, нежностями и клятвами в вечной любви. Когда Эстер заснула, ей приснился плохой сон, и назавтра она до полудня постилась. Потом тихонько прочла найденную в молитвеннике молитву: «Всемогущий Боже, я принадлежу Тебе, и сны мои — Твои...» Еще она пожертвовала шесть грошей на ребе Меира Чудотворца, а от Яши потребовала поклясться всем для него святым, что он прекратит донимать ее глупостями, потому что неизвестно, что кому суждено. Все решается в небе.

Праздники кончились. Яша запряг лошадей и был готов ехать. С собой он брал обезьянку, ворону и попугая. Эстер перед его отъездом на этот раз так много плакала, что у нее опухли веки, ломило полголовы и давило левую грудь. Она никогда не увлекалась вином, но после Яшиных отъездов для улучшения настроения

то и дело прикладывалась к вишневке, а досаду срывала на швейках, придираясь к каждому стежку. Самое удивительное, что и девушки, едва уезжал Яша, тоже скучнели — такой уж он был всеобщий любимчик.

Яша отбывал в субботний вечер. Эстер проводила повозку до большака. Она бы пошла и дальше, но Яша шуточно пригрозил кнутом. Ему не хотелось, чтоб Эстер возвращалась в темноте. На прощанье Яша еще разок ее поцеловал и оставил на дороге, простирающую к нему руки и всю в слезах. Так они расставались всегда, но сегодня все было почему-то тяжелей.

Он свистнул, и лошади взяли галопом. Ночь выдалась теплая, месяц на ущербе глядел с неба. Глаза Яши наполнила тьма, и вскоре он отпустил вожжи, давая лошадям самим держаться дороги. Он ехал, а месяц торопился вслед. Поля были прекрасны! В лунном свете метелки пока еще зеленых колосьев казались серебряными. Отчетливо виднелось каждое огородное пугало, каждый стебель, каждый василек на меже. Роса падала на землю, как мука из Божьего сита. Во тьме что-то коллобродило и происходило, точно незримые зерна сыпались в незримые жернова. Лошади и те нет-нет поворачивали головы. Казалось, было слышно, как корни сосут землю, как растут стебельки и текут подземные воды. Иногда в полях проносилась тень словно бы сказочной птицы или слышался какой-то высокий звук, но не человеческий и не звериный, точно некое чудище носилось в безднах ночи. Яша глубоко вдохнул воздуха и потрогал пистолет, лежавший в кармане брюк для защиты от опасных людей. Дорога шла через Пески. В тамошнем предместье жила мать Магды. В самих же Песках Яша числил в приятелях нескольких отпе-

тых воров, а еще некую Зевтл, брошенную жену, с которой водил шашни.

Вскоре завиднелась кузня — дрянное покосившееся строение под разворошенной, словно покинутое птичье гнездо, горбатой крышей и дырой вместо окошка. Когда-то Адам Збарский, отец Магды, ковал тут лемехи и топоры. Сын шляхтича, разоренного восстанием 1830 года, он отдал Магду в люблинский пансион, а потом, когда случилась эпидемия, умер. Уже восемь лет Магда ходила в помощницах у Яши. Коротко стриженная, одетая на представлениях в трико, она крутила сальто, вертела ногами бочку, подавала Яше булавы для жонглирования. В Варшаве они нанимали жилье на Старом Мясте. В участке Магду заявили прислугой.

Лошади, как видно почуяв кузню, пошли резвее. Теперь Яша ехал полями гречихи и картофеля. Он миновал придорожную часовенку с Богородицей, державшей на руках Младенца. В лунном свете фигура казалась удивительно живой. Чуть поодаль, на взгорке, находилось католическое кладбище, огороженное низкой оградой. Яша взгляделся. Здесь лежали отошедшие в вечный покой. Он всегда высматривал на погостах признаки загробной жизни. Сотни раз ему приходилось слышать невероятные рассказы про огонечки, мерцающие меж могил, про призраков и духов. О Яшином дедушке рассказывали, будто спустя недели и даже месяцы после смерти тот являлся своим детям и чужим людям. Еще говорили, что однажды он постучал в окно собственной дочери... Сейчас, однако, Яша не высмотрел ничего. Склонившись одна к другой, замерли березы. Надгробия глядели друг на друга с безмолвием раз навсегда отговоривших свое.

2

Збарские ждали его к ночи: ни мать, ни дочь не ложились. Елизавета Збарская, вдова кузнеца, чудовищно толстая, сверху узкая, книзу раздававшаяся вширь, походила на копну. Ее седые волосы были собраны сзади, а лицо, вопреки тучности, сохраняло тонкие черты. Она раскладывала пасьянс и хотя, рано оставшись сиротой, не умела читать и писать, знание карт явно свидетельствовало о ее благородном происхождении. Как видно, Елизавета когда-то была красива, ибо и сейчас черты имела правильные: хорошей формы слегка вздернутый точеный нос, рот, сохранивший все зубы, маленькие губы, голубые глаза. Увы, под могучим подбородком повисал зоб, достигавший почти до груди; бюст выдавался, точно балкон, руки к плечам были невероятно толсты, и на них тряслось дряблое мясо, а туловище выглядело набитым плотью мешком, из которого отовсюду выпирали всевозможные выпуклости. У нее были больные ноги, и даже дома она опиралась на палку. Раскладывая засаленные старые карты, Елизавета словно бы разговаривала с ними:

— Опять пиковый туз! Ой дурной знак! Что-то будет, дети, что-то случится!..

— Что может случиться, мама? Опять ты со своими суевериями! — откликнулась в ответ Магда.

Магда уже заранее собрала баул с латунными оковками — Яшин подарок. Ей давно было за двадцать, но выглядела она моложе, а на выступлениях и вовсе казалась восемнадцатилетней. Маленькая, смуглая, безгрудая — кожа да кости, — не верилось, что она дочь Ели-

заветы. У Магды были серо-зеленые глаза, вздернутый нос, полные губы, надутые, словно готовые к поцелую или как у готового заплакать ребенка. Еще у нее была длинная худая шея, пепельные волосы, красные, как розы, высокие скулы. А еще — прыщички на лице. В пансионе ее прозвали жабой. В школьную пору Магда была диковатой, замкнутой девочкой, склонной к необъяснимым поступкам и грубым выходкам, и уже тогда отличалась необыкновенной ловкостью: лазила по деревьям, быстро схватывала новый танец, а ночью, когда дверь спальни комнаты запирали, вылезала в окошко и тем же путем возвращалась. До сих пор пансион вспоминался ей адом. К ученью она была не способна, одноклассницы попрекали ее ковалем-отцом, даже учительницы не скрывали неприязни. Магда несколько раз пыталась сбежать, была в плохих отношениях с подругами и однажды, когда ее наказали, плюнула монахине в лицо. Едва умер отец, Магда из пансиона ушла, так и не получив свидетельства об окончании. Потом Яша взял ее в помощницы.

Пока она была молодой девушкой, считалось, что ее сыпь, первопричину которой усматривали в девичьей тоске, исчезнет, когда Магда заживет с мужем. Но вот уже много лет она любовница Яши, а сыпь не сходит. Связь со своим патроном Магда не скрывала. Когда Яша ночевал у Збарских, она спала с ним в широкой кровати, стоявшей в алькове, и мать по утрам приносила обоим в постель чай с молоком. Елизавета звала Яшу «сыночек». Было время, когда Болек, младший брат Магды, возненавидевший Яшу, грозился его убить, но потом и он примирился с обстоятельствами. Яша содержал всю семью, а Болек брал у него деньги на гулянки,

карты и домино. Всякий раз, когда Болек собирался расправиться с проклятым евреем за поруганное имя Збарских, Елизавета колотила себя по голове, а Магда кричала: «Если хоть один волос его упадет — умрешь ты и умру я... Клянусь памятью отца... Ляжешь со мной в могилу...»

И шипела, и фыркала, словно кошка на собаку.

Семья Збарских сильно заплошала. Магда скиталась с циркачом (Болек называл его цыганом). Сам же Болек был на побегушках у песковского ворья. Его посылали с разного рода поручениями к скупщикам краденого. Он, случалось, и ночевать оставался у воров. Елизавета превратилась в обжору и так разъелась, что с трудом проходила в дверь. С утра и до последней перед сном молитвы она жевала что повкусней: колбасу с кислой капустой, жаренные на сале пончики, яичницу с луком и шкварками, вареники с мясом или гречневой кашей. У Елизаветы так отяжелели ноги, что она перестала ходить в костел даже по воскресеньям, и только делала, что плакалась детям:

— Дожили мы, дожили! С тех пор как ваш отец, царство ему небесное, нас покинул, мы — ничто... мы никому не нужны...

Соседи считали, что Елизавета поступилась Магдой ради Болека. Сына она обожала, прощала все его выходки, потакала прихотям, отдавала последнюю копейку. Хотя в костел она теперь ходить не могла, но Богу молилась, угодникам свечки ставила, стояла на коленях перед святыми образами и читала на память молитвы. При этом Елизавета пребывала в постоянной заботе, чтоб не случился урон их благодетелю Яше, чтобы он, упаси Боже, не потерял интереса к Магде.

Благополучие семьи держалось на нем и на его подарках. Она же, Елизавета, с артритическими своими конечностями, болями в спине, жилами на ногах и твердым как камень желваком в груди (Елизавета всякий раз пугалась, что желвак разросся, как у ее матери, царство ей небесное) была словно расколотый горшок...

Болек в тот вечер уехал в Пески, и было неизвестно, вернется он на ночь домой или останется у тамошних злодеев, как называла воров Елизавета. В городе у него была еще и зазноба. Так что Елизавета ждала и Яшу, и Болека, а пасьянс должен был не только открыть ей будущее, но и сказать, кто из них приедет первым и когда. У Елизаветы имелись свои приметы. Те же самые король, дама, валет, стоило перемешать колоду, означали всякий раз совсем другое. Цветные эти картинки для нее были живыми, умными и таинственными... Заслышав лай Жука и скрип колес, она перекрестилась. Слава Богу, он уже здесь, сынок из Люблина, их благодетель. Она знала, что у Яши есть жена и что он водится с прохвостами из Песков, но предпочитала об этом не думать — что тут поделаешь? Следует пользоваться тем, что есть. Она — бедная вдова, ее дети — сироты, зачем вникать в мужские повадки? Всё лучше, чем отдать дочь на фабрику, где та выкашливает легкие, или того хуже в стыдный дом... Всякий раз, когда подъезжала Яшина повозка, Елизавете приходило на ум одно и то же — силы зла стоворились отвадить от нее счастье, она же оборола их каждодневными жаркими молитвами Всевышнему... Она хлопнула в ладоши и победно глянула на Магду, но заносчивая дочка даже виду не подала, хотя мать видела, что та рада-радешенька. Яша был для Магды не только любовником, но еще как бы и

отцом. Кто бы другой польстился на такую, худую как палка и плоскую?..

Елизавета заперхала, засопела и стала отодвигать стул, пытаясь подняться. Магда на мгновение замерла, а потом кинулась к воротам. Она бежала к Яше с распахнутыми для объятия руками.

— Милый!

Яша слез с козел, обнял ее и стал целовать. Лицо Магды запылало точно в горячке. Жук, тот еще прежде бросился к гостю. На повозке кричал попугай, стрекотала обезьянка, каркала и что-то восклицала ворона. Елизавета, переждав, когда Яша нарадуется дочке, вышла на порог. Она стояла в дверях, большая и напыженная, точно снежная баба, терпеливо дожидаясь, чтобы он подошел и учтиво поцеловал ей руку. Она обняла Яшины плечи и запечатлела у него на лбу поцелуй, при этом сказав всегдашнее: «Гость в дом, Бог в дом». Потом расплакалась и стала утирать фартуком слезы.

3

Елизавета ждала Яшу не только из-за дочери. Ей и самой не терпелось его увидеть. Он всегда привозил из Люблина колбасу, печенку, халву. Даже специально купленные в кондитерской пряники. Однако важнее лакомств было с ним поговорить. Болек, тот в разговоры с матерью не пускался и выслушивать ее не желал. Хотя Елизавета тряслась над сыном и всем для него жертвовала, он обходился с ней грубо. Стоило Елизавете заговорить о своем, Болек сразу ее обрывал:

— Врете вы, мама, и не краснеете.

И слова от этого застревали в горле, а Елизавета заходила кашлем и багровела, словно от удара. Потом принималась давиться, икать, и тот же Боек, этот выродок, приносил воды и хлопал ее по спине, чтобы сглотнулся комок в горле.

Магда слушать слушала, но сама не произносила ни словечка. С ней можно было разговаривать хоть три часа, рассказывать хоть что — она даже бровью не поведет. И только еврей Яша, фокусник, Елизавету выслушивал, спрашивал и относился к ней, как подобает относиться к теще, но не к сварливой, а доброй. Он, бедняжка, тоже рано стал сиротой, так что Елизавета была ему как мать. В душе она полагала, что это ее должна благодарить Магда за долголетнюю Яшину привязанность. Она, Елизавета, готовила для него любимую еду, давала разные житейские советы, остерегалась перед недоброжелателями и даже растолковывала Яшины сны. Еще она подарила ему слоника, доставшегося ей от прабабки, которого Яша, когда ходил по канату или исполнял какие-нибудь еще опасные трюки, припиливал под лацкан.

Хотя он всякий раз уверял, что не голоден, Елизавета сразу бралась за стряпню. Все бывало заранее приготовлено: свежая скатерть, дрова и щепа для растопки, фарфоровая чашка, из которой он пил, тарелка с голубым узором, из которой ел. И даже салфетка лежала. Елизавета всегда старалась показать себя умелой хозяйкой. Хотя ее муж был кузнец, но дед, помещик Чаплинский, владел имением в четыреста душ и охотился с Радзивиллами...

Вообще-то Елизавета уже поужинала, но Яшин приезд всегда наново возбуждал в ней аппетит. После пер-

вых радостей встречи Яша с Магдой ушли в альков, где стояла кровать, а Елизавета занялась ужином. Ее усталость как рукой сняло: тяжесть в ногах, к ночи точно налившихся свинцом, исчезла, точно по волшебству. Она вмиг разожгла плитку и с поразительным проворством принялась жарить и парить, что ее уже совсем оживило. Она чуть ли не всхлипывала от счастья. И, довольная, вздыхала. Разве удивительно, что Магда его обожает? Даже в нее, Елизавету, он вселил новую жизнь...

Все было как всегда. Яша уверял, что не голоден, но еда уже стояла на столе, и аромат ее наполнял весь дом. На этот раз Елизавета приготовила блинчики с вишней и творогом, посыпанные сахаром и корицей. На столе стояла бутылка вишневки, а еще — сладкая водка, в прошлый приезд привезенная Яшей из Варшавы. Стоило Яше попробовать блинчик, и он попросил еще. Магда, с ее сморщенным желудком и постоянными запорами, тоже вдруг разохотилась и ела как человек здоровый. Пес, колотя хвостом, не отходил от Яши. После кофе с пончиками Елизавета принялась рассказывать свои истории — как к ней относился покойник муж, как носил ее на руках и как однажды царская карета остановилась у кузни — надо было перековать коня, и государь собственной персоной пожаловал к ним в дом, а Елизавета поднесла ему водки. Но самые невероятные события Елизавета пережила в дни восстания 1863 года¹. Она прятала приговоренных к смерти повстанцев. Подавала сигналы польскому отряду о приближении казаков. Своими слезами и мольбами она спасла одну шляхтянку от розог москалей. Магда была

¹ Неудавшееся восстание против российского владычества.

тогда ребенком, но Елизавета все же призывала ее в свидетели.

— Помнишь, Магда? Ты еще сидела на коленях у генерала: он был в панталонах с красными лампасами, а ты играла его медалями... Не помнишь? У детей всегда дырявые головы!.. Ешь, дорогой мальчик, возьми еще блинчик. Не повредит. Моя бабушка Зофья, да будет она нашей заступницей, говаривала: «У кишки дна нету...»

Один рассказ переходил в другой. В своем прошлом Елизавета претерпела от всевозможных болезней. Ей резали грудь, а потом зашивали иголкой. Показывая шов, она сдвинула блузку. А один раз Елизавета так болела, что послали уже за ксендзом и даже обмерили ее для гроба. Она лежала как мертвая и лицезрела ангелов, духов и разные видения. Но вдруг явился покойный отец, прогнал духов и воскликнул громовым голосом: «У моей дочки малые дети. Ей нельзя умирать!..» И тут же по всему Елизаветиному телу покатились капли пота величиной с горошину.

Часы с деревянными гириями уже показывали полночь, а Елизавета только-только разговорилась. В запасе у нее были десятки историй. Яша внимательно слушал, задавал вопросы, кивал. Чудеса и невероятные события, о которых она сообщала, поразительно напоминали то, о чем рассказывали люблинские евреи тоже. Магда раскраснелась и принялась зевать.

— В прошлый раз, мама, ты говорила про это совсем не так

— Как можно такое сказать, доченька? Срамишь меня перед моим мальчиком. Да, твоя мать — бедная вдова без средств и связей, но она не лжет...

— Ты просто все позабываешь, мама.

— Я ничего не позабываю. Вся жизнь передо мной как на ладони.

И Елизавета завела историю про жуткие холода. Однажды зима наступила так рано, что евреи в праздник Кущей не смогли пользоваться шалашами, которые уносил ветер. На мельнице бурное течение сорвало ворота запруды, размыло дамбу и затопило полдеревни. Навалило столько снега, что люди утопали в сугробах, как в болоте, а их тела обнаружили только весной... Голодные волки выходили из лесов и забегали в деревни таскать младенцев из колыбелей. Морозы были такие, что потрескались дубы...

В разгар истории вошел Болек, среднего роста коренастый молодой человек с красным рябым лицом, бледно-голубыми глазами, льняными волосами, курносый носом и с большими, как у мопса, ноздрями. На нем была расшитая жилетка, галифе, сапоги с высокими голенищами и, словно у охотника с картинки, шляпенка с пером.. Папироса торчала из уголка рта. Он, посвистывая, вошел и, как пьяный, споткнулся о порог. Завидев Яшу, Болек засмеялся, но тотчас посерьезнел, даже нахмурился:

— А, приехал!

— Поцелуйтесь, свояки! — воскликнула Елизавета. — Вы же свойственники... С тех пор как Яша — с Магдой, он тебе брат. Даже ближе! Ближе!

— Довольно, мать!

— Чего мне надо? Чтобы в доме был мир... Наш ксендз когда-то сказал в проповеди: мир, что роса, с небес упadaющая и поля напоющая... Это было, когда приехал епископ из Ченстоховы... Как сейчас вижу его фиолетовую шапочку...

Больше говорить она была не в силах и залилась слезами.

4

Вообще-то Яша торопился в Варшаву, но на день-два приходилось тут застрять. После ужина он пошел укладываться в большую кровать алькова. Елизавета набила тюфяк свежей соломой, навлекла чистые наволочки и пододеяльник. Яша улегся, однако Магда пришла не сразу. Сперва долго и старательно мылась. Мать помогала ей намыливаться, а потом надевать длинную ночную рубашку, по подолу и вырезу обшитую зубчиками. Яша лежал тихо и поражался тому, что он себе позволяет. «Это все от скуки», — сам себе объяснял он происходящее. Потом прислушался. Мать с дочерью препирались. Елизавета обожала давать Магде советы, прежде чем та отправится спать, и сейчас намеревалась привязать ей сашетку с лавандой. Болек храпел, растянувшись на лавке. Странно, но Яша и тут словно бы шел по проволоке. Один неверный шаг — и Болек всадит ему нож в сердце.

Яша задремал и увидел сон, что летает — поднялся высоко-высоко и парит. Удивительно, как это ему раньше не приходило в голову попробовать — настолько все получалось просто и легко. Сон снился чуть ли не каждую ночь, и Яша всякий раз просыпался с ощущением, что побывал в некоей искаженной действительности. Часто он даже не мог понять: снится ему, или он всего лишь об этом думает. Уже давно Яша собирался приладить крылья и полететь как птица. Если могут птицы, почему не может человек? Крылья сле-

дует изготовить достаточной величины и из крепкого шелка, какой идет на монгольфьеры. Они должны быть на прутьях, как зонтик, и при этом складываться и разворачиваться. А если крыльев будет недостаточно, можно приспособить промеж ног что-то вроде перепонки, как у летучей мыши. Человек, понятно, тяжелее птицы, но орлы и коршуны тоже кое-что весят, а могут, схватив ягненка, с ним улететь... Если Яша не думал об Эмилии, мысли перескакивали на полеты. Целые ящики у него были набиты планами, чертежами, кипами газетных и журнальных вырезок. Конечно, многие, пытавшиеся летать, убились, однако факт и то, что они летали. Просто материя должна быть достаточно прочна, прутья эластичны, человек ловок, легок, подвижен, и все получится. Вот будет шуму, полети Яша над крышами Варшавы или еще лучше над улицами Рима, Лондона или Парижа...

Похоже, он опять задремал и, когда пришла Магда, очнулся, хотя и лежал с открытыми глазами. Она принесла с собой запах ромашки и, как всегда, робела. Пришла, точно испуганная девственница, улыбаясь в темноте и как бы за что-то прося прощения. Легла рядом — худая, прохладная, в слишком просторной рубаше, с еще влажными волосами. Он провел рукой по ее ребрам.

— Ты что — ничего не ешь?

— Почему? Ем.

— Тебе легко летать. Весишь не больше гуся...

В поездках они сживались, но после разлуки, после недель, проводимых им с женой, друг от друга отвыкали, и приходилось как бы начинать все заново. Они были как молодожены в первую брачную ночь. Магда легла к нему спиной, и он тихонько уговорил ее повер-

нутья. Она стеснялась матери и брата. Когда у него срывалось громкое слово, Магда зажимала ему рот. Яша обнял ее, и она задрожала в его объятиях, шепча что-то, но так тихо, что было не разобрать. Почему он так долго не ехал? Она уж думала, что не приедет... Мать все время разговаривает и разговаривает... Только причитает и сетует... И еще опасается, что он нашел другую... Болек опять водится с ворами. Какой стыд, какой стыд. Так и в тюрьму попасть недолго. И ужасно много пьют. Напьется и скандалит... А что Яша делал в Люблине все это время? Дни тянулись, как смола...

Поразительно, но эта робкая девушка постепенно, словно бы в нее что-то вселялось, становилась пылкой. Она зацеловывала Яшу, отдавалась ему, как он ее учил, — но тихонько, боясь разбудить мать или брата. Это был некий тайный обряд, посвященный духу ночи. Хотя в пансионе Магда разговаривала на правильном польском, сейчас она бормотала что-то на деревенском наречии, которого Яша почти не понимал; шептала слова дикие, несуразные, унаследованные от поколений крестьянских предков.

— Если случится, что я от тебя уйду, не сомневайся, я появлюсь снова. Оставайся мне верна, — сказал он.

— Да, мой единственный... до гроба...

— Я прилажу тебе крылья, и ты полетишь.

— Да, мой господин... уже лечу...

5

В Песках была ярмарка. Болек уехал в Люблин сразу после завтрака. Яша отправился в Пески пешком, со-

славшись на то, что собирается заглянуть в тамошние лавки. Елизавета пыталась его отговорить, умоляя дожидаться обеда, но Магда молча покачала головой. Она никогда ему не перечила. Яша ее поцеловал, и она покорно сказала:

— Не забывай дорогу домой...

Базарный день начинался засветло, однако припозднившиеся крестьяне еще тянулись по дороге. Кто вел на бойню тощую коровенку, кто — свинью или козу. Бабы с деревянными рамками под головными платками, что отличает мужних жен, несли свой товар в мисках, жбанах и коробах, накрытых льняными плахтами. Они смеялись и заговаривали с Яшей, помня его по выступлениям в деревнях. Яшу нагнал свадебный поезд с музыкантами. Кони были украшены зелеными веточками и гирляндами цветов. Музыканты играли на маленьких скрипках и пели какую-то протяжную мелодию. С воза, на который, словно гуси, набились сельские девки, неслась песня, обещающая посрамление мужчинам:

Ой черным-черна я,
Почернею пуще.
Стану самой черной
Я твоей зазнобой.

Ой белым-бела я,
Побелею пуще.
Повстречаешь — ахнешь,
Да кому ты нужен?

Зевтл, брошенная жена, жила среди воров на горке за бойней. Муж ее, Лейбуш Лейках, сбежал какое-то

время назад из тюрьмы в Янове, и было неизвестно, куда он подевался. Одни говорили — уехал в Америку, другие, что в глубь России. Многие месяцы о нем не было ни слуху ни духу. Зевтл не получила даже почтовой карточки. Воры, составлявшие сообщество, управляемое по воровским законам старостой, каждую неделю выдавали Зевтл два золотых, что обычно производилось, если кормилец попадал в острог; однако было похоже, что Лейбуш Лейках пропал навсегда. Они с Зевтл были бездетны, к тому же происходила она не из люблинской округи, а откуда-то с другого берега Вислы. Обычно жены пойманных воров вели себя добропорядочно. Насчет Зевтл, однако, шушукались. Она в будние дни носила украшения, не покрывала головы и по субботам стряпала. Не сегодня-завтра вспомоществование могло прекратиться.

Яша, зная все это, завел тем не менее с бесстыдницей шашни: тайком пробирался к ней и дарил трехрублевки. Сейчас он шел с варшавским подарком — бусами. Это было совершенное безумие — у него жена, Магда, он влюблен в Эмилию, — что же искал он у Зевтл на этой паршивой горке? Яша много раз решал, что порвет с ней, но, попадая в Пески, не зайти не мог. Сейчас он торопился, спеша и страшась, точно мальчик, которому предстоит первая встреча со шлюхой. Шел он не по Люблинской, а задами по Синагогальной.

Хотя было после Швуэс, глинистый здешний грунт оставался еще раскисшим. У Зевтл, однако, чистота была безупречная: занавески на окнах, лампа с абажуром из нарезанной лапшой бумаги, подушечки на кровати. Пол, как перед зажиганием свечей в пятницу, был выскоблен и посыпан желтым песком. Зевтл — молодень-

кая женщина с вьющимися волосами, с черными глазами, смутлая, точно цыганка, с родинкой на левой щеке и шнурком стеклянных бус на шее — стояла посреди комнаты. Она улыбалась ему лукавой белозубой улыбкой и говорила на своем великопольском идише:

— А я ж решила, ты больше не придешь!

— Обещал и пришел, — строго и сухо оборвал Яша.

— Вот же ж гость...

Все было унизительно: поцелуи, дарение подарка, ожидание, когда она сварит кофе с цикорием. Но, как местные воры крали деньги, так и ему необходимо было красть любовь. Зевтл заперла от гостей дверь на цепочку и заткнула бумажкой замочную скважину, чтоб не подглядывали. Насколько она медлила, настолько Яше было спешно. Он то и дело косился на постель, так что Зевтл задернула перкалевый полог, давая понять, что еще не время.

— Ну, рассказывай, что слышно на свете? — сказала она.

— А я знаю?

— Кто же знает, если не ты? Мы тут на одном месте, а ты — свободный как птица.

Зевтл села рядышком на стул, коснувшись его колена своим. Юбку она уложила так, чтобы виднелись краешки черных чулок и красные подвязки.

— Я так тебя редко вижу, — посетовала она, — что каждый раз позабываю.

— От мужа есть что-нибудь?

— Пропал как иголка в сене.

И усмехнулась — дерзко, презрительно, неискренне.

Пришлось ее выслушать, потому что, когда женщина разговорчива, с этим ничего не поделаешь. Хотя

она жаловалась на жизнь, словечки, гладенькие и кругленькие, сыпались у нее изо рта как горох. Что ее ждет? Что она тут высидит в Песках? Лейбуш, ясное дело, не вернется. Что с возу упало, то пропало. Уже сейчас она по сути дела вдова. Ей еще швыряют два золотых в неделю, но как долго это продлится? Касса у воров пуста. Половина хевры за решеткой. А что купишь за пару целковых? Воду для каши? Она задолжала всему свету. Надеть на себя нечего. Все женщины ей враги. Только о ней и судачат, а у нее прямо уши пылают. Летом еще так-сяк, но когда начнутся дожди, можно сойти с ума...

Жалуясь на судьбу, Зевтл играла висюлькой цепочки. На ее правой щеке вдруг появилась ямочка.

— Возьми меня, Яшенька, с собой.

— Не могу.

— Почему? У тебя лошади и подвода.

— А что скажет Магда? Что скажут в местечке?

— В местечке и так говорят. Всё, что умеет твоя девушка, я сумсю не хуже. Даже немножко лучше.

— И сальто сделаешь?

— Если не сделаю — научусь.

Всегдашний пустой разговор. Для циркачки она была слишком толста. С коротковатыми ногами, широкими бедрами и выпирающей грудью. «Она годится разве что в прислуги и еще кой на что», — подумал Яша. И хотя влюблен в нее, конечно, не был, вдруг заревновал. Кто может знать, чем она тут занималась, пока он ездил? «В последний раз я здесь, — решил он. — Оно ведь все потому, что мне скучно и хочется забыться, — оправдывался Яша сам перед собой. — Как пьянице, который заливает горе водкой». Он никогда не мог понять, как это другие, не впадая в тоску, живут всю жизнь на одном ме-

сте с одной женщиной. Он, Яша, всегда готов расхандриться... Яша достал три серебряных рубля и с ребячливой важностью разложил их на ноге Зевтл ниже краешка платья: один возле коленки, другой повыше, третий на бедре. Зевтл глядела с любопытством и улыбочкой.

— Это мне не поможет.

— Но и не помешает.

Яша разговаривал с ней грубовато, на ее манер. Одним из его талантов было умение примениться к человеку — что, кстати, не лишнее и в магнетизме. Зевтл обстоятельно собрала даренные рубли и положила в ступку на комод.

— Что ж, спасибо.

— Я спешу.

— Что за спешка? Я скучаю по тебе. Недели проходят, а от тебя ни слуху ни духу. Что ты подделывашь, Яшенька? Мы ведь еще и друзья.

— Ясное дело...

— С чего ты такой задумчивый? Будь я не я, наверно, новый товар завелся! Ну-ка расскажи! Я не заревную. Я все понимаю! Для тебя женщина, как цветок для пчелки. Каждый раз новос. Тут пожужжал, там побывал и — жож! — улетаешь. Как я завидую мужчинам! Можно продать последние панталоны, лишь бы стать мужчиной!..

6

— У меня появилась одна, — сказал Яша.

Ему давно хотелось с кем-нибудь поделиться. С ней он чувствовал себя совершенно свободно. С Зевтл можно было не опасаться ни ревности, ни гнева. Он

обходился с ней, как помещик с деревенской девушкой. А у Зевтл уже разгорелись глаза. Она заулыбалась невеселой улыбкой обиженного, которому обида доставляет удовольствие.

— Я как чувствовала! Кто же она?

— Вдова профессора.

— Вдова? И что?

— И ничего.

— Ты влюбился?

— Немного.

— Когда мужчина говорит «немного», значит, «очень».

Она молодая? Красивая?

— Не такая уж и молодая. У нее четырнадцатилетняя дочь.

— В кого же ты влюблен, в мать или дочь?

— В обеих.

Зевтл притворно поперхнулась.

— Обеих не получишь, дорогой мой.

— Пока мне достаточно матери.

— Что такое профессор? Доктор?

— Он учил математике в университете.

— А это что такое?

— Счет.

Какое-то время она размышляла.

— Я знала. Меня не обманешь. Стоит мне поглядеть на мужчину, и все ясно. Что ты собираешься делать? Жениться на ней?

— Я женат.

— У тебя жена играет роль! Но как вы познакомились?

— Она была в театре, и кто-то ее представил. Или нет, я отгадывал мысли и сказал ей, что она вдова и прочее.

— Откуда ты знал?

— Моя тайна.

— А потом что?

— Она влюбилась. Решила все бросить и ехать со мной за границу.

— Прямо так?

— Она решила выйти за меня.

— За еврея?

— Хочет, чтобы я немножко крестился..

— Немножко? А на что тебе заграница?

Яша посерьезнел.

— А что я имею здесь? Двадцать пять лет на сцене и по-прежнему бедняк. Сколько можно еще ходить по проволоке? От силы — лет десять. Все меня хвалят, но платить никто не платит. За границей таких, как я, ценят. Там, если знаешь пару фокусов, ты богат и знаменит. Выступаешь перед королями, едешь в карете. Будь мое имя известно в Европе, ко мне и тут, в Польше, относились бы по-другому. Понимаешь, что я говорю? Здесь хотят, чтобы все было как в больших странах, и все пляшут под их дудку. Оперный певец может драть горло как петух, но если он пел в Италии, все кричат «браво!».

— Всё так, но придется креститься.

— Большое дело! Кладешь рукой крест, и на тебя брызгают водой. Откуда я знаю, какой Бог правильный? Никто не был на небе. Да я и молиться не хожу.

— У католиков — пойдешь.

— За границей это мало кого интересует. Я — циркач, не священник. Знаешь, сейчас новая мода: гасят свет и вызывают духи покойников. Садятся за столик, кладут на него руки, и стол отрывается от пола. Об этом полно в газетах.

— Настоящие дүхи?

— Не будь дурой. Всё делает фокусник. Он подставляет ногу, приподнимает стол и щелкает в ботинке большим пальцем. Это значит, что духи подают голос. Очень солидные люди ходят на эти сеансы, особенно женщины. Скажем, у кого-то умер сын, и от него хотят получить весточку. Платят фокуснику деньги, и медиум вызывает дух сына.

Глаза Зевтл округлились.

— Правда?

— Чепуха это!

— Может, колдовство?

— Колдовать они не умеют.

— Мне говорили, что в Люблине есть человек, который показывает в черном зеркале покойников. И сказали, что я могла бы увидеть Лейбуша.

— Что ж ты не бежишь? Тебе покажут какую-нибудь картинку и скажут, что это Лейбуш.

— Что-то ведь все-таки покажут.

— В лучшем случае хворобу, — сказал Яша, удивленный, что дискутирует о подобных вещах с Зевтл. — Я тебе покажу в зеркале кого хочешь, даже твою бабу!

— Значит, Бога нет?

— Есть. Но никто с ним не разговаривал. Как разговаривает Бог? Если по-еврейски, его не поймут поляки, если по-французски, обидятся англичане. В Торе сказано, что он говорил по-древнееврейски, но меня там не было. Что же насчет духов — они тоже есть, но фокусник их вызвать не может.

— А где душа? Все так страшно!

— Почему?

— Я по ночам глаз не могу сомкнуть: все покойники мне являются. Даже видела, как мою маму кладут в могилу. Она была вся белая... Зачем мы живем? И еще я скучаю по тебе, Яшенька. Не хочу лезть не в свое дело, но эта гойка сведет тебя в могилу.

Яша вскинулся:

— Почему? Она меня любит.

— Ну-ну. Поступай как знаешь, но оставайся евреем.

Что будет с твоей женой?

— А что с ней будет, если я сдохну? Мужья умирают, а через четыре недели вдова снова бежит под балдахин. Тебе, Зевтл, я могу сказать все. Мне перед тобой скрывать нечего. Я хочу еще немножко пожить.

— А что будет со мной?

— Если разбогатею, я и тебя не забуду.

— Забудешь. Ты за порог ступишь — и сразу все забываешь. Не думай, я не ревную. Первые две недели по мне мурашки бегали. Я готова была тебе ноги мыть и воду пить. Но когда узнала тебя ближе, сказала себе: «Зевтл, пожалей свои мурашки». Я не ученая и не разбираюсь в этой... — как она там называется? — но голову на плечах имею. Я думаю-думаю, и в голову лезут разные мысли. Когда в трубе вост ветер, на меня находит тоска и хочется куда-нибудь далеко сбежать. Иногда мне даже кажется, что Лейбуш был прав. Ему не давали покою. Помогите мне уехать Яшенька, иначе я сдохну. Я не хочу лежать в Песках, слышишь? Не хочу, чтобы воры приходили на мою могилу... Ты не поверишь, но недавно я чуть не наложила на себя руки.

— С чего это?

— Просто так. Мне стало тошно, а тут гляжу — веревка. Смотрю — крюк на потолке. Вон тот, где лампа.

Я встала ногой на скамеечку, получилось как раз. И тут меня разобрал смех.

— Хороший смех!

— Так вышло. Я вдруг подумала — лезешь в веревку, и — всё... Яшенька, возьми меня в Варшаву!

— А твой скарб?

— Продам. Пусть попользуются по дешевке.

— Но что ты собираешься делать в Варшаве?

— Не бойся, тебе на шею не сяду. Пойду, как нищенка в сказке, встану у чьей-нибудь двери и скажу: «Здесь вот останусь». Стирать белье и таскать за хозяйкой корзину можно всюду...

Яша собирался к жиниу вернуться к Елизавете, но Зевтл и слышать об этом не хотела. Она устроила целый пир, приготовив любимое Яшино блюдо — домашнюю крупную лапшу с творогом и корицей. Стоило Зевтл откинуть щеколду и раздернуть занавески — сразу явились гости. Жены воров пришли хвастаться базарной дармовщиной и мужниными подарками. Пожилые — в растоптанной обуви, нелепых платьях и заношенных платках, кокетничая своей неприглядностью, улыбались Яше беззубыми ртами. Молодые ради гостя принарядились и навешали на себя всевозможные цацки. Хотя Зевтл свои шашни от людей скрывала, она тем не менее выхвалялась перед женщинами Яшиной ниткой кораллов. Те, понимая улыбаясь и значительно подмигивая, стали прикидывать их на себя. Вообще-то вольные нравы на горке не поощрялись. Жены угодивших в тюрьму воров годами хранили мужьям верность, дожидаясь, когда те отсидят. Зевтл, однако, была не только покинутая жена, но и пришлая, то есть что-то вроде цыганки, а от фокусника Яши вообще можно

было ожидать что угодно. Гости качали головами, шептались, строили Яше глазки. Здесь его магические таланты были хорошо известны. Воры не сомневались, что, займись Яша их ремеслом, он бы ходил в золоте. Еще тут полагали, что лучше быть женой мазурика, чем такого, как Яша, разъезжавшего с шиксой, дома бывавшего только по праздникам и жене приносившего сплошной стыд и позор.

Вскоре явились мужчины. Хаим-Лейб Бонц, приземистый, плечистый, с желтой бородой, желтым лицом и желтыми глазами, зашел угоститься варшавской папироской. Яша достал целую пачку, а Зевтл поставила перед гостем бутылку водки и коржики. Хаим-Лейб был старая гвардия, но от дел отошел и теперь ни на что не годился. Он пересидел по всем тюрьмам, причем в одной ему отбили бока. Хаимова брата, конокрада Бенце Клоца, мужики заживо сварили в бочке. Задумчиво пососав варшавскую папироску и проглотив рюмку водки, Хаим-Лейб поинтересовался:

— Что слышно в Варшаве? Как там старый Павяк¹?

Кривой Мехл, громадный ражий мужчина с плечиками великана, бычьим загривком, шрамом на лбу и вытекшим глазом, принес с собой что-то, завернутое в бумагу. Яша сразу догадался, что в свертке замок, который предстоит отмыкать. Мехл сам был спец по замкам и с отмычкой не расставался. Прежде чем пристать к воровскому делу, Мехл ходил в подмастерьях у слесаря. Уже много лет он порывался смастерить что-нибудь такое, с чем бы Яша не справился, а сейчас сидел и помалкивал, терпеливо дожидаясь, когда разговор пе-

¹ Павяк — знаменитая варшавская тюрьма.

рейдет на замки. До сих пор ему не удавалось посрамить Яшу. Как бы сложен и хитер замок ни был, Яша отмыкал его в считанные минуты, причем часто всего лишь гвоздем или головной шпилькой. Мехл тем не менее не сдавался и всякий раз бился об заклад, что изготовит «железо», какое даже архангелу Гавриилу не одолеть. Наезжая в Люблин, он обязательно советовался со слесарем Абрамом Лейбушем, а также другими кузнецами и механиками. Комната Мехла, набитая разными молотками, металлическим прутком, напильниками, пилами для железа, крюками, буравами, клещами и паяльниками, смахивала на мастерскую. Жена его, Черная Бейла, была уверена, что он на этом деле повредился в уме. Яша с улыбкой глянул на Мехла и подмигнул. Если тот рассчитывал оставить Яшу с носом, Яша не сомневался, что, ковырнув или поддев где надо, сумеет, как по волшебству, угадать механизм.

Потихоньку сошлись все: Менделе Байлик, Ёська Дайч-Пурим, Лейзер Крацмих. Ворами верховодил сейчас Бейриш Высокер, крошечный человечек со шныряющими глазками, острым носом и личиком, острой же лысой головой и длинными, точно у обезьяны, руками. Как и Зевтл, он был родом из Великой Польши. Одевался Высокер весьма франтовато: цветные брюки, желтые штиблеты, бархатные жилетки и вышитые сорочки. На голове у него сидела охотничья шляпа с пером. Каблуки штиблет, чтобы добавить росту, были намеренно подбиты. Говорили, что Бейриш так искусен, что вытащит из жилетного кармана часы даже у карманника. Он знал по-русски, по-польски, по-немецки, умел ладить с властями и был не столько вор, сколько делец. Много лет назад Высокер угодил в ката-

лажку, но не за кражу, а за то, что обчистил некоего помещика в карточную игру под названием «цепочка». Насколько Кривой Мехл был специалист по замкам, настолько Бейриш Высокер знал разные штуки с картами. Однако до Яши ему было далеко. То, что умел Яша, Бейришу не снилось. Сейчас в кармане у Высокера тоже лежала парочка крапленых и некрапленых колод, а еще он славился нервозностью и не мог усидеть на месте. Все уже расположились за столом, а Бейриш все крутился, как зверь в клетке, или, верней, как волк, вздумавший поймать собственный хвост. Наклонив голову, Высокер выбрасывал слова.

— Когда ты будешь наш, когда? — гнусавым голоском кричал он Яше. — Дай пять и переходи!..

— Чтобы околеть в кичмане?

— Кто не идиот, ест и кушает.

— Хитрей себя не будешь, — заметил Кривой Мехл. — Каждый может завалиться.

— Надо знать, откуда ветер, — настаивал Высокер.

Яша понимал, что расслаживаться тут не следует. Елизавета умирает от нетерпения. Магда ждет. Бешеный Болек ищет повода для ссоры. Однако взять и уйти тоже не хотелось. Здесь его знали ребенком. На глазах у этих людей Яша из мальчишки при вожаке медведей превратился в артиста польского театра. Сейчас к нему пришли как к раввину. Мужчины похлопывали его по плечу, женщины жеманничали. Среди них были давние его любовницы, теперь замужние и нарожавшие детей, но игриво поглядывавшие и, словно с намеком на прежнее, улыбававшиеся. Насчет Зевтл он не распространялся. Та, однако, из их отношений особой тайны не делала. Ходить в потаскухах ей, как видно, льстило...

Сперва поговорили вообще. Что слышно на свете? Когда война с Турцией? Чего хотят бунтовщики, которые бросают бомбы, готовы убить царя и подбивают к забастовкам на железных дорогах? Что делается в Палестине? Кто эти безбожники, которые вздумали осушать там болота и устраивать колонии? Яша объяснял. В Варшаве он просматривал все газеты, даже «Израелита». Читал и древнееврейскую, хотя понимал не всё. Пока в Песках жили сегодняшним днем, в мире делались дела. Пруссия стала могучей державой. Французы прикарманивали целые куски Африки, где живут черные люди. В Англии строили корабли, за двенадцать дней доплывавшие через океан до Америки, а в Америке поезда ходили над крышами, и еще там поставили тридцатиэтажный дом. Даже Варшава с каждым годом росла и менялась в лучшую сторону. Всюду сдирали деревянные тротуары и устраивали канализацию; еврейские дети завели моду учиться в русских гимназиях или ездить за образованием в заграничные университеты...

Воры слушали и чесали в затылках. Женщины покраснелись и переглядывались. Яша между тем рассказал об американской шайке «Черная Рука». Тамошние ловкачи посылали какому-нибудь миллионеру письмо: «Пришлите, будьте так добры, столько-то долларов, нет — пуля в лоб» — и знак черной руки. И пусть миллионера охраняет даже тысяча человек, если не присылал, он — покойник...

Высокер заметил:

— Такое можно устроить у нас тоже.

— А кому напишем — водовозу Трайтлу?

Воры захохотали и раскурили потухшие папироски.

2

Наконец Кривой Мехл не утерпел:

— Яша, у меня замок.

Яша подмигнул:

— Можно догадаться! Показывай свой подарок.

Мехл медленно распаковал сверток, и все увидели громадный замок со множеством защелок и штифтов. Яша сразу повеселел. Сведя глаза к носу, он в комическом замешательстве и с притворным ужасом, что обычно вызывало смех как в корчме среди крестьян, так и в варшавском летнем театрике «Альгамбра», взглянул на замок. Вмиг преобразившись, он покашливал, крутил носом, даже один раз искусно шевельнул ушами. Женщины захихикали:

— Где такое делают?

— Лучше покажи, что ты умеешь, — строго сказал Кривой Мехл.

— Даже Господу Богу это не отомкнуть, — стал дурачиться Яша. — Оно, как говорится, на века. Но если вы завяжете мне глаза, я его расковыряю. Ставлю десять против одного.

— Договорились.

— Хошь не хошь, а рупь положи. — крикнул Хаим-Лейб.

— Не надо. Я поверю и так.

— Дети, завяжите мне глаза, — повторил Яша, — но чтобы я ничего не видел.

— Давай я фартуком, — сказала Маленькая Малка, женщина с рыжими, перехваченными платком на затылке волосами, муж которой отбывал приговор в

яновской тюрьме. Она сняла фартук, встала за Яшиной спиной и, щекоча пальцем у него за ухом, стала завязывать гостю глаза. Яша между тем сидел молча.

«Что они туда всобачили?» — соображал он. Всегда уверенный в себе, он тем не менее предполагал возможность поражения. Когда-то некий слесарь подсунул Яше замок, который ни один ключ и ни одна отмычка не брали — внутри все было спаяно. Малка с силой, неожиданной для ее маленьких рук, туго затянула сложенный в несколько раз рипсовый фартук, но, как всегда, между глазом и спинкой носа осталась щелка, через которую все было видно. Однако подглядывать Яше не требовалось. Он достал из кармана обрезок толстой заточенной проволоки, служивший ему отмычкой к любому замку, и сперва показал ее присутствующим. Затем приступил к делу. Сначала, словно доктор, который, прежде чем приложить трубку к груди больного, простукивает его, ощупал замок снаружи. Затем занялся отверстием для ключа — сунул туда проволоку и стал шевелить ею, чтобы поглубже вошла и достала куда надо. Какое-то время он к механизму прилаживался и потому возился. Собственные способности Яшу поражали. Проволока открывала все секреты и каверзы, устроенные в замке люблинскими хитрецами. Поначалу казавшийся непобедимым, замок был на удивление прост, точь-в-точь загадки учеников в хедере. Угадал одну — угадаешь все. Яша мог отомкнуть его сразу, но, не желая выставить на посмешище Кривого Мехла, принялся ломать комедию:

— Да-а, не шутка! Что они туда насовали? Зубцы и заклепки, заклепки и зубцы... Ну, машинерия!..

Он хмыкал, шевелил отмычкой и пожимал плечами, как бы желая сказать: «Ума не приложу, что тут можно придумать!..» Стало так тихо, что сделалось слышно, как Хаим-Лейб сопит сломанным и забитым полипами носом. Женщины тихонько перешептывались и фыркали, а Яша произнес то, что всегда говорил на многочисленных своих выступлениях:

— Замóк как женщина. Рано или поздно сдастся.

Гостьи засмеялись.

— Не все такие.

— Надо иметь терпение.

— Ты нам зубы не заговаривай, — крикнул Кривой Мехл запальчиво.

— А ты не погоняй. Сам ковырялся полгода, всадил в этот калач маму с папой, а я, между прочим, не пророк Моисей.

— Не получается, да?

— Получится! Не беспокойся... Просто надо нажать на пупок...

И дужка сразу же отскочила. Поднялся гвалт, хохот, а кое-кто захолопал даже в ладоши.

— Малка, сними с меня что завязала, — сказал Яша, и Малка вздрагивающими пальцами размотала фартук.

Замок лежал на столе, тихий и посрамленный. Глаза всех смеялись, и только единственное око Кривого Мехла глядело строго и хмуро.

— Чтоб я так не был Мехл, если ты не колдун!..

— Ну?! Обученный черной магии в Вавилоне! Могу тебя и Малку превратить в кроликов.

— Меня зачем? Моему мужу нужна жена, не кролик!..

— Через решетку к нему проскочишь...

Яше вдруг стало стыдно, что он теряет время с этой публикой. Знала бы Эмилия, с кем он тут якшается! Она считала его мастером, художником Божьей милостью. Они беседовали о религии, философии, бессмертии души. Яша цитировал премудрости Талмуда, рассуждал о Копернике, Галилее — а сейчас рассиживает с песковским ворьем. Но таков он был. Смотри по обстоятельствам, в момент преображался. В нем уживались разные повадки. Он был верующий и неверующий, хороший и плохой, искренний и притворщик. Умудрялся любить сразу нескольких женщин. Собираясь креститься, он тем не менее, подобрав на улице страничку святой книги, бережно ее целовал... Другие все равно что ключи — каждый от своего замка, и только он мог отомкнуть любую душу...

— Держи свой целкач! — Кривой Мехл достал из бездонного кошель серебряный рубль. Яша сперва решил было не брать, но сейчас, когда хевра в упадке, это бы смертельно оскорбило Мехла. Тут имели свой горор и за обиду могли пырнуть ножом. Яша взял целковый, подкинул на ладони:

— Легкий заработок.

— Мы должны целовать каждый твой палец, — сказал Кривой Мехл тяжелым басом. Казалось, голос шел из его брюха.

— Это дар Божий, — заявила Маленькая Малка.

Глаза Зевтл победно блестели, щеки пылали, губы слали Яше поцелуи и обещали несказанные нежности. Яша знал — здесь в него влюблены все: и мужчины, и женщины. Для песковских обитателей он был светом в окошке. Лицо Хаима-Лейба желтело, точно латунь самовара, поставленного Зевтл на стол.

— Если бы ты прибился к нам, ты имел бы весь мир.

— А как с восьмой заповедью?

— Он думает — он праведник! — выбросил Бейриш Высокер кучу слов. — Все воруют! Что, по-твоему, делает Пруссия? Сперва отхватила кусок Франции, а теперь хочет, чтобы та заплатила ей еще миллиард марок. Она держит Францию за горло. Это — не воровство?

— Война есть война, — заметил Хаим-Лейб.

— Кто может, хапает. Маленького ударят, большому подарят — иначе не бывает. Как насчет карт, а?

— Желасшь сыграть? — улыбнулся Яша.

— Ты привез нам из Варшавы новый фокус? — не унимался Высокер. — Так покажи!

— Здесь что — театр?

Яша взял у него колоду и стал быстро тасовать. Карты прыгали, как рыба в неводе. В какой-то момент Яша провел рукой над столом, и они улеглись вереницей, точь-в-точь гармоника...

Хорошо было снова ехать в повозке с Магдой. Лето входило в свои права. Поля золотели, созревали разнообразно поре плоды. Земля источала пьянящие, дремотные, переполняющие душу радостью запахи... «Господи Боже, Ты — фокусник, не я. — думал Яша. — Ты выколдовываешь из горсти черного праха растения, цветы, краски!.. Но как такое получается? Откуда жито знает, как завязать зерна, и откуда пшеничным колосьям ведомо, как уродить свои? Нет, они этого знать не могут. Они не ведают, что творят. Но ведь есть же ведающий?»

Яша с Магдой сидели свесив ноги. Лошади знали дорогу и шли сами. Разные зверьки перебегали большак: полевая мышь, белка... Незримые пичуги пели и щебетали. На какой-то поляне Яша приметил стаю незнакомых серых птиц. Они как будто расселись на птичьем собрании...

Магда, притулившись, молчала. Ее крестьянскому зрению открывалось недоступное взгляду горожанина. Яша тоже погрузился в свои мысли. К вечеру, когда

зашло солнце и повозка покатила по лесной дороге, Яше отчетливо привиделось лицо Эмилии. Оно спешило перед ним, словно месяц над соснами. Черные глаза улыбались, губы что-то шептали. Он обнял Магду, и та склонила ему на плечо голову. Однако мыслями Яша был далеко. То ли в полусне, то ли наяву он уверял себя, что давно следовало бы прийти к какому-то решению, но решиться ни на что не мог. Воображение, точно во сне, являло ему облики и виденья. Вот он вместе с Эмилией и Галиной в поезде, идущем в Италию. Слышен даже свисток паровоза. В окне мелькают кипарисы, пальмы, горы, замки, виноградники, апельсиновые и масличные рощи. Все другое: крестьяне, крестьянки, стога, дома. «Где я мог такое видеть? — озадачивался Яша. — На картинках? В опере? Кажется, будто это уже было в моей прошлой жизни...»

Обычно по пути в Варшаву Яша дважды заночевывал на заезжих дворах, однако на этот раз он задумал ехать всю ночь и к утру быть в Варшаве. Поговаривали, что на проезжих нападают бандиты, так что при Яше имелся заряженный пистолет. Трясаясь в повозке, он воображал свои выступления на европейских сценах. Дамы в ложах наводят бинокли. Послы, бароны и генералы устремляются к нему за кулисы. А вот на собственноручно изготовленных крыльях он парит над Римом, Лондоном, Парижем. По улицам бегут люди, указывают на него и что-то кричат; почтовый голубь на лету доставляет ему приглашения от королей, князей, кардиналов... В усадьбе на юге Италии ждут Эмилия с Галиной... Он, Яша, уже не шукарь, но божественный гипнотизер, способный увлечь за собой войска, исцелить недужных, обнаружить преступников, указать, где

закопаны сокровища, и поднять затонувшие корабли. Он становится властелином мира...

Фантазируя, Яша над собственными фантазиями посмеивался, но отделаться от них не мог. Они словно накидывались на него — грезы наяву о гаремных девушках и невольницах; трюки, превосходящие человеческие возможности; волшебные напитки, амулеты и заклятия, открывавшие любые тайны и сообщавшие небывалую силу. Он выводил евреев из рассеяния, возвращал им землю Израиля, восстанавливал из руин Иерусалимский храм. Яша защелкал кнутом, словно отгоняя баламутивших его демонов, ибо никогда так не нуждался в трезвой голове, как сейчас. Он задумал программу сплошь из новых головоломных трюков, а среди прочего — сальто на проволоке, на что никто из циркачей еще не отваживался. Но главное, это решить, в самом ли деле он готов бросить Эстер и уехать с Эмилией? Возможно ли так обойтись с женой, долгие годы доказывавшей свою любовь и преданность. Способен ли он переменить веру и стать христианином? Да, он давал Эмилиии самые искренние заверения, даже клятвы. Но готов ли он их исполнить? К тому же то, что они с Эмилией задумали, осуществить без пятнадцати тысяч рублей просто невозможно. Уже не раз он подумывал о краже. Но может ли он стать вором? Он всегда гордился своей добропорядочностью... Он же сам заявил Хаиму-Лейбу, что восьмую заповедь нарушать не собирается. Что бы сказала на такое Эмилия? А Эстер? А его родители?.. Он верил в бессмертие души... Покойница мать недавно спасла ему жизнь... Яша вдруг услышал ее голос: «Отойди, сынок!..» А через две минуты на то место, где он только что стоял, сорвалась тяжелен-

ная висаячая лампа, навярняка бы размозжившая ему голову...

До сих пор Яша решение откладывал. Дольше тянуть было нельзя. Эмилия ждала ответа. Следовало еще придумать, как быть с Вольским, импресарио и устройтелем всех его гастролей. Это Вольский вытащил его из нужды и безвестности и способствовал Яшиной карьере. Отплатить неблагодарностью Яша не мог... И еще вот что: насколько сильна его любовь к Эмилии, настолько она полна искушений...

Надо было что-то решить именно в эту ночь, выбрать между Эстер и Эмилией, порядочностью и кражей. Единственной кражей, которую он потом, с Божьей помощью, потерпевшему возместит.

Увы, мысль его скользила, ни за что не зацепляясь. Не сосредоточиваясь на главном, Яша увязал в мелочах, маловажных деталях, пустяках. Он, который мог бы уже иметь взрослых детей, по-прежнему оставался школяром, увлеченным отцовскими замками и бегавшим когда-то за фиглярами. У него даже не получалось осмыслить, насколько он любит Эмилию, и понять, так ли уж то, что называется любовью, существенно. Способен ли он хранить ей верность? Уже сейчас дьявол смущал его мыслями о Галине — как она вырастет, как влюбится в него и будет соперничать с матерью. «О Господи! Я отвратителен, я крутом в мерзости и грехах! Как называл меня отец? Негодником?..» С недавних пор отец снился ему всякую ночь. Стоило закрыть глаза, и тот являлся, говорил высокие слова, целовал, остерегал, поучал...

— О чем ты думаешь? — спросила Магда.

— Так... Ни о чем...

— Правда, что воровка Зевтл собирается в Варшаву?

Яша словно опомнился.

— Кто тебе сказал?

— Болек.

— Почему ты молчала?

— Я о многом помалкиваю.

— Вроде бы собирается... Но какое мне до этого дело? Ее бросил муж, она бедствует и придется наниматься в прислуги или кухарки.

— Она твоя любовница.

— А вот это неправда.

— В Варшаве у тебя тоже есть зазноба.

— Что ты городишь?

— Эмилия. Вдова. Это к ней тебе спешно...

Яша оторопел. Откуда она знает про Эмилию? Разве он ей рассказывал? Да, что-то, кажется, сболтнул. Прихвастнуть Яша умел. Даже Зевтл проговорился. Яша мгновение молчал.

— Тебя, Магда, это не должно заботить. Наша любовь никуда не денется.

— Но она хочет съехать с тобой в Италию.

— Мало чего она хочет. Вычеркнуть тебя из сердца — для меня то же самое, что позабыть родную мать...

Он и сам не понимал, правду говорит или обманывает. Магда замолчала и снова склонила голову ему на плечо.

2

Ночью вдруг потеплело, словно бы где-то пригрело ночное солнце. Месяц затуманился. Небо заволокло быстрыми тучами. Засверкали молнии и загремело.

При каждой вспышке поля озарялись до самого горизонта. Пшеница полегла, откуда-то налетел невероятный, точно потоп, ливень. Не успел Яша сообразить, как ливень обрушился на повозку. С распорок сорвало парусину. Обезьянка пронзительно заверещала. В одно мгновение размыло дорогу. Мыча, словно немая, Магда вцепилась в Яшу. Он принялся понукать — неподалеку был Маков — местечко, где можно укрыться.

Удивительно, что лошади, ступая в воде, достигавшей им до бабок, не потеряли дорогу. Кое-как повозка довлеклась до Макова, но ни корчмы, ни заезжего двора там не оказалось. Яша подъехал к молельне. Ливень прекратился, небо стало проясняться. Тучи плыли с востока на запад, алея каемками в восходящем солнце, словно угли пожара. Лужи и водостоки сделались кроваво-красными. Яша оставил повозку у ворот, а сам пошел с Магдой в молельню обсушиться. Вообще-то вводить шиксу в святое место не следовало, но сейчас речь шла о сохранении человеческой жизни¹ — Магда уже чихала и кашляла.

Хотя снаружи занимался день, в молельне все еще была ночь. Поминальная свеча горела в шестисвечнике у амвона. Возле канторского пюпитра сидел старый человек, читавший что-то в толстенном молитвеннике. Яша заметил, что ермолка и голова старика посыпаны пеплом. «С чего бы это? — удивился Яша. — Неужто я настолько всё позабыл?» Он кивнул старику, тот тоже кивнул, но приложил палец к губам, давая понять, что говорить сейчас возбраняется. Магда села на лавку у пе-

¹ Заповеди и предписания дозволяется нарушить, если человеческой жизни что-либо угрожает.

чи, и Яша оборотился к ней. Под рукой не оказалось чем утереться, и оставалось ждать, пока одежда в тепле не просохнет сама. В темноте Магдино лицо белело, у ног ее натекла лужа. Яша украдкой поцеловал девушку в голову. Он оглядел биму с ее четырьмя колоннами, Ковчег Завета, амвон, полки с молитвенными книгами. Наквозь промокший, обливающийся потом, он пытался при свете поминальной свечи разобрать слова скрижалей на карнизе Ковчега, подпираемом двумя позолоченными львами: «Я, Господь... Не будешь иметь других богов... Почитай отца твоего и мать твою... Не прелюбодействуй... Не убивай... Не воруй... Не пожелай...» Сумрачное помещение вдруг наполнилось пурпурным светом, точно сиянием небесной лампы. Молельню озарило неземное сияние. И тут Яша понял, чем поглощен старик, до сих пор читавший ночные молитвы. Он оплакивал разрушение Храма...

Вскоре стали появляться прихожане, в основном люди пожилые, сутулые, седобородые, еле переставлявшие ноги. Великий Боже, как давно Яша не был в святом месте! Все для него было словно внове — как читали вступительные молитвы, как покрывались талесами, целовали кисточки, прикрепляли тфилин, наворачивали ремешки. Все было и чужим, и очень знакомым. Магда ушла к повозке, словно испугавшись столь истового еврейского благочестия. Яша решил еще немного побыть. Он принадлежал этому сообществу. Он происходил от одного с ними корня. Носил на теле их метку. Знал их молитвы. Какой-то старик возгласил: «Боже, душа моя...» Другой неспешно принялся излагать, как Господь испытывал Авраама, как велел ему принести сына Исаака в жертву... Третий вопрошал:

«Кто мы? Что жизнь наша? Что есть благочестие наше? Великие ничто перед Тобой, прославленные как бы не существуют, ибо большинство дел их пусто, а дни живота их — суета перед Тобой...» Все было произнесено чуть ли не плача, при этом человек глядел на Яшу, словно бы ведал происходившее в нем. Яша вдохнул воздуха. Пахло жиром, воском и еще чем-то — смесью затхлости и нашатыря, как в Йом Кипур перед завершающей молитвой. Человечек с рыжей бородкой подошел к Яше и спросил:

- Хотите помолиться? Я принесу тфилн и талес.
- Спасибо, меня ждет подвода.
- Подвода не убежит.

Яша дал ему копейку, а, выходя и поцеловав мезузу, в сенях увидел бочку, заполненную ветхими, непригодными для употребления синагогальными книгами. Он порылся в них и одну вытащил. «Может, она по Кабале?» — предположил он. С детских лет испытывая любопытство к мистическому этому учению, он часто слышал разговоры по поводу самого предмета. Даже Эмилия спрашивала, знает ли он что-нибудь о «кабале». Яша пообещал, что в Италии они этим займутся... От ветхих книжек исходил благолепный запах, словно, пребывая в бочке, они продолжали изучать сами себя...

Вскоре Яша отыскал постоянный двор. Надо было подправить повозку, смазать ступицы, дать лошадям отдохнуть. К тому же они с Магдой собирались позавтракать и часок-другой поспать. Из-за Магды Яша объяснялся с хозяевами на польском, чтобы те сочли его поляком. Еврейка в головном платке, с красными глазами и волосками на остреньком личике, принесла

черного хлеба, творога и цикорного кофе. Заприметив книжку, торчавшую из Яшиного кармана, она спросила:

— Где ты взял это, пане?

Яша вздрогнул:

— Нашел возле божницы. Она что — божественная?

— Давай ее сюда, пане. Ты же ничего в ней не разберешь. А для нас она святая.

— Я хотел только взглянуть, о чем там.

— Как? Там всё на древнееврейском.

— Мой друг, ксендз, знает древнееврейский.

— Книжка совсем рваная. Давай ее сюда, пане!..

— Оставь его в покое, — буркнул издали муж.

— Я не хочу, чтобы он ходил с еврейской книгой, — запальчиво ответила женщина.

— О чем это вы галдите? — спросил Яша. — Как христиан обманывать?

— Мы никого не обманываем, пане, ни евреев, ни христиан. Мы честно зарабатываем свой кусок хлеба.

Отворилась боковая дверь, и вошел мальчик в шапке, облепленной пухом, и в расстегнутой одежке, из-под которой свисали кисточки нательного талеса. У него было узкое личико, густые, как мотки льна, пейсы и совсем сонные глаза.

— Бабушка, дай мне баварки¹, — попросил он.

— Ты уже омывал руки?

— Ага.

— Сказал «Мойде ани»²?

¹ Баварка — горячая вода или жидкий чай с молоком и сахаром (польск.).

² Мойде ани — благодарение Тебе... — начальные слова обязательной утренней молитвы (древнеевр.).

— Ага.

И он утер нос рукавом.

Яша ел и глядел. «Разве можно отъединиться от всего этого? — спрашивал он себя. — Оно же мое... Когда-то я был точь-в-точь как этот мальчишка». У Яши возникло странное желание быстрее заглянуть в растрепанную книжку, лежавшую в кармане. Кто знает, вдруг там говорится, как источить вино из стены и сотворить живых голубей? Отец ему об этом рассказывал. Вдруг существует такая сила?.. У него самого бывают сны и ощущения, которые разумом не объяснишь. Иногда, например, ему кажется, что и в трюках его есть что-то кабалистическое... Даже в любви Яшина сила необычайна...

В нем вдруг возникло теплое чувство к этой бабке, встававшей вместе с солнцем, жарившей, парившей, подметавшей и прислуживавшей гостям. В боковой комнатке у дверей висела жестяная коробка. Туда она опускала сбереженные грошики для раби Меира Чудотворца и для евреев, сдуших умирать в землю Израиля. Будни в доме были полны субботой, праздником, ожиданием Мессии и грядущего мира. И так возясь всякий день, старуха, кивая головой, непрестанно шептала что-то бледными губами, словно знала истину, явную лишь тем, кто не бывает ослеплен мирскими соблазнами...

3

Каждый приезд в Варшаву бывал для Яши событием. Здесь он зарабатывал. Здесь жил его импресарио Ме-

числав Вольский. Здесь стояло на афишах его имя: «Первого июля начинаются представления в летнем театре «Альгамбра». Знаменитый цирковой артист и гипнотизер Яша Мазур с новыми номерами, каковые вызовут восторг у почтеннейшей публики». На улице Фрета недалеко от Длугой у Яши была квартира. Даже Вороняя и Сивая — Персть и Пыль — и те пошли резвей, когда завиднелась Варшава. Теперь их можно было не погонять. Проехав Пражский мост, повозка вкатилась в толчею домов, дворцов, omnibusов, экипажей, пролесток, магазинов, кофеен. Улицы пахли свежеспеченным хлебом, кофеем, конским навозом, паровозными и фабричными дымами. Перед замком — резиденцией российского генерал-губернатора — играл военный оркестр. Происходила, наверно, какая-нибудь «galówka»¹, ибо с каждого балкона свешивался российский флаг. Дамы уже ходили в соломенных шляпках с широкими полями, украшенных искусственными цветами и плодами. Молодые люди в соломенных канотье и светлых костюмах фланировали, покручивая тросточки. Сквозь галдеж и гомон долетали свистки и пыхтенье паровозов, лязг буферов. Поезда шли на Петербург, Москву, Вену, Берлин, Владивосток.

Когда настало отрезвление после катастрофы 1863 года, Польша вступила в эпоху «организованного труда». Заграница давала кредиты. Лодзь развивалась американскими темпами. В Варшаве убирали деревянные тротуары, затеяли канализацию, укладывали рельсы для конки, стали строить пятиэтажные дома и торго-

¹ Торжество (польск.).

вые пассажи. В театрах готовили к каждому сезону новые спектакли, комедии, оперы, концерты. Стали приезжать актеры и актрисы из Парижа, Петербурга, Рима и даже из далекой Америки. В витринах книжных лавок можно было видеть новейшие романы, научные труды, энциклопедии, лексиконы. Яша перевел дух. Хотя он и устал от долгой дороги, город тем не менее будоражил его. «Если здесь так, как же в Париже и Риме?» — думал он. Ему не терпелось броситься к Эмилии, но он не сделал этого. Не следовало являться к ней невыспавшимся, небритым, в мятой одежде. Да и сперва необходимо было повидать Вольского, которому Яша послал телеграмму из Люблина...

В Варшаве он давно не был, так как разъезжал по маленьким польским городишкам. В поездках он всегда опасался, что воры заберутся в варшавскую квартиру, где были его книги, старинные вещи, а также собрание афиш, газетных вырезок и критик. Слава Богу, он нашел двери запертыми на два крепких замка, а внутри все на месте. Разве что повсюду скопилась пыль, и воздух был застоявшийся. Магда тотчас принялась за уборку. Прикатил на извозчике Вольский — поляк с внешностью еврея, черноглазый, горбоносый и высоколобый, со съехавшим на сторону галстуком в виде банта. Он сообщил о множестве приглашений в русские и польские города. Подкручивая черный ус, Вольский говорил с пафосом человека, чьи заботы — слава других. Он уже расписал Яшины гастроли после выступлений в летнем театрике «Альгамбра». Однако было ясно, что хорохорится Вольский без особых на то причин. Яшей интересовалось только захолустье. Из Москвы, Киева или Петербурга предложений не посту-

пало. В провинции же условия работы были плачевные. В Варшаве, впрочем, тоже ничего не поменялось к лучшему. Владелец «Альгамбры» поднять гонорар отказался. Хотя Яшу и захваливали, но последний заграничный клоун зарабатывал куда больше. В упорстве театральных владельцев была какая-то загадка. Доводы и заверения Вольского не помогали. Яша всегда оказывался к выплате среди последних. Эмилия права — пока Яша в Польше, его будут трактовать как заурядного штукера.

Когда Вольский ушел, Яша решил отлежаться. Лощадьми занялся дворник, Магда кормила поселенных в одной из комнат обезьянку, попугая и ворону. Хотя с виду Магда и казалась усталой, она сразу затеяла мыть полы. От поколений крестьян она унаследовала неутомимость и услужливость. Яша дремал, просыпался, снова задремывал. Дом был старый. На немощем дворе, совсем как в деревне, гоготали гуси, кричали утки, горланили петухи. В открытое окно со стороны Вислы и лесов Праги¹ влетали ветерки. Заглянувший во двор нищий накручивал на шарманке мотивчик и пел старую варшавскую песенку. Яша хотел было кинуть монетку, но у него словно одеревенели руки-ноги. Он полуспал, полубодрился. Неужели снова придется слоняться по грязным городишкам губернии? Снова давать представления в пожарных сараях? Э, нет, с него довольно! Мысли вертелись в такт шарманке. Надо уехать, уехать, все бросить. Во что бы то ни стало выбраться из этой трясины. Иначе в один прекрасный день он тоже пойдет с шарманкой...

¹ Прага — район Варшавы, в те годы — предместье.

Только что было утро, но день как-то сразу стал клониться к вечеру. Магда принесла молодой картошки с укропом и кислого молока. Он, не вставая, поел и опять уткнулся в подушку. Когда Яша открыл глаза снова, в спальне было совсем темно, однако, судя по тому, что сосед-сапожник вколачивал до сих пор гвоздики, наверно, еще не очень поздно. В доме ни у кого не было газового освещения. При свете керосиновых ламп женщины шили, мыли посуду, штопали, латали. Какой-то пьянчуга ссорился с женой, и на него лаяла собака.

Яша позвал Магду, но та, похоже, вышла. Зато откликнулась ученая Яшина ворона. Приезжая в Варшаву, Яша всегда рассчитывал на хорошие новости, но судьба, благосклонная к любителям и дилетантам, с ним была куда как скаредна, ни разу не подарив удачей. Все, наоборот, его использовали. Яша знал, что причиной тому его собственное самоощущение. Он сам поставил себя так, что в нем видели всего лишь объект для своекорыстия. Он общался с простыми людьми, а значит, его самого тоже причисляли к простонародью. Эмилия была единственным чудом в Яшиной жизни, единственной надеждой чего-то достичь...

Их встреча вообще несла на себе печать судьбы. Когда они познакомились, он даже не расслышал ее имени. Однако стал о ней думать. Мысли эти возникали сами по себе, и он почему-то знал, что Эмилия тоже о нем думает, ищет его и желает. Он бродил по варшавским улицам, заглядывал в окна экипажей, в магазины, кофейни, театральные фойе. Искал ее на Маршалковской, на Новом Свете, на Иерусалимских Аллеях, в Саксонском саду. Останавливался где-нибудь на Театральной площади и ждал. Однажды он вышел вечером из

дому, совершенно уверенный, что сегодня им суждено встретиться. Прошел всю Маршалковскую, а когда подошел к какой-то витрине, там, словно бы они назначили друг другу свидание, стояла она — со смуглым лицом в меховой опушке воротника, с маленькими руками, упрятанными в муфту; черные глаза глядели на него. Яша подошел — она улыбнулась радостно и загадочно. Он поклонился, она протянула руку и сказала: «Какой странный случай!», но потом призналась, что этого случая ждала. Она как чувствовала, что он это угадает...

4

Люди побогаче уже завели телефоны, однако Эмилия позволить себе такую роскошь не могла. Они с дочерью существовали на скромную пенсию. От времени, когда был жив профессор, оставалась только квартира да старая служанка Ядвига, уже несколько лет служившая без жалованья.

Яша проснулся рано. Побрился. В квартире была деревянная ванна, и Магда, вскипятив в чугунках воду, ее наполнила. Намыливая Яшу душистым мылом, она лукаво заметила:

- Когда идут к барыням, надо хорошо пахнуть.
- Я иду не к барыням, Магда.
- Ну, конечно! Твоя Магда дура, но она все чувствует..

За завтраком Яша был оживлен, сказал, что скоро приступит к полетам. Магде он тоже приладит крылья. Они взлетят, точно гусь с гусыней, и, как сто лет назад братья Монгольфье, прославятся на весь мир. Он об-

нял ее, стал целовать и уверять, что, как бы жизнь ни сложилась, никогда ее не бросит.

— Если я уеду за границу, тебе, возможно, придется какое-то время пожить одной, а потом я тебя вытребую. Ты мне только верь.

Говоря это, он глядел Магде в глаза, поглаживал по волосам и касался лба. Власть его над ней была такова, что он в мгновение мог ее усыпить. Стоило в жаркий день Яше сказать, что на дворе холодно, Магду начинало трясти. Скажи он в мороз, что на дворе жарко, щеки Магды тотчас пунцовели, и она даже потела. От укола иглой на ее коже не появлялась кровь. Яша проделывал с ней и другие опыты. Даже управлял поступками Магды: внушал что-нибудь, что оставалось в ее сознании, давал приказы на недели и месяцы вперед, и она исполняла всё когда следовало. Сейчас он начал готовить ее к своему с Эмилией отъезду. Магда слушала молча, по-крестьянски лукаво усмехаясь, показывая, что видит его плутни, однако послушно кивала, словно бы не имея возможности и желания протестовать. На лице ее иногда появлялись гримасы, напоминавшие Яше обезьянку, попугая и даже ворону...

Позавтракав, Яша надел светлый костюм, шевровые штiblеты, котелок и повязал черный шелковый галстук. Затем поцеловал Магду и без слова вышел.

На улице он взял пролетку. Эмилия жила на Крулевской напротив Саксонского сада. По пути Яша вёлел остановиться у цветочного магазина, чтобы купить розы. Затем в другой лавке взял бутылку вина, фунт семги, жестянку сардин. Эмилия выговаривала ему за то, что он является с подарками, как святой Миколай на Рождество, но для Яши покупки стали уже привычкой. Он знал,

что матери с дочерью едва хватает на самое необходимое. К тому же у Галины были слабые легкие, почему Эмилия и выбрала итальянский юг. Галина оставила пансион — нечем было платить. Эмилия на себя и на дочку сама шила и перелицовывала — денег на портних не было. Яша, сидя в пролетке и придерживая свертки, глядел на город, для него и привычный, и чужой. Когда-то Варшава представлялась ему недостижимой грезой, и больше всего на свете хотелось увидеть свое имя в варшавской газете или на афише. Сейчас же он не чаял вырваться из этого города, остававшегося, несмотря на все свои космополитические амбиции, провинциальным. Варшава только начинала развиваться. Пролетка катила среди груд кирпича, мешков цемента, куч песка, гасилен извести. Воздух июньского дня пахнул сиренью, свежевыкопанной землей и сточными канавами. Рабочие, докапываясь до фундаментов, выдирали улицам внутренности...

На Крулевской дышалось легко. С деревьев Саксонского сада облетали последние цветочные лепестки. Сквозь решетку виднелись куртины, теплицы с экзотическими растениями, кофейни, где парочки поглощали на свежем воздухе второй завтрак. Только что начался сезон благотворительных лотерей. Бонны и няньки толкали детские коляски. Мальчишки в матросках гоняли обручи, подбивая их палочками. Крошечные девочки, разодетые точно дамы, цветными лопатками ковыряли песок, выбрасывая камешки. Другие в кружок танцевали. В саду был тоже летний театр, но Яша в нем никогда не выступал. Мало того что ему и так не везло, доступ сюда Яше как еврею был закрыт. За свое еврейство он расплачивался куда ощутимей, чем

благочестивые бородатые иудеи с пейсами... В Европе, по словам Эмилии, подобных препятствий не существует. Там артиста ценят за талант.

— Что ж, поглядим, посмотрим, — бормотал он. — Чему быть, того не миновать...

Уверенность в себе, какую он отличался на сцене, разгуливая по проволоке или читая мысли, покидала Яшу всякий раз, едва он являлся к Эмилии. Он никогда не знал, надлежащим ли образом одет, правильно ли, как подобает светскому человеку, ведет себя, не делает ли ошибок в польской речи или обхождении. Не слишком ли ранний час для визита? Как быть, если Эмилии нет дома? Оставить цветы и подарки или только цветы?.. «Не трясись так, Яшенька! — ободрял он себя. — Тебя не съедят... она же влюблена по уши, эта полячка. С ума сходит. Дождаться не может... — Он насвистывал, сложив губы трубочкой. — Если замахнулся на королевские дворцы, нечего пасовать перед обедневшей вдовой». Кто знает, быть может, придворные дамы и принцессы станут кидаться ему на шею? Женщины всегда женщины, хоть в Песках, хоть в Париже...

Он расплатился с извозчиком, вошел в парадное, поднялся по мраморной лестнице и позвонил у дверей. Ядвига отворила тотчас. Это была маленькая седая женщина в белом фартуке и чепце, с личиком, сморщенным как фи́га. Он спросил, дома ли пани Храбозкая. Ядвига кивнула головенкой, понимающе и дружелюбно улыбнулась, взяла у него цветы, свертки, трость, шляпу и отворила двери в гостиную. Последний раз он был тут в холодную пору. Простуженная Эмилия ходила с замотанной шеей. Сейчас комната выглядела полетнему. Солнце проникало меж занавесей и гардин,

лучи падали на ковер, на паркет, подрагивали на вазах, на рамах картин и клавишах пианино. Фикус в кадке пустил молодые листья. На диване лежала какая-то ткань, по которой Эмилия, как видно, только что вышивала — в ткань была воткнута иголка. Яша принялся ходить взад-вперед. Какая дистанция между Зевтл Лейбуша Лейкаха и этим домом! Хотя на самом деле все то же самое...

Дверь отворилась, и вошла Эмилия. Яша широко открыл глаза и чуть не присвистнул. До сих пор он видел ее только в черном. Она носила траур по профессору Стефану Храбозкому, а также (так она говорила) по разгромленному восстанию 1863 года и по загубленным в сибирской тайге мученикам. Она читала Шопенгауэра, обожала Байрона, Словацкого, Леопарди, высоко ставила польских мистиков Норвида и Товианского. Она даже как-то сказала, что со стороны матери в родстве с Воловским и правнучкой знаменитого франксиста Элиши Шора. Что ж, еврейская кровь текла в ее жилах, как и в жилах большей части польской аристократии. На Эмилии было светлое платье цвета кофе с молоком, и она никогда еще не казалась Яше так хороша — стройная польская красавица с выступающими скулами, но с черными еврейскими глазами, исполненными ума и огня. Темные волосы были зачесаны наверх и, точно венком, окружены косой. Тонкая в талии, с высокой грудью, она выглядела лет на десять моложе своих тридцати с лишним. Даже пушок на верхней губе прибавлял ей красоты и что-то женственно-мальчишечье. Она улыбалась Яше смущенно и вместе с тем озорно. Им уже случалось целоваться и нежничать, и она признавалась Яше, что призывает все свое самооблада-

ние, чтобы не потерять голову... Она хотела обвенчаться с ним и совместную жизнь начать добродетельно... Он же пообещал ради нее стать христианином.

— Благодарю за цветы, — сказала Эмилия и протянула руку, хотя не очень маленькую, но белую и нежную. Он поднес эту руку к губам и, задержав на какое-то мгновение в своей, поцеловал. Пальцы Эмилии пахли поздней весной.

— Когда вы приехали? Я ждала вас вчера.

— Вчера не мог. Слишком устал с дороги...

— Галина вами просто бредит. И в «Варшавском курьере» о вас вчера писали.

— Да, Вольский показывал.

— Сальго на проволоке?

— На проволоке.

— Боже Всемогущий, за что только люди не берутся! — воскликнула она наполовину удивленно, наполовину озабоченно. — Что ж, это особый дар... Вы прекрасно выглядите! — Она изменила тон: — Люблин, похоже, действует на вас благотворно.

— Я там отдыхаю.

— Со всеми своими женщинами?..

Он не ответил.

— Вы меня даже не поцеловали, — сказала она.

И протянула к нему руки.

5

Они впились друг в друга и какое-то время оставались так, словно состязаясь, кому первому не хватит воздуха. Наконец Эмилия отпрянула. Всякий раз она заклинала

его не забываются... Уже четыре года она без мужчины, но лучше так, чем повести себя безрассудно. Она всегда повторяла: «Господь все видит. Души умерших с нами и наблюдают нас». Эмилия исповедовала как бы собственные религиозные убеждения. Католические догматы были для нее не более чем правилами поведения. Она начиталась мистических сочинений Иакова Бёме и Сведенборга, беседовала с Яшей о ясновидении, предчувствиях, чтении мыслей и общении с духами умерших. После смерти Стефана Храбоцкого Эмилия какое-то время устраивала у себя в гостиной сеансы и посредством столоверчения даже получала от Храбоцкого послания. Потом она заметила, что дама-медиум обманщица. Станным образом мистицизм уживался в Эмилии со скепсисом и спокойным юмором. Подшучивая над Ядвигой и ее сонником, который та всегда держала под подушкой, сама она между тем в сны верила. После смерти Храбоцкого кое-кто из его коллег просил ее руки, но Храбоцкий приснился и велел их отвергнуть. В сумерках на лестнице он однажды материализовался перед Эмилией, и она ему призналась, что полюбила Яшу, ибо характером он точь-в-точь Храбоцкий, к тому же ей был знак, что Храбоцкий не против их отношений.

Эмилия взяла Яшу за руки, подвела к стулу и усадила как непослушного ребенка.

- Извольте сидеть и ждать, — сказала она.
- Долго ли?
- Зависит от вас.

И сама опустилась в шезлонг напротив. Как видно, ей стоило большого усилия оторваться от Яши, и она сидела пунцовая, словно бы ошеломленная собственным пылом.

Оба стали говорить ничего не значащие фразы, какими обмениваются хорошо знакомые люди, какос-то время не видевшиеся и пробующие связать порванные нити. Галина две недели назад была нездорова. У Эмили тоже была простуда. Я вам писала об этом, не так ли? Наверно, забыла... Сейчас всё много лучше... Галина? Ушла читать в парк. Она ужасно увлечена книгами, но какая же это белиберда! Боже, что стало с литературой! Просто ниже всякой критики... Май был холодный. Даже снег выпал. В театре? Нет, мы нигде не были. Мало того что билеты дороги, еще и пьесы такие глупые! Сплошь переводы с французского и скверно поставлены. Всегдашний треугольник... Но почему вы не скажете о себе? Где вы столько времени пропадали? Стоит вам уехать, все теряет смысл и все, что было, начинает казаться всего лишь сном. Но приходит ваше письмо, и все представляется прежним. А тут прибегает обрадованная Галина: про вас напечатано в «Курьере»... Что? Какая-то заметка. Галина убеждена, что каждый, чья фамилия появляется в газете, небожитель, даже если он всего лишь попал под омнибус... А что слышно вообще? Вы превосходно выглядите. Не скажешь, что скучали... Да что я о вас знаю? Для меня вы — загадка. Чем больше вы рассказываете о себе, тем меньше я вас понимаю. Разъезжаете в повозке, как цыган. По всей Польше у вас женщины. Это даже забавно. Человек с таким талантом и такой отсталый! Мне порой представляется, что ваша жизнь — шутка над самим собой и остальными... Разве нет? О нас я вообще не знаю что и думать. Все планы повисли в воздухе. Боюсь, все останется на своих местах, пока мы не состаримся и не посеем...

— Я приехал к тебе, и больше мы не расстанемся! — сказал Яша, поражаясь собственным словам, ибо до сих пор ни к какому решению не пришел.

— Это важные слова. Я ждала их услышать!

В глазах ее сверкнули слезы. Она отвернулась, и он увидел ее профиль. Спустя мгновение Эмилия поднялась сказать Ядвиге, чтобы та принесла кофе. Ядвига его уже приготовила, предварительно по старому польскому правилу смолов зерна в кофейной мельнице. Аромат расточился по гостиной. Яша остался один. «Что ж, все решено», — пробормотал он и вздрогнул. Этими словами он словно бы припечатывал собственную судьбу. Но как будет с Эстер? С Магдой? И где взять деньги? И действительно ли он готов поменять веру?.. «Я не могу без нее жить!» — ответил он сам себе. Его словно бы охватило нетерпение узника, которого вот-вот выпустят и каждый час для которого кажется вечностью. Он резко встал. Сердце ощущалось тяжелым, ноги на удивление легкими. «Я бы сейчас сделал не одно, а целых три сальто на проволоке! Зачем было так долго тянуть?..» Яша подошел к окну, отогнул гардину и стал глядеть на сочную зелень каштанов Саксонского сада, на всех этих гимназистиков, франтов, гувернанток и гуляющие парочки. Молодой человек с льняными волосами и его барышня в соломенной шляпке с вишенками, ведомые любовью, ступали по дорожке, точно две птицы, останавливались, делали новые шажки, замирали, друг друга оглядывали, обнюхивали. Казалось, они близки к какому-то единоборству или к некоему танцу жизни. Но что он в ней нашел? Какое голубое сегодня небо! Бледно-лазурное, как завеса, которую вывешивают в синагоге в Покаянные Дни...

Яшу такое сравнение несколько испугало. Бог есть Бог, молятся ли ему в синагоге или в костеле. Вернулась Эмилия.

— Когда Ядвига варит кофе, аромат по всему дому. Когда стряпает — тоже.

— А как будем с ней? — спросил он. — Возьмем в Италию?

Эмилия на миг задумалась:

— Разве это уже актуально?

— Я принял решение.

— Что ж, без прислуги не обойтись. Но это все слова, слова...

— Нет, Эмилия, теперь ты для меня все равно что жена.

6

У входной двери позвонили. Эмилия, извинившись, снова оставила Яшу одного. Он сидел тихо, как будто пришли те, от кого он прятался, и ни в коем случае нельзя себя обнаружить. Он уже довольно скомпрометировал Эмилию, однако она пока что скрывала Яшу от родственников. Превратившись как бы в зрячего невидимку, он разглядывал мебель, ковер. Маятник напольных часов медленно шевелился. Солнечные блики падали на подвески люстры, на альбом в бархатном бордовом переплете. От соседей доносились звуки фортепиано. Казалось, у обитающих здесь никогда не бывает пыли, ненужных вещей, неприятных запахов, расстроенных мыслей.

Яша напряг слух.

В Варшаве у Эмилии были дальние родственники. Они имели обыкновение являться незваными. Яше уже случалось ретироваться по черной лестнице... Он вслушивался и пытался оценить положение. Для осуществления задуманного понадобится не меньше пятнадцати тысяч. Достать их можно только одним способом. Но готов ли он к этому? Пойдет ли на такое? Общение со многими женщинами сделало из него человека, живущего минутой, целиком руководимого импульсами и порывами. Он строил планы, но все оставалось нерешенным. Он говорил о любви, но не отдавал себе отчета, что под этим понимает и что понимают под этим другие. Свою расположенность к греху Яша относил за счет провидения. Некие силы руководили им даже на выступлениях. Мог ли он рассчитывать, что Господь станет покровительствовать ему в воровстве и вероотступничестве?.. Он вслушивался и в звуки фортепиано, и в себя самого. Перед каждым поступком в нем словно бы начинал звучать голос, говоривший без обиняков, сурово указующий, не упускающий никаких мелочей. На этот раз, однако, Яша словно бы выжидал. Чему-то еще суждено было произойти, что-то должно было измениться. Он как-то составил список банков и адресов богатых людей, державших деньги в сейфах, но покамест не остановился ни на одном из вариантов. Хотя он где-то уже принял на себя ответственность за нечестивое деяние и обязался вернуть все с процентами, когда сделает карьеру за границей, но пока что от окончательной сделки с совестью он был далек. Оставались страх, отвращение и презрение к себе. Он происходил от порядочных людей. Деда Яши славились честностью. Прадедушка в свое время ехал за

каким-то купцом до самого Ленчна, чтобы вернуть забытый гривенник..

Дверь распахнулась, и появилась Галина: светлолосая, рослая для своих четырнадцати лет, с белокурыми косами, светло-голубыми глазами, прямым носиком, полными губами и прозрачной белой кожей, присущей особам анемичным и слабогрудым. За время его отсутствия девочка вытянулась и как будто даже стеснялась этого. Она глядела на Яшу с радостью и в то же время в каком-то замешательстве. Галина пошла в отца, у нее была голова ученого. Ей не терпелось все постичь: каждый Яшин фокус, каждое слово, сказанное им в ее присутствии. Она много читала, собирала насекомых, умела играть в шахматы, писала стихи. Взялась уже и за итальянский... Какое-то мгновение Галина стояла в нерешительности и вдруг по-детски кинулась к нему в объятия:

— Дядя Яша!

Она поцеловала его и позволила поцеловать себя.

И сразу засыпала вопросами. Когда приехал? Неужели и на этот раз в тарантасе? Видел ли в лесу диких зверей? А разбойников? Как поживает обезьянка? А ворона? А попугай? А павлины в Люблине, которые во дворе? А змея с черепахой? Правда ли, что он сделает сальто на проволоке, как написано в газете? Разве такое возможно? Скучал ли он по ним?.. Она казалась почти взрослой, но болтала как ребенок. Правда, была в этом и какая-то ненатуральность, какая-то нарочитость.

— Ты вымахала, как деревце!

— Все только и говорят про мой рост! — ответила она, по-детски досадуя. — Словно я виновата... Я сплю и

чувствую, как расту. Какой-то чертик тянет меня за ноги. А я вовсе не желаю вырастать. Хочу оставаться маленькой. Как мне быть, дядя Яша? Есть гимнастика, чтоб остаться маленькой? Скажите!

И она поцеловала его в лоб.

«Столько любви! Столько любви!» — подумал Яша.

— Есть способ!

— Какой?

— Посадим тебя в часовой футляр, закроем дверки, и ты не сможешь вырасти больше футляра.

Галина сразу развеселилась.

— Господи! На все у него ответ! До чего же быстро человек соображает! Даже думать ему не надо! Я и за две тыщи лет не найду нужного слова. Как работает ваш ум, дядя Яша?

— А ты подними крышку и загляни! Как часовой механизм.

— Опять вы про часы? Сколько можно о них говорить? Может, вы придумали трюк с часами? Читали «Курьер»? Вы знаменитый! Вся Варшава ахает. Где вы так долго пропадали? Я болела и каждую минуту спрашивала про вас. Вы мне даже снились. Мама накричала за то, что я все время про вас расспрашиваю. Она ужасно ревнивая! — сказала Галина и вдруг смутилась. Щеки ее порозовели. Как раз вошла Эмилия.

— Ну, твой дядя Яша снова тут. Не могу вам даже сказать, сколько раз она про вас спрашивала.

— Не говори ему, мама, не говори. А то заважничает. Ему кажется, что, если он знаменитый артист, а мы малюсенькие людишки, можно перед нами задаваться. Господь Бог куда могущественней... Он знает фокусы почище...

Эмилия вмиг посерьезнела.

— Будь добра, не произноси имени Господа напрасно и по-пустому. Это не тема для шуток.

— Я не шучу, мама.

— Упоминание Бога в дурацкой болтовне — последняя мода.

Галина на мгновение задумалась.

— Мама, я страшно голодна.

— Так уж страшно?

— Если я что-нибудь не съем через десять минут, я умру...

— Слышите, что девочка болтает? Словно шестилетний ребенок. Скажи Ядвиге, что ты хочешь есть.

— А ты, мама, разве не голодна?

— Я не бываю голодна между одной едой и другой.

— Но ты же, мама, ничего не ешь. Выпьешь стакан какао, и это весь твой завтрак. А вы, дядечка?

— Я съел бы слона.

— Тогда давайте съедем его вместе...

7

Яша с Эмилией и Галиной поглощали второй завтрак — принесенные Яшей вкусные вещи: семгу, сардины, швейцарский сыр. Ядвига внесла кофе со сливками. Галина ела, похваливая и смакуя каждый кусочек.

— Ой, до чего же вкусно! — Свежие булочки хрустели у нее на зубах.

Эмилия, как и подобает воспитанной даме, ела неспешно. Сам же Яша внезапно проголодался. Ему нравились эти легкие завтраки с Эмилией и Галиной. С Эс-

тер было не о чем поговорить. Кроме домашнего хозяйства и белошвейного дела, она ничего не знала. А тут беседа текла сама собой. Заговорили о гипнотизме. Эмилия всякий раз просила Яшу при Галине разговоров на этот предмет не заводить, однако это было невозможно. Все газеты писали о нем как о гипнотизере. Галина же была слишком сообразительна и любопытна, чтобы от нее можно было так просто отделаться. К тому же она читала взрослые книги. Профессор Храбощкий оставил большую библиотеку. Его университетские коллеги и давние ученики посылали Эмилии книги и статьи из научных журналов. Галина всё просматривала. Она слыхала о Месмере и его работах. Где-то прочла про Шарко и Жанэ. Газеты писали о гипнотизере Фельдмане, произведшем фурор в польских салонах. Ему даже позволили демонстрировать свое искусство в больницах и частных клиниках. В сотый раз Галина задавала одни и те же вопросы: как может человек навязать другому свою волю? Как можно усыпить взглядом? Как можно заставить кого-то дрожать от холода в жару или в жарко натопленной комнате?

— Я не знаю, — ответил Яша. — И это правда.

— Но вы же вместе?

— Разве паук знает, как он плетет паутину?

— Ну вот, теперь он сравнивает себя с пауком! Терпеть не могу пауков, просто не выношу их! А вас, дядечка Яша, обожаю.

— Ты много болтаешь, Галина, — перебила Эмилия.

— Мне надо знать правду.

— Настоящая дочь своего отца. Обязательно хочет знать правду.

— Мама, зачем мы рождаемся? Зачем пишутся все книжки? Всё ради правды? Мамочка, я прошу тебя о великой милости.

— Я уже знаю о чем! Нет!

— Умоляю тебя на коленях! Сжалься, мама.

— Никаких «сжалься»!

Галине хотелось, чтоб мать разрешила Яше продемонстрировать гипноз сейчас, здесь, у них. Она желала быть загипнотизированной. Эмилия всякий раз наотрез отказывала. С такими вещами не шутят. Эмилия читала о гипнотизере, который не смог разбудить загипнотизированного им человека, остававшегося в транссе много дней подряд.

— Будешь в театре, там и увидишь, — сказал Яша.

— Вообще-то я не уверена, следует ли брать ее в театр — такой сброд там собирается.

— Что же, мама, мне остается делать? Куриц на кухне ощипывать?

— Ты еще ребенок.

— Тогда пусть он загипнотизирует тебя.

— Я не желаю в моем доме никаких сеансов, — резко сказала Эмилия.

Яша молчал. «И так уже обе загипнотизированы, — думал он. — Любовь — это же гипноз. Я загипнотизировал Эмилию, когда в первый раз ее увидел. Поэтому она и ждала тогда на Маршалковской. Все загипнотизированы: Эстер, Магда, Зевтл. Я владею страшной силой. Но что она такое? Каковы мои возможности? Мог бы я загипнотизировать директора банка и заставить его отомкнуть сейфы?..» Сам Яша впервые услышал про гипнотизм несколько лет назад. Он попробовал, и получилось. Яша приказал одному господину заснуть, и

тот погрузился в сон. Он велел одной даме раздеться, и та стала сбрасывать с себя одежду. Он сказал девушке, что она не почувствует боли, и та, хотя он кольнул ее булавкой в руку, даже не вскрикнула, и не появилось ни капельки крови. С тех пор Яше пришлось быть свидетелем многих демонстраций, устраиваемых другими гипнотизерами, даже нескольких сеансов самого Фельдмана, но что это за сила и как она действует, он не узнал. Иногда ему казалось, что гипнотизер и гипнотизируемый попросту ломают комедию, но это не была комедия. Нельзя симулировать пот в холодную погоду или отсутствие крови, когда уколят иглой. Наверно, именно такое и называли в старину колдовством...

— Ой, мамочка, какая ты несговорчивая! — сказала Галина, откусывая бутерброд с сардинкой. — Дядя Яша, объясните, пожалуйста, что же это за сила, а то я умру от любопытства.

— Такая уж сила. Что такое электричество?

— Вот именно, что такое электричество?

— Никто не знает. Посылаешь сигналы из Варшавы, а электричество вмиг переносит их в Петербург или Москву. Сигналы идут над полями, лесами, проходят сотни миль, а всё длится секунду. Теперь еще есть телефон, можно по проводам слышать голос другого человека. Придет время, когда из Варшавы будут разговаривать с Парижем, как мы сейчас разговариваем друг с другом.

— Но как все получается? Ах, мама, столько надо учиться! Есть же умные люди! Где они только ума набираются? При чем всё — мужчины. Почему женщинам не дозволяется учиться?

— В Англии есть женщина-доктор, — сказал Яша.

— Правда? Вот интересно. Меня смех разбирает!

— Что тут смешного? — спросила Эмилия. — Женщины разве не люди?

— Конечно люди! Женщина-доктор! Как она одевается? Как Жорж Занд?

— Откуда ты знаешь про Жорж Занд? Я запру библиотеку.

— Не делай этого, мамочка. Я тебя люблю, ужасно люблю, а ты со мной так строга. Что у меня есть, кроме книг? Мои знакомые девочки такие нудные. Дядя Яша приходит к нам редко. Он с нами играет в прятки. Мое утешение только в книжках. А может, вам пожениться! — выпалила вдруг Галина, потрясенная собственными словами. И побледнела.

Эмилия покраснела до корней волос.

— Ты с ума сошла?

— Галинка права. Мы скоро поженимся, — сказал Яша. — Все уже решено. И втроем уедем в Италию.

Галина, устыженная, глядя в пол, принялась тербить кончик косы, словно бы пересчитывая каждый волосок. Эмилия опустила взгляд. Она сидела обескураженная, сконфуженная, счастливая Яшиным ответом. Девочка молчала невесть что и невесть зачем, но уже не первый раз ее болтовня оказывалась спасительна. Яша как бы официально сейчас все объявил. Эмилия подняла глаза:

— Галинка, ступай к себе!..

Обычно Яша начинал репетировать недели за две до премьеры. На этот раз — хотя работать предстояло над новым и сложным репертуаром — он репетиции со дня на день откладывал. Хозяин «Альгамбры» отказался под-нять гонорар, и поэтому Вольский тайком хлопотал о контракте с летним театриком «Палас». У Яши, когда он в кофсэйне Лурса листал за кофе журнал, порой возникало странное чувство, что выступать в этом сезоне не придется. Предчувствия эти его пугали, он старался не придавать им значения, выбросить из головы, отогнать — но они почему-то возвращались снова и снова. Уж не заболит ли он или, не дай Бог, умрет? Или еще что-нибудь случится? Он щупал лоб, тер виски, скулы, мрач-нел. Да, он влип в скверную историю. Сам себя загнал в угол. Он любил Эмилию и хотел с ней быть. Даже скучал по Галине. Но можно ли обречь на такое Эстер, столько лет ему преданную, чего только с ним не пережившую, всегда ободрявшую и милосердней Господа Бога про-щавшую ему все грехи? Возможно ли так оскорбить ее? Яша знал — Эстер отчаётся, заболит, истает как свечка.

Ему случалось видеть, как люди уходили из жизни с разбитым сердцем только потому, что жить им больше было незачем. Некоторые даже не болели... Уверенно и не обвиняясь совершает то, что совершает, Ангел Смерти.

Хотя Магду Яша и готовил к тому, что на какое-то время уедет, та ходила сама не своя. Всякий раз, когда он возвращался от Эмилиии, она молча и угрюмо глядела, почти переставала заговаривать, замыкалась, точно устрица в ракушке, в постели была холодна, безразлична, молчалива. Летом болячки с ее лица обычно сходили, но в нынешнем году их, наоборот, прибавилось. Сыпь перешла на шею и даже на верхнюю часть груди. Ко всему еще с Магдой стали приключаться разные неприятности. Валились из рук тарелки, горшок с едой опрокидывался на горячую плиту. Она обварила ногу, уколола палец, чуть не лишилась глаза. Как можно было в таком состоянии крутить сальто, подавать жонглерские булавы и мячи или вертеть ногами бочку? Если выступления и состоятся, Яше, скорей всего, в последнюю минуту придется брать новую помощницу. А что будет с беднягой Елизаветой? Известие, что он бросил Магду, ее убьет...

Слабой надеждой хоть как-то выкрутиться были деньги. Дай он Эстер десять тысяч, это бы подсластило пилюлю. С Магдой и Елизаветой таким манером тоже, наверно, удалось бы поладить. Немалые средства будут нужны и ему с Эмилией и Галиной. Предполагалось купить виллу на итальянском юге, где для слабых легких Галины подходящий климат. Яша начнет выступать не сразу. Сперва придется хоть как-то освоить язык, найти импресарио, наладить связи. И главное, не запродать по дешевке, как тут, в Польше. В Европе надо се-

бя поставить. Но для всего этого понадобится как минимум двадцать тысяч лир. Эмилия между тем сообщила ему то, что он и сам предполагал. У нее, кроме долгов, которые надо будет вернуть перед отъездом из Варшавы, за душой ничего нет...

Обычно Яша не курил. От трубки он отучился, полагая, что та действует на сердце, портит зрение и влияет на сон, но сейчас пристрастился к русским папиросам. Яша затягивался папироской, отхлебывал из блюдечка кофе и глядел в журнал. От дыма в носу першило, от кофе горчило во рту, от журнальной статьи делалось кисло на душе. В статье говорилось о некоей парижской актрисе по имени Фифи, у ног которой была вся Франция. Корреспондент намекал, что Фифи — бывшая уличная девка. «С чего бы целой Франции быть без ума от потаскухи? — думал Яша. — И это Франция? Это Европа, которую Эмилия боготворит? Те самые культура, искусство, эстетика, по поводу которых столько написано?» Яша отложил журнал, и за журнал тотчас схватился седоусый господин, а Яша погасил папироску в остатках кофе. Его мысли снова и снова возвращались к одному и тому же: большие деньги можно добыть только сомнительным способом. Попросту говоря, совершить кражу. Но как? Где? Когда? Странно, что, живя с этой мыслью уже несколько месяцев, он ни разу не наведался в банк, не продумал возможных осложнений, не разузнал, куда в банках прячут деньги на ночь и какие там сейфы и замки. Он тянул время. Всякий раз, оказавшись возле какого-нибудь банка, Яша не только не останавливался, но, напротив, ускорял шаги и отворачивался. Одно дело отмыкать замки на потеху публике или песковским ворам, другое — проникнуть

в здание, охраняемое солдатами. Тут надо быть настоящим вором...

Яша постучал ложечкой по блюду, подзывая кельнера. Тот, однако, или не слышал, или притворился, что не слышит. В кофейне было полно народу. Яша огляделся. Кажется, только он один и был здесь в одиночестве. Посетители составляли кружки, кучки, группы. Мужчины были в коротких скюртуках, штучных брюках и с пышными бантами. У одного бородка была клинышком, у другого — окладистая, у кого усы свисали, у кого были нафабрены. Дамы, те фигурировали сплошь в свободных платьях, в шляпах с большими полями, украшенных листьями, плодами, шпильками, перьями. Патриоты, сосланные москалями после разгрома восстания в сибирскую тайгу, сотнями гибли от цинги, чахотки, лихорадки, но в основном от отчаяния и тоски по родине. Посетители же кофейни, как видно, примирились с российской неволей. Они спорили, разговаривали, шутили, весело смеялись. Женщины с восклицаниями кидались друг к дружке. По улице проследовала похоронная процессия, но никто в кофейне не обратил даже внимания, как если бы смерть была безделицей, не имевшей к ним отношения. «О чем они так горячо рассуждают? — недоумевал Яша. — Отчего у них так блестят глаза? А тот вон старикашка с седенькой бородкой и замшелыми подглазьями, зачем он воткнул розу в лацкан?...» По виду Яша не отличался от остальных, но был словно отделен от них барьером. Каким? Он и сам не мог себе этого объяснить. Вместе с амбицией и страстями в нем уживались печаль, сознание суетности и вины, которую ни искупить, ни избыть. Какой смысл в жизни, если не знаешь, зачем ро-

дился и почему умрешь? Кому нужны красивые слова о позитивизме, организованном труде и прогрессе, если все поглотит могила? При своем веселом нраве Яша всегда был на волосок от меланхолии. Стоило ему потерять интерес к новому фокусу и новой интрижке, сомнения набрасывались на него. Неужели он родился затем, чтобы сделать пару салты и заморочить голову нескольким женщинам? Может ли он служить Господу, которого кто-то выдумал? Способен ли, как тот старик, посыпав голову пеплом, ночи напролет сокрушаться из-за храма, разрушенного два тысячелетия назад? Получится ли у него опуститься на колени и осениться крестом перед неким евреем, Иисусом из Назарета, якобы родившимся от Святого Духа и предположительно бывшим ни больше ни меньше сыном, порожденным на старости лет Всевышним?..

Подошел кельнер:

— Что вам угодно?

— Расплатиться, — сказал Яша.

Слово показалось ему знаменательным, как если бы сказано было: расплатиться за несправедную жизнь.

2

В первом акте муж приглашал Адама Повальского на все лето в свою виллу, тот, однако, отказывался из-за возлюбленной — молоденькой жены старого аристократа. Муж все же стоял на своем — возлюбленная пождет. Ему взбрело, чтобы в каникулы Повальский давал его дочке уроки фортепиано, а с женой практиковался в английском (французский выходил из моды).

Во втором акте Повальский заводит шашни с матерью и дочерью. Чтобы спровадить мужа, простофилю убеждают, что с его артритизмами надо ехать в Пищаны, подлечиться грязями.

В третьем акте муж узнает правду. «Зачем мне грязь в Пищанах, — кричит он, — у меня дома ее сколько угодно?» — и вызывает Адама Повальского на дуэль. Тут появляется старый аристократ, муж молодой жены, и увозит Повальского в свое имение. В финале Повальский выслушивает поучения старика, как избежать скандалов и неприятностей.

Комедия была переделкой с французского. Летом варшавские театры обычно не работали, но пьеска «Дилемма Повальского» собирала публику даже в самые жаркие дни. Смех раздавался, едва открывали занавес, и не смолкал до конца третьего акта. Женщины прыскали в платочки и этими же платочками утирали выступившие от смеха слезы. Кто-то из мужчин внезапно принимался гоготать, и казалось невероятным, что на такое способно человеческое горло. Гогот переходил в ржание, явно соответствовавшее натуре хохотававшего. Рогоносец высмеивал рогоносца. Какой-то господин, хлопая себя по коленкам, стал сползать с кресла. Его супруга пыталась привести мужа в чувство и усадить обратно. Эмилия то посмеивалась, то обмахивалась веером. Газовые лампы усиливали духоту. Яша криво усмехался. Он видел десятки подобных комедий, и все они были скроены на один манер. Муж, конечно, болван, жена — неверная, любовник — пройдоха. Яша перестал улыбаться и нахмурился. Кто кого тут высмеивает? Это ведь одни и те же люди. То они веселятся на свадьбах, то рыдают на похоронах, то клянутся в верности у алта-

рей, то оплевывают семейную жизнь. Рыдая над судьбой сиротки, выдуманной писателем, они потрошат друг друга в войнах, погромах и революциях. Он вдруг ощутил неприязнь к Эмилиии. Нет, не мог он ради нее бросить Эстер, выкреститься и стать вором. Яша украдкой на нее глянул. Она смеялась меньше прочих, не желая, вероятно, показаться вульгарной. Однако и ее, похоже, забавляли сомнительные проделки Повальского и двусмысленный текст пьески. Кто знает, Повальский, наверно, нравился ей тоже. Яша был роста невысокого, а театральным амант — широкоплечий и стройный. В Италии Яша надолго онемееет. Эмилиия же, изъясняясь по-французски, быстро выучится итальянскому. Он будет разъезжать, рисковать собой, а она заведет салон, станет приглашать гостей, подыскивать партию Галине, а себе наверняка найдет итальянского Повальского... Все они такие... Каждая — паучиха!

«Нет, нет! — протестовало все в Яше. — Я не поймалось в эту сеть. Завтра же сбегу. Все брошу: Эмилию, Вольского, «Альгамбру», фокусы, Магду. Довольно быть штукатурем! Хватит ходить по канату!» Вдруг он вспомнил номер, который готовил: сальто на проволоке... Они, развалясь, будут сидеть в креслах, а он, сорокалетний уже человек, станет кувыраться над бездной. А если он свернет себе шею? Останется только попрошайничать, и никто-никто из прежних поклонников не бросит ему в шапку даже грошик..

Яша убрал руку с ладони Эмилиии. Та поискала ее, но Яша, поражаясь сам себе, отвернулся. Подобные настроения были для него не внове. Он терзался ими и до знакомства с Эмилиией. Он искал женщин, как пропойца водку, но терпел их с трудом. Задумывая новые трю-

ки, он находился в постоянной опаске, что и старые ему не очень-то по силам и могут до времени свести его в гроб. Уже до Эмилии он взвалил на себя непомерную ношу, содержа Магду, Елизавету, Болека, оплачивая квартиру в Варшаве, месяцами разъезжая по захолустью, где ночевал в скверных гостиницах, давал представления в выстуженных амбарах, колесил по непроезжим дорогам. А что он за это имел? Распоследний батрак знал больше покоя и меньше забот. Эстер частенько говорила, что он работает на дьявола.

Непонятым образом фарс разбередил давние сомнения. Как долго он, Яша, продержится? Какую еще мороку возьмет на себя? В какие переделки впутается? Сейчас он досадовал на актеров, на публику, на Эмилию, на самого себя. Все эти господа и высокомерные дамы продолжали его игнорировать. Правда, он их тоже игнорировал...

На свой шутовский манер они сочетали религию с социальными утопиями, семейную жизнь с изменами, христианскую любовь с мировой враждой. Он был раздираем страстями, не мог избыть страха смерти, избавиться от чувства раскаяния и стыда. В бессонные ночи он подсчитывал свои годы. Как долго еще можно удерживать вожжи? Как долго можно слыть за молодого? Старость надвигалась катастрофой. Но что на свете бесполезней стареющего циркача? Пытаясь уснуть, он часто вспоминал забытые стихи Писания, молитвы, пословицы бабушки, нравоучения отца. Ему приходили на память песнопения Покаянных Дней: «К чему может стремиться человек, если светильню его задует смерть?..» Мысль о раскаянии не покидала его. А если Бог существует? А если святые книги говорят истину?

Ведь не может быть, чтобы мир сотворился сам по себе или возник из какой-то туманности. Вдруг и правда придется держать ответ и будут взвешены доброта и гнев? Если так — дорога каждая минута. Если так — он уготовал себе сразу два пекла. Одно — на этом свете, другое — на том...

Да, но что делать? Отрастить бороду и пейсы? Облачиться в талес-котн, наворачивать тфилн и молиться трижды в день? Но откуда известно, что истина в «Шулхан Арухе»? Вдруг она у христиан, мусульман или у какой-нибудь еще веры? Там тоже есть древние книги, пророки, легенды о чудесах и знамениях... И, переживая в себе нескончаемые боренья, он как ни в чем не бывало вдруг принимался думать о летательных аппаратах, новых интрижках и похождениях или — ни с того ни с сего — о пугешествиях, сокровищах, открытиях, гаремах...

После третьего акта дали занавес. Грянули аплодисменты. Кто-то орал «Браво!». На сцену внесли букеты. Актеры и актрисы, держась за руки, кланялись, улыбались, косились на ложи богатых людей. «Разве это цель творения? — спрашивал себя Яша. — Разве такого хочет Бог? Если да — разумней всего наложить на себя руки...»

— Что с вами нынче? — спросила Эмилия. — У вас, по-моему, плохое настроение.

— Нет-нет, что вы...

3

От театра до Крулевской, где жила Эмилия, было недалеко, однако Яша взял извозчика и велел ехать не торо-

пясь. В театре было душно, но на улице свежий ветерок тянул со стороны пражского леса и Вислы. Газовые фонари тускло светились. Небо было сплошь в звездах. Стоило поднять глаза, и душу охватывало блаженство. Яша слабо разбирался в астрономии, однако несколько популярных книжек все же прочел. Он даже видел в телескоп кольца Сатурна и лунные горы. Какова бы истина ни была — небеса безусловно беспредельны. Тысячу лет, прежде чем достичь наших глаз, длится свет, летящий от звезд по эфиру. Звезды, мерцающие и блестящие в вышине, — суть те же солнца, каждое со своими планетами, каждое, быть может, само по себе целый мир. Светлая полоса в небе, Млечный Путь — скопление миллионов и миллионов небесных тел. Яша прочитывал в «Варшавском курьере» все статьи по астрономии и научные новости. Ученые постоянно открывали новые чудеса. Вселенную теперь измеряли не милями, но световыми годами. Придумали способ узнавать химический состав самых далеких звезд. Создавались все более мощные телескопы, достигавшие далеких уголков космического пространства. Предсказывались затмения Луны и появление комет. «Надо было заниматься наукой, не фокусами, — думал Яша. — Но теперь поздно...» Пролетка катила по площади Александра мимо Саксонского сада. Яша перевел дух. В темноте парк казался таинственным. В зарослях светились какие-то огонечки. Из тьмы долетали ароматы. Яша взял руку Эмилиии и поцеловал запястье над перчаткой. Он снова любил ее и желал. Лицо Эмилиии оставалось в тени, глаза блестели, отсвечивая золотом, пламенем и ночным обещанием, точно драгоценные камни. По дороге в театр он подарил ей розу, теперь

ошеломительно благоухавшую. Яша склонился к лепесткам, и ему показалось, что вдыхает он все ароматы мира. «Если горсть земли и капля воды способны создать подобный запах, творение не может быть несовершенным. Хватит уже этого самокопания...»

— Что вы сказали, мой друг?

— Я сказал, что люблю и не дождусь, когда ты будешь моей.

Она какое-то время молчала. Ее колено сквозь платье коснулось его колена. Что-то, словно электрический ток, прошло сквозь шелк и, захлестнув Яшу желанием, пронзило позвоночник.

— Мне еще трудней, чем тебе. — Впервые с тех пор, как они познакомились, она чуть слышно шепнула «ты». Он уловил это скорей рассудком, нежели слухом.

Оба затихли, конь ступал шагом. Извозчик ссутулится, как если бы спал. Они, казалось, вслушивались в желание, передаваемое их коленями друг другу. Тела их общались на собственном бессловесном языке. «Я жажду обладать тобой!» — говорило колено колену. Яшу переполняло напряженное безмолвие, как если бы он шел по проволоке. Вдруг Эмилия склонилась к нему. Поля ее шляпы образовали как бы крышу. Ее губы коснулись его уха.

— Я хочу родить твоего ребенка, — прошептала она.

Он прижался к ее губам и перестал дышать. Эстер, годами говорившая о ребенке, какое-то время уже не вспоминала об этом. Магда несколько раз тоже заводила разговор. Он пропускал их слова мимо ушей, словно забывая о столь важной житейской детали. Эмилия, та не забывала. Она была достаточно молода, чтобы по-

нести и родить. «Похоже, в этом и есть причина моего разлада, — подумал он. — У меня нет наследника».

— Да, сына, — сказал он.

— Когда же?

Снова уста их сомкнулись. Они впились друг в друга, как два зверя. Вдруг пролетка встала. Извозчик встрепенулся:

— Н-но!..

Они подъехали к дому. Яша помог Эмилии выйти. Не позвонив, она стояла с ним на тротуаре. Оба молчали.

— Поздно уже, — наконец сказала Эмилия и потянула звонок.

По шаркающим шагам Яша догадался, что отворять идет жена сторожа. В подворотне было темно. Эмилия вошла, и Яша скользнул за ней вслед. Он проделал это ловко, неслышно и неожиданно для себя. Сторожиha пошлепала к своей каморке, а он во тьме взял Эмилию за руку.

— Кто тут? — вздрогнула она.

— Я...

— Боже, что ты вытворяешь?

Она даже как будто засмеялась в темноте, пораженная, как видно, его ловкостью и отвагой.

Они молча стояли, словно бы сами с собой советуясь.

— Нет, так не годится, — шепнула она.

— Я хочу тебя поцеловать.

— Но как ты войдешь? Дверь откроет Ядвига.

— Я сам открою...

Яша поднялся с ней по лестнице. Несколько раз они останавливались целоваться. У двери он шевель-

нул рукой, и та отворилась. В коридоре было темно. Полночная тишина стояла в квартире. Он вошел в гостиную, ведя за собой Эмилию, а она, похоже, пыталась повернуть. Оба тихо боролись. Яша вел ее к дивану, и Эмилия шла, словно не владея собой.

— Я не хочу начинать нашу жизнь в грехе, — шепнула она.

— Нет..

Он стал ее раздевать, но от шелкового платья с треском посыпались искры. Хотя он знал про статическое электричество — искры испугали его. Эмилия, та была просто поражена. Она больно вцепилась в Яшины запястья:

— Как ты выйдешь?

— В окно.

— Галина может проснуться.

Эмилия вырвалась:

— Нет. Тебе следует уйти!..

На следующий день Яша спал и спал. Подремывая, он провалялся до часу. Магда по деревенской привычке не могла взять в толк, как можно проспаться до обеда. Правда, она давно убедилась, что он не такой, как все. Он мог больше съесть и дольше поститься, мог не спать ночами и проспаться целый день. Открыв спросонья глаза, он сразу вступал в разговор, как будто спящим только прикидывался. По тому, как вздрагивала кожа на Яшином лбу, и по височным жилкам могло показаться, что во сне он размышляет, словно наяву. Быть может, его мозг придумывал так новые трюки?.. Магда ходила на цыпочках. Она принесла ему овсянки с картошкой и грибами. Яша поел и, словно загипнотизировав сам себя, снова зарылся в подушки. Магда на деревенском своем диалекте ворчала сквозь зубы: «Выхрапи свои грехи, дубина, собачья душа! Притомился у барыньки, у паршивки этой...» От всех бед Магда знала одно средство — работу. Яша здорово снашивал одежду и белье, так что ей постоянно приходилось что-то чинить. Швы на нем расползались, он терял пуговицы,

рубашки носил один день, потом бросал. За ним надо было непрестанно убирать, мыть, шить, чистить. Еще приходилось заботиться о животных: лошадях в конюшне, обезьянке, вороне и попугае. Магда была для Яши всем — женой, прислугой, помощницей на сцене. Но что она с этого имела? Ничего. Кусок хлеба. По правде сказать, лишнего и у него самого не водилось. Все пользовались им, обкрадывали, надували. Насколько он бывал разумен, когда читал книги и газеты или когда гипнотизировал и отгадывал мысли, настолько в делах практических оказывался наивен. И здоровье свое губил. Ему не следовало шляться по ночам. Крепкий от природы, он, случалось, делался слабей мухи, терял сознание и лежал точно в обмороке...

Магда стирала, скребла, отчищала, выколачивала пыль. Соседки заглядывали разжиться долькой чеснока, луковицей, чашкой молока, жиром... Магда никому не отказывала. В сравнении с этими бедолагами она была богатой... К тому же по причине своего сомнительного положения Магде приходилось к ним подлаживаться. Официально ее заявили прислугой. Если соседки с ней цапались, они честили ее потаскухой, падалью и намекали про желтый билет. Мужчины, напиваясь, к ней приставали. Когда она шла в лавку или за водой, мальчишки орали: «Еврейская шлюха!»

На костеле Святого Яна пробило два. Магда вошла к Яше. Он уже не спал, а сидел в постели и глядел в одну точку.

— Выспался?

— Ага. Я ведь страшно устал.

— Когда будем репетировать? Премьера через неделю.

— Знаю.

— Везде афиши налепили. Твоя фамилия большими буквами.

— Пошли они все к черту!

Яша сказал, что хорошо бы помыться, и Магда принялась греть на кухне воду. Она намыливала его в деревянной ванне, окатывала водой, растирала. Как всякой женщине, ей хотелось ребенка. От Яши Магда готова была родить даже внебрачного. Но он и тут ее обездолил, сам предпочитая оставаться ребенком. Магда купала его, целовала, голубила. Яша доставлял ей больше огорчений, чем самый худший недоброжелатель, но даже при недолгом с ним общении получалось, что он от нее зависит, и чувства Магды тотчас вспыхивали с новой силой.

Он вдруг спросил:

— Летнее платье у тебя есть?

В ее глазах появились слезы:

— Вспомнил когда!

— Почему не сказала? Я же забывчивый.

— А я не из тех, кто напоминает. Это твоя барыня тебе все припомнит... И про меня тоже...

— Я куплю тебе, чего захочешь. Я же сказал: ты навсегда в моем сердце. Что бы ни случилось, ты жди.

— Да... буду ждать...

— Давай мыться вместе. Раздевайся.

Магда и слышать о таком не хотела, но он ее притянул и быстро раздел. Она не столько стеснялась своей наготы, сколько худобы: выпиравших ребер, плоской груди, острых коленок, тощих как палки рук. Прыщики перекинулись с лица на спину. Она стояла перед ним точно стесняющийся скелет. Яша из ванны вылез, а ее

туда посадил. Он намыливал ее, ласкал, мыл, щекотал, пока она не рассмеялась. Потом понес на руках в альков, задернул занавески и оставался с ней так долго, что она утрашилась. Не иначе он был колдун, и силу ему сообщал дьявол.

Последнее время они мало разговаривали. Разве что о самом неотложном. Бывало, за целый день она даже не слыхала его голоса. Но сегодня все было как прежде. Он расспрашивал ее о деревне, и Магда вспоминала разные обряды Дожинок¹. Еще рассказывала про маленьких старушечек, хоронящихся в жите и уворачивающихся от серпа, а потом на молотье от цепов. Про соломенную куклу, которую парни топили в пруду, про дерево, к которому старые крестьяне ходили молить дождь, хотя ксендз им это запретил, про деревянного петуха, спрятанного на чердаке у солтыса² и в засуху поливаемого водой, чтобы тоже приманить дождь. Яша слушал, расспрашивал.

— Ты веришь в Бога? — спросил он.

— Ну да.

— Зачем он все сотворил?.. Кстати, в кармане брюк лежит десять рублей. Возьми и сходи к портнихе.

— Я не лазаю по чужим карманам.

— Бери, пока есть...

Она ушла за деньгами в комнату, где висели брюки, а когда вернулась, Яша снова спал. Магда хотела поцеловать его в лоб, но побоялась разбудить. Она стояла в дверях, глядела и думала, что, сколько бы она с ним ни прожила, ей все равно его не понять. Душой и телом

¹ Дожинки — сельский праздник урожая (*пальск*).

² Солтыс — деревенский староста (*пальск*).

Яша был и оставался ее спасением, потому, наверно, она так и тряслась над ним. Магда стала прибираться после мытья. На другой лестнице жила портниха. Магда, поплевав на ассигнацию, сунула ее в кофточку. День совсем неожиданно оказался счастливым...

2

Он же весь этот летний день проспал. Пошел дождь, потом распогодилось. Яша открыл глаза. В алькове было темно. С кухни доносился запах еды. Магда жарила котлеты, собираясь подать их с картошкой и квашеной капустой. Яша, кроме овсянки, с утра ничего не ел и проснулся голодный. Потом быстро оделся, вышел в кухню. Поцеловав Магду, он съел, что было готово: хлеб с селедочными молоками. Потом взял со сковородки полусырую котлету. Магда, добродушно ворча, сказала:

— Вот бы всегда, как сегодня...

Но тут за дверью кто-то заскребся и шевельнулась ручка. Яша отворил и увидел маленькую девочку в большой шали. Она, как видно, Яшу знала, потому что сказала:

— Господин Яша, какая-то паненка ждет вас у подворотни.

— Что за паненка?

— Ее зовут Зевтл...

— Спасибо. Скажи, сейчас спущусь.

И дал девочке два гроша.

Не успел Яша закрыть за ней дверь, как Магда схватила его за руки:

- Ты никуда не пойдешь! Ужин стынет.
- Нельзя же, чтоб человек ждал.
- Я знаю, кто это!.. Потаскуха из Песков!

Магда вцепилась с такой силой, что пришлось вырваться. Лицо ее вмиг стало злобным, волосы растрепались, глаза позеленели и засверкали, как у кошки. Яша, вырываясь, оттолкнул ее, и Магда чуть не угодила в лохань с водой. Так с ним бывало всегда: стоило обойтись с кем-то по-доброму, и Яшу сразу пытались прибрать к рукам. Захлопывая за собой дверь, он услышал, что Магда плачет, шипя и что-то крича. Ему было жаль ее, но заставить Зевтл стоять на улице он тоже не мог. Спускаясь, Яша ощущал запахи, доносившиеся из других квартир. Там плакали дети, кряхтели больные, девицы пели о любви. Где-то на крыше мяукали кошки. Яша на мгновение замер в лестничной темноте, раздумывая, как быть. «Дам ей что-нибудь, и до свидания! — решил он. — У меня и так мороки хватает». Вдруг он вспомнил, что сегодня свидание с Эмилией. Она звала его на обед. Вчера ночью, когда Яша вылезал в окно, это были ее последние слова. «Как я мог забыть? — удивился он. — Всё забываю! Обещал написать Эстер сразу, как приеду в Варшаву. Она там с ума сходит. Что со мной? Заболел я, что ли?» Яша прислонился к перилам, словно решил здесь и сейчас подвести итог собственной жизни. Он потерял целый день, проспав, продремав и видя сны. Будто перескочил через значительный отрезок времени. Ему столько надо было сделать и обдумать, что разум его ни на чем не мог остановиться. Вот-вот премьера, а он не приступал к репетициям. Непрерывно размышляя об Эмилиии, он ни до чего не додумывался. «Я не способен принять решение, вот в чем

беда», — снова сказал себе Яша. Вчерашняя — в последний момент — перемена в Эмилии потрясла его. Эмилия не поддавалась Яшиной гипнотической силе. Когда он уходил, она поцеловала его и шепнула, что любит, однако в ее словах звучали победные нотки. «И правильно, что забыл! — подумал он. — Чтоб не воображала, что я за ней бегаю». В голове мелькнуло: «Может, это вообще конец? Вдруг она меня вчера разлюбила? Вдруг теперь она мне враг?..» Ему приходили в голову разные дикие мысли, точь-в-точь как в игре в догадки и предположения, когда он был еще в хедере и загадывал, не черт ли его собственный отец, не демон ли меламед, не вурдалак ли воспитатель, а всё, что вокрут, — не мираж ли, не вымысел? Между прочим, тогдашние повадки и страхи тоже никуда от него не делись. Если поблизости никого не было, он спускался по лестнице вприпрыжку, чертя ногтем указательного пальца по штукатурке. Кстати, он, который на пари провел ночь на кладбище, боялся темноты. Из теней возникали жуткие обличья — кудлатые видения с длинными клювами и провалами вместо глаз. Яша никогда не мог отделаться от ощущения, что всего лишь тоненькая преграда отделяет его от незримых этих, обступающих и наседающих существ, то вдруг пособников, то пакостников, а то и подстраивающих хитроумные каверзы. Яше постоянно приходилось воевать с ними, иначе недолго было сорваться с каната, стать косноязычным, заболеть, перестать быть мужчиной...

Он вышел на улицу и увидел Зевтл. Завернувшись в шаль, она стояла под фонарем у подворотни. Фонарь отбрасывал отсвет на ее лицо. Она выглядела такой, какой была на самом деле: провинциалкой, только что

приехавшей в Варшаву. Вероятно, чтобы казаться моложе, Зевтл заколола с боков волосы в два пучка. В ней чувствовалась перемена, всегдашняя у тех, кто оторвался от корней и сам себе стал чужим.

— Это ты? — подал голос Яша.

Зевтл вздрогнула:

— Я уж думала, не дождусь.

Она потянулась расцеловаться, но этого не получилось: мимо, кряхтя и что-то ворча, прошла с ведром воды из крана какая-то баба. Она столкнулась с Зевтл и плеснула водой на ее высокие ботинки с пуговками.

— Чтоб она сдохла! — сказала Зевтл и по очереди вытерла ботинки краем шали.

— Когда ты приехала?

Она задумалась, словно не поняв вопроса. Дорожные тяготы, похоже, смешали ее мысли.

— Я приехала, и я тут. Думаешь, просто так брала деньги?

— Почему бы и нет?

— Пески — это кладбище, не город. Я продала все, и ворье от меня, конечно, попользовалось. Слава Богу, ноги унесла.

— Где ты остановилась?

— Сперва у посредницы. Она мне обещала подыскать место, но пока не нашла. Прислуги в Варшаве больше, чем хозяев. Я пришла посоветоваться.

— Меня ждут ужинать.

— Яшенька, пока я сюда попала, я чуть не сдохла.

Никто не знал ни улицы, ни номера. Как можно увидеть номер в темноте? Я прокляла все на свете, пока не встретила девочку, которая тебя позвала. Зачем я к тебе пойду? Твоя в квартире, я знаю. Две кошки в мешке.

— Она как раз приготовила ужин и сердится. Подождешь полчасака?

— Лучше пойдём. Где тут ждать? Пьяные же привязываются. Они думают, я из этих... Мы что-нибудь купим и поедим. Я знаю, ты — варшавский фокусник, а я из местечка, но мы, как говорится, не чужие. Я всю дорогу думала про тебя. Тебе все передают привет: Кривой Мехл, Бейриш Высокер, Хаим-Лейб.

— Сердечное спасибо.

— Намажь себе штиблеты своим спасибом! Лучше — пошли. Мы разговариваем, а ты как будто не тут... Забыл все или что? А дела у меня вот какие, — Зевтл сменила тон. — Я пришла к посреднице, а она говорит: «Тебя только не хватало! Всем приспичило в прислуги, а все мадам сейчас на дачах». Я уже взялась за корзину, чтоб уйти, а она мне: «Куда ты побежала, куда?» Оказывается, посредницы одалживают девушкам деньги под процент... Одним словом, постелили мне на полу, и я смогла хоть прилечь. Рядом спали три кухарки. Одна так храпела, что я глаз не могла сомкнуть. Лежала и плакала, ведь я при Лейбуше была сама себе хозяйка. Утром я уже решила куда-нибудь перебраться, а тут заявляется какой-то мужчина при часах с цепочкой и в манжетах с запонками. По виду большой делец и держится с фасоном, хотя уже не такой молодой. «Ты кто будешь?» — спрашивает. Я рассказываю: «Так, мол, и так. Меня оставил муж. Куда уехал, не знаю». Он мне задает разные вопросы и вдруг говорит: «Я знаю, где твой муж!» — «Где?» Короче говоря, этот человек приехал из другой страны. Из Америки, что ли, но это какая-то другая Америка, и Лейбуш, оказывается, там. Когда я это услышала, я заплакала, как в Йом Кипур. «Что ты тут

наплачешь? — спрашивает он. — Жаль твоих прекрасных глаз». И так он ловко разговаривает, и такой веселый, что можно просто лопнуть. А деньгами прямо швыряет — угощает каждого халвой и шоколадом. «Похали со мной, — говорит он, — твой муж или тебя примет, или даст развод...» Он уезжает через пару недель и может одолжить мне денег на шифскарту¹. Но я чего-то боюсь...

Зевтл умолкла, а Яша присвистнул:

— Тот еще фрукт!

— Ты его знаешь?

— Знать его необязательно. Слыхала, что такое альфонс? Он завезет тебя Бог знает куда и отдаст в бордель.

— Ну да?! Он так приятно разговаривает...

— Этот прохвост так же видал твоего мужа, как я твою прабабушку...

Между тем они уже шли к Длугой. Зевтл теребила краешек шали.

— Что же мне делать? Если я останусь без места, я пропала. Он устроил меня ночевать у сестры. Сегодняшнюю ночь я спала там.

— У сестры? Она ему такая же сестра, как я твой прадедушка. — Яша был поражен, как быстро он перенял тон и манеру Зевтл. — Наверняка это бандерша, с которой он в доле. Он продаст тебя в Буэнос-Айрес или куда-нибудь еще. Там ты и сгниешь...

— Ой! Он называл этот город. Где это? В Америке?

— В Америке не в Америке — один черт. Эти люди приезжают сюда за живым товаром и ищут таких дур,

¹ Шифскарта — пароходный билет; слово, фигурировавшее среди еврейских эмигрантов того времени.

как ты. Газеты только об этом и пишут. Где живет его сестрица?

— На Низкой.

— Тогда пошли поглядим на нее. Зачем бы ему предлагать тебе деньги на билет? Неужели не понятно, что это за птица?

Зевтл помолчала.

— Поэтому я и пришла. Когда лежишь на полу и тебя едят клопы, хватаешься за соломинку. У его сестры чисто. Там у меня кровать, постель и еда. Я хотела ей заплатить, а она говорит: «Мы успеем рассчитаться...»

— Все ясно. Беги от них, как от огня. Разве что собираешься стать шлюхой в Буэнос-Айресе.

— Ну зачем ты?.. Я была порядочной девушкой. Если бы Лейбуш меня ценил, я бы стала для него хорошей женой. Но он больше сидел, чем бывал дома. Через три недели после свадьбы его уже замели. А потом сбежал совсем. Что мне оставалось делать? У меня кровь тоже не вода. Все Пески за мной ухлестывали. Лучшие его друзья. Но я не пошла по рукам. А ты мне понравился. Я не собираюсь, Яшенька, на тебя все сваливать. У меня, как говорится, своя гордость, но ты здорово забрался в мое сердце. Я заскучала сразу, как только ты уехал. Сейчас вот иду рядом, а мне кажется — лечу. Ноги легкие-легкие. А ты даже со мной не расцеловался, — сказала Зевтл с упреком.

— Там?.. Все же в окна глядели...

— Тогда поцелуй тут. Я все та же Зевтл...

И распахнула платок.

3

«Этого только не хватало!» — подумал Яша. Странно, но он совершенно забыл о Зевтл и о том, что дал ей денег на дорогу до Варшавы. Она как будто испарилась из его сознания. Сейчас, удручаясь собственными неприятностями, он испытывал даже какое-то удовольствие, как если бы читал интересную книгу, где события нарастают, и с нетерпением переворачиваешь страницу. Только что он был голоден, а теперь словно бы сыт. Ночь стояла теплая, даже немного парило, однако его познабливало, как если бы он слишком рано поднялся после простуды. Ему пришлось даже унимать дрожь. Яша поискал глазами извозчика, но на Фрета пролеток не было, поэтому они с Зевтл пошли к Францисканской. «Отделаюсь от нее и, может, еще успею к Эмилии, — раздумывал Яша. — Она, наверно, не знает что и думать...» Яша впервые нарушил уговор и боялся, что этим оскорбит Эмилию. Все висело на волоске... И с Магдой вышло некрасиво... Яша вдруг понял, что очень переменился. В прежние времена у него сразу бывало полдюжины связей, и все сходило с рук. Он всех обманывал, но это мало его беспокоило. Случалось, он даже капризничал. Если считал нужным, мог даже ударить, но угрызений совести не испытывал. А сейчас терзается по поводу каждой мелочи, старается всем потрафить... «Праведником я становлюсь, что ли?» — удивился он. Ради такой, как Зевтл, явно не имело смысла ссориться с Эмилией или даже с Магдой, но какая-то частичка мозга, решавшая, что говорить и как себя вести, распорядилась остаться с Зевтл. К тому же ему хо-

телось взглянуть на типа, торговавшего женщинами и на его якобы сестрицу...

Улица Фрета была темна и узка. Францисканскую же освещали газовые фонари, и еще там было светло по причине лавок, каковые, согласно предписаниям, положено было закрывать, однако все они были открыты, одни нараспашку, другие на полдвери. Здесь шла торговля кожей, текстильным товаром, книгами, пером. В помещениях вторых этажей кипела работа. За окнами угадывались всевозможные фабрички и мастерские. Там сучили нитки, клеили пакеты, шили белье, мастерили зонтики, строчили исподнее и рубашки. По дворам, словно днем, стучали молотки, визжали пилы, гудели машины. Были тут еще и пекарни, их трубы выбрасывали искры и дым. От переполненных сточных желобов несло обычной, как в Люблине или Песках, вонью. Молодые люди с раскрутившимися пейсами и в долгополых лапсердаках шли с молитвенниками. Поблизости находились ешива и хасидские молельни. Проехало несколько пролетов, нагруженных скарбом, из-за которого было не видать пассажиров. Наконец на углу Налевок Яша заметил пустого извозчика. От шума и толчеи, от множества людей, омнибусов, повозок Зевтл стало шатать как пьяную. Усаживаясь, она зацепилась за что-то бахромой шали, а потом ухватила за Яшин рукав. Когда пролетка сворачивала, Зевтл словно бы сворачивала вместе с ней.

— Если бы мне сказали, что сегодня я буду ехать с тобой на извозчике, я никогда бы не поверила, — сказала Зевтл.

— Я и сам такого не мог предположить.

— Светло как днем. Хоть горох перебирай!

Она стиснула Яшину руку и потянула ее к своей груди, словно бы яркий свет вдруг разбудил в ней страсть.

На Гусиной их снова обступила темнота. Проследовал приподнявшийся катафалк, за которым не шел ни один провожающий. Родственники передоверили покойного похоронщикам, и тот, наверно, впотьмах сойдет в могилу. «Такой же, наверно, как я», — пронеслось в Яшиных мыслях. Выше, возле Дикой, у подворотен стояли уличные женщины, зазывавшие прохожих. Яша показал на них Зевтл:

— Вот что он хочет из тебя сделать.

На Низкой было совсем темно. Стекла редких керосиновых фонарей были черны от копоти. От сливаемой отовсюду гадости здесь даже летом стояла грязь, как оно обычно бывает после праздника Кущей. Многие дома были деревянные. Тут находились склады древесины и мастерские кладбищенских надгробий. Дом, в котором остановилась Зевтл, оказался недалеко от Смочьей и еврейского кладбища. Вход был через калитку в деревянном заборе. Лестница, ведущая в квартиру, шла по наружной стене. Зевтл отворила дверь, и они вошли в кухню, выкрашенную в розовый цвет и освещенную керосиновой лампой под абажуром из нарезанной полосками бумаги. Отовсюду — с печки, буфета и посудных полок свисали узорчатые, тоже бумажные, зубцы. На стуле восседала женщина с большой рыжей прической, рыжими глазами, с носом, похожим на клюв, и острым личиком. Ноги ее в красных домашних туфлях опирались на скамеечку. Рядом спала кошка. Женщина штопала напяленный на стакан мужской носок. Она удивленно подняла глаза.

— Госпожа Мильц, вот человек из Люблина, о котором я рассказывала... Фокусник Яша...

Госпожа Мильц воткнула иголку в носок.

— Она только о вас и говорит... Фокусник — то, фокусник — это. Вы совсем не выглядите на фокусника.

— На кого же я выгляжу?

— На музыканта.

— Это правда. Я когда-то пиликал на скрипке.

— Ага! А какая, между прочим, разница, что делать? Лишь бы делались эти...

И она потерла большим пальцем ладонь.

Яша сразу подхватил ее манеру разговора:

— Что да, то да. Деньги — всегда деньги.

— Поглядите на нее! Только что приехала в Варшаву и уже всюду гуляет. — Госпожа Мильц указала на Зевтл полуснисходительно, полуудивленно. — Где ты его нашла? Я боялась, она заблудится. Зачем вы живете на Фрета? Там же сплошные гоим.

— Гоим не лезут в чужие горшки.

— Когда горшок прикрыт, еврей тоже в него не полезет.

— Еврей приподнимет крышку и понюхает...

У рыжей женщины засмеялся глаз.

— Чтобы я так была здорова, он — не позавчерашний, — сказала она не то Зевтл, не то самой себе. — Сядьте же! Зевтл, принеси стул!

— А где ваш брат? — спросила Зевтл.

Женщина подняла рыжие брови:

— А что? Хочешь подписать контракт?

— Этот человек желает с ним поговорить.

— Брат в задней комнате. Переодевается. Он спешит. Почему ты в платке? На дворе лето, не зима.

Зевтл, поколебавшись, скинула платок.

— Ему придется взять извозчика. Какие-то покупщики его дожидаются, — сказала госпожа Мильц.

— Чем ваш брат торгует? Коровами? — спросил Яша, поражаясь собственным словам.

Женщина искоса поглядела на него.

— Почему как раз коровами? Там, где он живет, коров хватает.

— Он торгует бриллиантами, — вставила Зевтл.

— В бриллиантах мы понимаем тоже, — сказал Яша. — Посмотрите сюда.

И он показал на пальце левой руки перстень с большим бриллиантом. Женщина удивленно и с досадой взглянула. Рот ее сложился в горестную гримасу.

— Мой брат — занятой человек. У него нет времени на пустые разговоры.

— Я собираюсь говорить только про восемнадцать и тринадцать¹, — заявил Яша, удивляясь собственной наглости.

Дверь отворилась, и вошел высокий мощного сложения субъект, с волосами того же самого цвета, что и у женщины, толстым носом, толстыми губами, круглым с ямочкой подбородком и выпученными желтыми глазами. На нем были только брюки, накрахмаленная рубашка, но без воротничка и незастегнутые лакированные туфли. Из ворота рубашки глядела широкая грудь, густо заросшая рыжим волосом. Яша понял, что имеет дело с мужланом. Человек хитро ухмылялся. Он, как видно, подслушивал и знал, о чем был разговор. От него исходило лукавое добродушие и уверенность

¹ Яша имеет в виду важнейшую молитву «Восемнадцать Славословий» и тринадцать символов веры.

сильного, которому все нипочем. Рыжая дамочка сказала:

— Герман, это — фокусник, знакомый Зевтл.

— Фокусник так фокусник! — сказал Герман дружелюбно, и глаза его блеснули. — Шолом вам алейхем!

Он пожал Яше руку. Это было не рукопожатие, а скорей хвастовство силой. Яша ответил тем же, словно состязаясь с ним. Зевтл села на крашек железной кровати, которая тут стояла и на которой она ночью спала. Герман отпустил Яшину руку.

— Откуда будете? — спросил Яша.

Выпученные глаза Германа засмеялись.

— Откуда хотите! Отовсюду! Из Варшавы так из Варшавы, из Лодзи так из Лодзи! В Берлине меня тоже знают, и в Лондоне я не чужой...

— А где сейчас проживаем?

— На всем свете. Ибо сказано: «Небо — престол мой, а земля — подножие ног моих».

— Вы и Писание знаете?

— А вы нет?

— Изучал-изучал.

— В ешиве?

— Нет, с меламедом и немножко в бейсамедрише.

— Я тоже, как вы меня сейчас видите, был когда-то ешиботником, — сказал Герман миролюбиво и доверительно. — Но это было давно... Очень давно... Я люблю поесть, а в ешиве зубы можно положить на полку. Я понял, что это не для меня, и поехал в Берлин, чтобы стать доктором. Но плюсквамперфект не шел мне в голову. Мне больше нравились немецкие девки. Так что я уехал в Антверпен шлифовать бриллианты и шлифовал, пока не понял, что деньги делают не шлифовщики,

а торговцы. Я люблю карты и следую истине: «Еда не беда». Поэтому пришлось добираться до Аргентины. В последнее время туда едет много евреев. Они таскают лотки и делают Америку. Мы называем их «квентники», по-немецки это «хаузирер¹», а в Нью-Йорке — «педлеры». Один черт! Посредница, или как она тут называется, имеет сына в Буэнос-Айресе, и он послал ей привет. У нее я увидел вашу Зевтл. Она вам кто? Сестра?

— Не сестра.

— По мне, пусть даже будет вашей тетей...

4

— Герман, тебе пора, — вмешалась рыжая женщина, — тебя ждут покупательницы.

— Подождут. Я их дольше ждал. Там, где я живу, не торопятся. Испанец на все отвечает «маньяна» — завтра. Он ленивый и поэтому хочет, чтобы всё ему принесли домой. У нас имеются степи, которые называются «пампа», там пасут коров. Если гаучо — это ихний пастух — хочет кушать, так он очень ленивый, чтобы убить быка. Он берет топор, отрубает себе бифштекс от живого быка «эбэр маон хахай»², жарит его вместе с кожей, потому что ему лень ее содрать. Он говорит, что так вкуснее. Наши евреи не ленивые, поэтому они делают песо — так там называются деньги. И всё бы лучше некуда, но туда приезжает слишком много мужчин и слишком мало женского пола. А поскольку, как сказа-

¹ Хаузирер — лотошник, торговец вразнос (нем.).

² Часть от живого (древнеевр.) — имеется в виду один из строжайших запретов иудаизма: не расчленять живое существо.

но в Гемаре, женщина для мужчины — половина его самого, так девушки там на вес золота. Я не имею в виду плохое. Они просто выходят замуж. Но если семья не удалась — дело швах, потому что развод во внимание не берут. Если ты женился на змее, ты должен с ней жить, потому что так хочет религия. Что же делает мужчина? Берет ноги в руки и бежит. Так там все делается. Чем вашей сестре стирать в прислугах чьи-то подштанники, лучше у нас иметь все что душе угодно.

— Она мне не сестра.

— А если даже сестра, кого это интересует? В Буэнос-Айресе мы не спрашиваем метрику. Званье и прозванье — говорят у нас — нужно для камня на кладбище. К нам когда приезжают — рождаются заново. Какие же вы штучки делаете?

— Разные.

— А насчет картишек?

— Стучается.

— На корабле совершенно нечем заняться. Если бы не карты, можно с ума сойти. И так жарко, что когда переплывают... как это называется... экватор... просто задыхаешься. Солнце стоит прямо над головой. Ночью еще жарче. Выходишь на палубу, а там такая духота, как будто тебя в чулунке поставили в печь. Что же делают люди? Садятся за карты. По дороге сюда был один, который передергивал. Я на него смотрю и говорю: «Дорогой мой, что у вас в рукаве? Пятый туз?» Он думал драться, но я не из пугливых. У нас каждый и всякий может иметь револьвер. Если кто-то слишком себе позволяет, из него делают решето. А поскольку я считаюсь как тамошний, я тоже имею шпайер. Хотите посмотреть, как выглядит револьвер в Аргентине?

— Почему нет? У меня тоже есть револьвер.

— Вам он зачем? Для фокусов?

— Разное бывает.

— Короче говоря, этот человек понял, что имеет дело не с ребенком. Он хотел пометить карты, но я его поймал. Зевтл сказала, вы знаете фокусы с картами. Какие?

— Не шулерские.

— Но какие?

— Давайте колоду, покажу.

— Герман, тебе пора идти, — нетерпеливо вмешалась госпожа Мильц.

— Только не погоняй! Дела не убегут, а если убегут, так я их имел тебе известно где. Знаете что? Пойдемте в ту комнату, съедем что-нибудь.

— Я не голодный, — соврал Яша.

— Необязательно быть голодным. Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Здесь, в Польше, не имеют понятия, что значит поесть. Только и делают, что вливают в себя лапшу с куриным бульоном и опять лапшу с бульоном. А что такое эта лапша? Вода. Надувается живот, и больше ничего. Испанец в себя запихивает трехфунтовый бифштекс, и от этого у него прибавляется мозг в костях. Вы заходите к испанцу — он среди бела дня лежит и спит как убитый. Жарко как в аду, а вокруг летают такие мухи, которые высасывают из вас кровь, как пиявки. Летом вся жизнь начинается ночью. Там, если у кого-то есть деньги или на ужин, или на шлюху, идут к шлюхе. Но с голоду не умирает никто... Как вы относитесь к рюмочке?

— Временами.

— Тогда прошу. Выпьемте рюмочку водки. Рейцинька, принеси нам что-нибудь, — обратился Герман к ры-

жей женщине. — Испанцы обожают фокусников. За хороший фокус они душу отдадут, — снова повернулся он к Яше.

В средней комнате стоял стол, накрытый клеенкой, диван и платяной шкаф. Керосиновая лампа, свисавшая с потолка, была полуприкручена, и Герман выкрутил фитиль побольше. Еще тут были чемоданы, залепленные пестрыми наклейками, и разные коробки. На стуле висела визитка, сюртук и лежал жесткий воротничок, а также палка с серебряным набалдашником. Повесело дальними дорогами и заграничными странами. На стене висели две фотографии — еврей с белой бородой и еврейка в глухом парике.

— Садитесь, — сказал Герман. — Моя сестра сейчас что-нибудь принесет, чтобы стало веселей на душе. Она может позволить себе квартиру получше, но тут ей привычно, и она не желает переезжать. У нас дома не такие большие и все делается во дворе. Называется «патио». Испанец терпеть не может подниматься по лестнице. Он сидит себе на воздухе с семьей и пьет чай, который называется «матэ». Каждый втягивает по глотку через одну и ту же соломинку, и так оно попадает каждому в рот. Пока привыкнешь, кажется, что пьешь тухлую воду с лакричным молоком, но привыкнуть можно ко всему. В Северной Америке жуют табак. Одну вещь вы должны знать: мир везде одинаковый. В Буэнос-Айресе людей не едят. Поглядите на меня: разве меня кто-нибудь съел?

— А кого съели вы?

— Что? Отлично сказано! Вы, я вижу, не дурак. А если кто-то не дурак — он живет не кое-как. Вы из Песков?

— Нет, из Люблина.

— Зевтл сказала — из Песков.

— От вора и слышу.

Герман расхохотался:

— Ого! Нет, вы не дурак! Не все песковские — воры, и не все из Хелма — дураки. Так только говорят. Но скажите мне, кто не ворует? Моя мама, пусть она покоится с миром, всегда говорила: «Честно — невместно». Можно делать что угодно, но с умом. Я — как вы меня видите — уже попробовал всё. Зевтл сказала, что вы можете открыть любой замок.

— Это правда.

— У меня бы не хватило терпения. Зачем тратить время на замки, когда можно высадить дверь? На чем висит дверь? На петлях. Но это уже дело прошлое. Теперь я, как говорится, остепенился. У меня жена и дети. Зевтл рассказала мне, что и как. Про мужа, который сбежал, и все такое. Если она получит развод, у нас она будет иметь самого богатого мужа.

— А кто ей даст развод, вы?

— Что такое развод? Ключок бумаги. Всё, мой дорогой, только бумажка, даже деньги. Я имею в виду большие деньги, не маленькие. Те, у кого перо, пишут. Мойсей был мужчиной, поэтому он написал, что мужчина может иметь десять жен, а если женщина поглядит на другого — ее надо побить камнями. Если бы держала перо женщина, она написала бы наоборот. Вы меня поняли? На Ставках живет переписчик — официальное лицо, так если дать ему десять рублей, он напишет отличную бумажку с подписью и свидетелями. Но я никого не принуждаю. Я готов был одолжить ей денег на дорогу и на все остальное.

Яша нахмурился:

— Пане Герман, я не совсем идиот. Оставьте Зевтл в покое. Это товар не для вас.

— Что? Можете ее взять себе прямо сейчас. Она мне уже обошлась в пару целковых, но пусть это будет мицва.

— Не надо никакой мицвы. Сколько вы истратили? Я заплачу за все.

— Подождите! Не трогайте кошелек! Чай готов!..

5

К чаю были булочки и бабка. Рейца с Зевтл тоже пришли за стол. Герман пил чай с вареньем, заедал бабкой и затягивался толстой сигарой, лежавшей на блюдечке. Он хотел угостить сигарой и Яшу, но тот сказал, что не курит.

— В целой Варшаве такую не купите, — похвалялся Герман. — Это же гаванская. И не фальшивая, а прямо из Гаваны. Один человек привез специально для меня. В Берлине они идут по две марки штука. Я люблю, чтобы все было прима, но за это надо платить, а где платишь, там переплачиваешь. Что такое гаванская сигара? Те же листья — не золото. А что такое интересная дамочка? Тот же человек. Плоть и кровь. Испанец ревнивый. Вы улыбнулись его жене, а он сразу хватается за нож, хотя двумя улицами дальше имеет любовницу и детей от нее. Потом из любовницы получается ведьма, и он идет куда-нибудь искать утешения. Я читаю польские газеты, и меня смех разбирает. Чего только там не пишут! Девушка вышла вечером купить молока, подъехала коляска, и ее туда затащили. Потом увезли в Буэ-

нос-Айрес и, как теленка, продали на рынке. Я тут несколько недель и никакой коляски пока не видел. Как можно провезти девушку через границу? А привести на пароход? Те еще басни! Но то, что девушки едут по доброй воле, — правда. Вы идете в Буэнос-Айресе в такой квартал, и, пожалуйста вам, женщины со всего света. Хотите черную — берете черную, хотите белую — имеете белую. Захотели литвинку из Вильны или Эй-шишек, не надо даже искать, а захотели паненку из Варшавы, получаете ее не сходя с места. Я туда, правда, не захоживаю. У меня жена и дети. Но польским газетам надо, чтоб их читали, вот они и печатают всякую глупость. Всё опять, как я говорил, зависит от того, кто держит перо. Я вам что-то скажу: мужья сами посылают жен в этот квартал. И знаете почему? Потому что мужьям лень работать. Где ваши фокусы? Вот колода.

— Если ты начинаешь с картами, ты уже никуда не пойдешь, — сказала рыжая женщина.

— Завтра тоже день.

Герман стал тасовать, и Яша сразу понял, что имеет дело с шулером. Карты мелькали в пальцах Германа точно живые и словно бы сами по себе. «Ага, вот ты что за птица, — подумал Яша. — Ну ты сейчас увидишь, что есть и почище тебя». Яша дал ему показать фокусы с тремя картами, с четырьмя семерками, с одной подменной. При этом он качал головой и удивлялся: «ц-ц-ц...» Однако чуть не сказал, что умел это, когда еще под стол пешком ходил... Яша не забывал, что время к ночи, и, если навещать Эмилию, надо делать это сейчас, но продолжал сидеть. «Раз она такая недотрога, пусть подождет!» — нашептывал ему некий злорадный голос. Яша знал, что главный его враг — скука. Все свои сума-

сбродства он объяснял желанием от нее избавиться. Она его буквально изводила. Из-за нее случались все его неприятности. Но сейчас Яше было не скучно. Он взял у Германа колоду. То, что Герман сказал «покупщики подождут» и предпочел его компанию, указывало, что и Германа снедает схожий недуг, роднивший низший свет с высшим, картежников в воровской малине с игроками в Монте-Карло, альфонса из Буэнос-Айреса — с салонным Дон Жуаном, бандита — с революционером-террористом, подзаборную шлюху — с парижской Мессалиной. Тасуя карты, Яша метил их ногтем.

— Выберите одну, — сказал он Гермону.

Герман вытащил короля треф.

Яша ловко согнул колоду.

— Положите обратно и перетасуйте.

Герман положил и перетасовал.

— А сейчас я достаю короля треф.

И вытащил большим и указательным пальцами короля треф.

Яша показывал свой фокус, а Герман — свой. Казалось, Герман знает все. Желтые глаза сияли триумфом умелого специалиста, прикинувшегося любителем. Дома у него имелась целая дюжина колод.

— Что говорить — карты вы в руках держали, — заметил Яша.

— Это они держали меня. Но теперь всё! Умерло — закопано.

— Не играете больше?

— Только в шестьдесят шесть. С женой.

— И все-таки я хочу вам кое-что показать.

Яша снова взял карты.

— Прошу выбрать масть...

Теперь Яша показал фокус, который Герман не знал. Глядя на Яшу с вопросительной улыбкой, тот наморщил лоб, ухватился за нос и с минуту держал его в своей большой поросшей рыжими волосами лапе. Рейца вытаращилась, словно не веря, что кто-то может превзойти Германа. Зевтл, довольно подмигнув, показала Яше язык и послала что-то вроде воздушного поцелуя.

— Слушай, Рейца, нет ли у тебя морковки? — спросил Герман сестру.

— Почему морковки, почему не редьки? — ответила та язвительно.

Время приближалось к одиннадцати, а мужчины всё показывали и показывали фокусы. Иногда им требовались для этого блюда, шапки, коробочки, кольца, костяшки домино, часы, цветочные горшки. Женщины приносили необходимое. Герману стало жарко. Он утирал пот.

— Вдвоем мы бы могли кое-что сделать...

— Например?

— Скажем, завоевать мир...

Рейца поставила графинчик с водкой, и мужчины чокнулись, великосветским манером сказавши «Прозит!». Себе и Зевтл Рейца налила сладкого вина. Закусили сдобными булками и черным хлебом с сыром. Герман заговорил доверительно и по-свойски:

— Вижу, значит, я у посредницы дамочку, красивую и не позавчерашнюю. Ну откуда мне было знать что и как? Она говорит, что муж бросил ее и пропал. Я себе и думаю: «Пусть пропадает с миром и на здоровье. Я уж тебе как-нибудь помогу». А потом она рассказывает про вас. Что вы — фокусник. Но фокусник фокуснику рознь.

Те, кто ходит по дворам с шарманкой, тоже называют себя фокусниками. А вы, пане Яша, артист первый сорт. Фу-ты ну-ты! Но будучи на немножко старше, я должен вас предупредить, что тут вы ничего не добьетесь. С вашим талантом следует жить в Берлине, Париже или даже Нью-Йорке. Лондон — тоже неплохо. Англичанин обожает, когда его надувают, и даже платит за это. У нас в Южной Америке вы были бы богом. Зевтл говорила, что вы умеете усыплять людей или как там?.. Магнетизм? Что это такое? Я, кажется, что-то слышал.

— Гипноз.

— И вы это умеете?

— Немножко.

— Я что-то даже видел. Человек на самом деле засыпает?

— Как убитый.

— Значит, вы можете усыпить Ротшильда и взять его сбережения?

— Я фокусник, не мошенник!

— Понимаю-понимаю, но все-таки... Как вы это делаете, а?

— Подчиняю человека своей воле.

— Но как?.. Ну да, чего только в мире нету. И каждый раз выдумывают что-то новое. У меня была знакомая, так она делала все, чего я ни захочу. Если я хотел, чтоб она заболела, она заболела. А если хотел, чтоб выздоровела, она делалась здоровая. Когда мне стало надо, чтоб она умерла, она закрыла глаза.

— Это уже слишком, — помедлив, сказал Яша.

— Однако чистая правда.

— Герман, ты уже начинаешь говорить глупости! — ввязалась Рейца.

— Она мешала мне. Любовь — это прекрасно, но слишком много любви — не годится. Эта женщина обкрутилась вокруг меня, как змея, и я уже просто не мог дышать. Она была на пару лет старше и тряслась, что я ее брошу. Иду я, например, по улице, а она тащится за мной. Я чувствую, что мне прямо нечем дышать, и говорю: «Так больше не может продолжаться». — «Но чего ты хочешь? — спрашивает она. — Чтоб я умерла?» — «Не умерла, а оставила меня в покое». — «Этого, — говорит она, — я не могу, но, если желаешь, умру». Сперва я испугался, но она так мне надоела, что я понял: или моя смерть, или ее. Тут я и подумал, что...

— Не хочу больше слушать! Не хочу слушать! — Рейца заткнула уши.

На мгновение все притихли. Слышно было, как, всасывая керосин, сипит фитиль в лампе. Яша глянул на часы:

— Люди добрые, я пропал!

— Который час?

— В Пинчеве уже светает. Мне надо бежать. Зевтл, останься тут на пару дней. Я заплачу. Тебя здесь не обидят.

— Ладно, ладно, мы сочтемся, — сказала Рейца.

— Куда вы летите? Куда вы летите? — огорчился Герман. — Здесь, когда делается немножко поздно, все сразу пугаются. А чего пугаться? В Буэнос-Айресе мы не ложимся спать целую ночь. Зимой и летом. У нас, если идут в театр, представление кончается в час ночи. Но домой потом никто не торопится, идут или в кофейню, или в ресторацию и сначала едят бифштекс, а потом как следует пьют. А когда возвращаются в дом, на улице — день.

— Когда же спать ложатся? — спросила Зевтл.

— Кому надо спать? Два часа в сутки вполне хватает...

Яша уже собирался. Поблагодарил за радушный прием. Рейца взглянула на него оценивающе и вопросительно. Ему даже показалось, что она подает какой-то знак, приложив палец к губам, а потом неторопливо сказав:

— Не считайте себя гостем. Мы людей не едим.

— Когда забежите? — спросил Герман. — Нам надо потолковать. Есть о чем.

— Приду, приду.

— Не забудьте.

Рейца понесла лампу, посветить на лестнице. Зевтл пошла провожать. Она взяла его под руку. Яшу охватила прямо-таки детская радость. Он любил поговорить по-еврейски и показать фокусы в дружеском кругу. Здешняя обстановка напоминала Пески, но была куда интересней. Ясно, что этот самый Герман торгует женщинами, а Рейца его пособница. Но что-то во всем этом было необъяснимо привлекательное. За два прошедших часа Герман явно привязался к Яше. Яша почувствовал, что понравился Рейце тоже. Кто знает, какие радости эта рыжая дамочка могла доставить мужчине? Кто знает, какие безумные слова может, распалившись, шептать этот кусок мяса? Керосиновая лампа на миг осветила двор со штабелями бревен и досок. Затем дверь наверху закрылась, и стало темно. Зевтл прижалась к Яше и задрожала.

— Можно я пойду куда-нибудь с тобой? — спросила она.

— Куда? Не сегодня.

— Яшенька, я тебя люблю...

— Жди. Положись на меня во всем. Что скажу, то и делай.

— Я хочу побыть с тобой.

— И будешь. Я вытребую тебя за границу. С каждым, кто со мной был хорош, я тоже буду хорош. Но ты приготовься ко всему и не задавай вопросов. Если я велю тебе встать на голову, встань на голову. Поняла?

— Да.

— Будешь делать, как я сказал?

— Да. Всё.

— Ступай обратно наверх.

— Куда ты?

— Мне сегодня еще надо сделать глупость...

6

Улица Низкая была темна и пуста. О том, чтобы взять здесь извозчика, не могло быть и речи. Яша шагал на удивление легко. Над скособоченными крышами деревянных домов нависало небо предместья, густо усеянное звездами. Яша задрал голову. «Что там наверху думают о таких, как я?» Миновав Низкую, Яша вышел на Дикую. Он сказал Зевтл, что еще сегодня совершит глупость. Но какую? Проспав целый день, Яша чувствовал себя бодрым и свежим. Ему вдруг захотелось навестить Эмилию. Но это было бы полным безумием. Она уже спит. И парадное заперто. То, что прошлой ночью он вылез в окно, снова утвердило его в том, что двери и ворота не имеют для него значения. У нее есть балкон, и буквально в минуту Яша окажется наверху. Эмилия жаловалась на плохой сон. Значит, услышит. Кроме то-

го, он на расстоянии прикажет ей, чтоб дожидалась и отворила балконную дверь (разве что дверь и так отворена). Он знал — сегодня она не устоит... Яша шагал словно в семимильных сапогах: только что был на Дикой, и вот уже идет по Рымарской. Он глянул на банк. Огромные колонны, словно мрачные стражи, охраняли здание. Подъезд заперт, все окна темные. Где-то внутри, в подвалах и подземельях, лежат деньги. Но где? Здание было огромным, как город. Чтобы что-то оттуда взять, нужна долгая зимняя ночь. Банк почему-то напомнил Яше, что прислуга Эмилии, Ядвига, рассказывала про одного помещика, старика Казимира Заруского, продавшего много лет назад имение и деньги державшего дома в железном сейфе. Этот человек жил на Маршалковской, недалеко от Пружной, причем — один, если не считать глухой прислуги, Ядвигиной товарки. Когда Ядвига про это рассказывала, Яша даже не записал адреса. Ему и в голову не могло прийти задумать такую гнусность, особенно в отношении тех, к кому ходит Ядвига. Но сейчас Яша все почему-то вспомнил. «Я должен этой ночью кое-что совершить, — сказал он, — я чувствую в себе силы...»

С Низкой до Королевской было довольно далеко, но Яша махнул эти несколько верст минут за двадцать. Варшава спала, только ночные караульщики стерегли торговые галереи, проверяли замки или стучали палками в тротуары, словно желая удостовериться, что никто никуда не подкапывается. «Стерегут, стерегут, но разве что-нибудь устережешь? — думал Яша. — Ни женщин, ни имущества. Кто знает, возможно, Эстер меня тоже дурачит?» — растравлял он себя. Что, к примеру, будет, если, проникнув к Эмилии, он обнаружит любовника?

Такое ведь на свете вещь обычная... Яша как раз остановился под ее окном и поглядел вверх. Мысль забраться на балкон, несколько минут назад казавшаяся нормальной и осуществимой, теперь, когда он был тут, представлялась совершенным безумием. Эмилия наверняка испугается и поднимет тревогу. Проснутся Ядвига и Галина. Ему этого никогда не простят. Времена серенад прошли. На дворе прозаический девятнадцатый век... Яша мысленно призывал Эмилию проснуться и подойти к окну, но в этой области гипнотизма он был пока что не силен. Если бы даже и получилось, то не сразу и не быстро...

Спустя минуту он вышел на Маршалковскую и двинулся к Пружной. «Раз уж чему-то суждено быть, — убеждал он себя, — то отчего не сегодня? Все в мире предопределено. Как это называется?... Детерминизм? Если, по мнению философов, всякой вещи есть причина, а человек — лишь орудие, значит, все наперед предreshено...» Он дошагал до Пружной. Жилым тут оказался единственный дом — на противоположной стороне шло большое строительство. Там лежали груды кирпича, кучи песка, известь. Первый этаж дома занимала мануфактурная лавка. Над ней нависали два балкона. Разумеется, квартира Заруского выходила на фасадную сторону, но какая из двух? Яша почему-то не сомневался, что — правая. Окна левой были задернуты и гардинами, и занавесками; справа же на окнах были только ветхие шторы, вполне соответствующие жилищу старого скупого холостяка. «Что ж, сейчас или никогда, — заторопился кто-то в Яше. — Сделай это, раз ты уже здесь... Он же своих денег в могилу не возьмет... Ночь не стоит на месте», — убеждал Яшу не-

кий голос, причем чуть ли не проповедническим тоном.

Забраться на балкон труда не составило. Двери в мануфактурную лавку перекрывала железная штанга, балкон опирался на головы трех статуй, а фасад был украшен множеством лепных деталей и выступов. Яша утвердил ногу на штанге, ухватился за коленку одной из статуй и тотчас повис на балконном краю. Он бросил вверх сразу потерявшее вес тело. Мгновение спустя Яша стоял на балконе, и что-то в нем ликовало. Совершенно невозможное оказалось таким возможным... Сложнее было с балконной дверью, запертой изнутри на цепочку. Он резко ее рванул и отмычкой, с которой не расставался, скинул цепочку, произведя на какую-то долю секунды шум (короткий громкий звук всегда лучше, чем долгая возня). Какое-то время Яша вслушивался, не позовут ли в квартире на помощь и не поднимут ли крик. Затем вошел и вдохнул спертый воздух, составленный из множества затхлых запахов, какие всегда бывают там, где редко открывают окна.

«Да, это оно! Тут пахнет старостью и плесенью!» — сказал он себе. Из-за уличного фонаря было не темно. Страха Яша не чувствовал, хотя у него и сильно колотилось сердце. Минуту он простоял, поражаясь, как быстро мысль обернулась поступком. Удивительное дело, железный сейф, о котором говорила Ядвига, оказался рядом — продолговатый и черный, как гроб, поставленный на попу. Силы, управляющие человеком и его судьбой, привели Яшу прямо к богатству Заруского...

«Только бы не завалиться, — повторял себе Яша. — Раз уж я на это пошел, надо, чтобы получилось...» Он настороженно вслушался. Где-то в соседних комнатах спали Казимир Заруский и его глухая прислуга. Ниоткуда не долетало ни звука. «Как быть, если они проснутся?» — соображал Яша, ощупывая холодную железную поверхность сейфа. Он нашарил замочную скважину. Изучив указательным пальцем ее контур, Яша полез в карман за отмычкой, которой только что орудовал, но той в кармане не оказалось. Как видно, сунул куда-то еще... Яша принялся шарить по всем карманам, однако отмычки нигде не было. «Куда она подевалась? Вот невезенье...» Он искал еще и еще раз. «Может, уронил? Но ничего же не звякало!» Он понимал, что отмычка где-то поблизости, но та словно сквозь землю провалилась. Он совал руки в брючные карманы, искал в жилетном, в пиджачном, причем в каждом по нескольку раз. «Главное, не волноваться, — приказал он себе. — Вообрази, что ты на сцене...» — и стал искать спокойно, сосредоточенно. Все напрасно — отмычка исчезла. «Демоны?» — шепнул он полуиронически, полусерьезно. Ему сделалось жарко. В какую-то секунду он чуть не покрылся потом, но совладал с собой, хотя был весь разгоряченный. «Что ж, придумаем что-нибудь». Яша нагнулся и стал развязывать шнурок. У шнурка были жестяные наконечники, и однажды Яша таким наконечником замок отомкнул. «Нет, для несгораемого шкафа слабовато», — решил он и шнурок выгаскивать перестал. Наверняка на кухне имелись штопор или вилка, но искать, где они, было опасно.

«Нет! Надо найти отмычку!» Он наклонился и только сейчас обратил внимание, что на полу — ковер. Яша стал шарить по нему. Уж не морочит ли его нечистая сила? Неужто духи существуют? Внезапно ему пришла в голову новая мысль. Старик обязательно держит ключ от сейфа под подушкой... Яша понимал, что искать ключ в головах у спящего глупо и рискованно. Тот может проснуться. И откуда следует, что держит он его именно там? В квартире достаточно укромных мест. Однако сейчас Яша был уверен, что ключ под подушкой. Он словно бы видел его: плоское кольцо, а на бородке зубцы. «Снится мне это, что ли? Или я с ума схожу?» — но таинственная сила, долгие годы управлявшая им, указывала идти к старику в спальню. «Так будет проще, — словно подсказывала она, — вот дверь...»

Яша пошел на цыпочках. «Только бы ничего не скрипнуло», — чуть ли не молился он. Дверь, к счастью, была полуоткрыта. Яша очутился в спальне. Здесь оказалось темней, чем там, откуда он вошел, даже было не разобрать, где окно. Разве что только догадаться. Между тем его глаза стали привыкать. Из темноты возник сперва силуэт кровати, постель, голова на подушке — лысая голова с провалами вместо глаз, словно у черепа. Яша замер. Дышит ли старик? До Яши не долетало даже сопения. А может, он не спит? Или сегодня как раз издох? Или только прикидывается мертвым? Что, если он вскочит и кинется на Яшу? Старые люди бывают очень сильными... Тут старик наконец всхрипнул, и Яша пошел к кровати. Что-то звякнуло. Яша понял, что это отмычка. Наверно, зацепилась за пуговицу и теперь упала на пол. Не разбудил ли звук спящего? Не позовет ли тот на помощь?

Яша с минуту оставался в напряжении, готовый бежать от первого же шороха. «Я не смогу его убить! Я не убийца...» Но старик опять затих. Яша, присев, стал искать отмычку, но та снова куда-то подевалась. Железка играла с ним в прятки. «Та еще ночка! Силы зла ополчились против меня...» Внутренний голос нашептывал, что самое правильное скорей (поскольку счастье на этот раз явно изменило) бежать отсюда. Однако, несмотря на это, Яша продолжал красться к кровати. «Пока что добудем ключ», — сказал он себе с упрямой твердостью.

Яша коснулся подушки и невольно дотронулся до лица спящего. Словно обжегшись, он отдернул руку. Старик издал что-то вроде звука «э», как если бы все время спящим только притворялся. Яша замер. «Пусть попробует вскочить!» Он был готов бороться, вцепиться в горло, душить... Однако старик спал, пуская ноздрями тонкий свистящий звук, какой, если и захочешь, не изобразить. Было похоже, что спящему снился сон. Сейчас Яша видел получше. Он полез под подушку, но ключа там, похоже, не было. Яша снова стал совать ладонь между матрасом и подушкой, приподняв ее вместе с головой старика, но ключа не обнаружил. На этот раз интуиция его подвела. Оставалось одно. «Беги! — советовал ему кто-то. — Дело плохо!» Он опять принялся нашаривать отмычку, хотя знал, что играет с огнем. «Сейчас случится недоброе. Обедал тухлой едой, запиваю гнилой водой», — вспомнилась Яше еврейская пословица. Она пришла на ум, как приходили по ночам строки Писания и давние поговорки из хедера. Он весь покрылся потом, словно в жаркой и влажной парной, однако отмычку искать продолжал. «А не уду-

шить ли старого пса?» — вопрошал, словно бы изнутри и словно бы со стороны, некто, решающего мнения не имевший, но зато имевший обыкновение давать недобрые советы и подстраивать дурацкие штучки именно тогда, когда человек попадал в переплет и должен взять себя в руки, чтоб не растеряться.

«Дело дрянь. Надо уходить!» — то ли думал, то ли бормотал Яша. Он выпрямился и стал пятиться в полуоткрытую дверь. Боже! По сравнению со спальней в гостиной было совсем светло. Он отчетливо видел каждую вещь. Даже картины на стенах (рамы, не полотна). Перед ним возник комод, и он на нем кое-что заметил. Ножницы! Что-то в Яше возликовало: это тебе и нужно!.. Он подошел с ними к сейфу. Замочная скважина из-за света газовых фонарей сейчас четко виднелась. Яша стал в ней копать ножничным концом. Он снова был спокоен и словно бы вслушивался в устройство замка. Не английский... Но что тут за механика?.. Конец ножниц оказался широковат и проникнуть куда надо Яша не мог. Ясно было, что замок несложный, но в нем имелась какая-то хитрость, которую Яша не мог раскусить. Как детская загадка или шарада, над которой, если не разгадаешь сразу, будешь ломать голову часами. Необходимо было каким-то образом добратъся до замочного нутра.

Внезапно пришло решение. Он достал из кармана записную книжку, вырвал несколько листков и скатал их в твердый столбик. Таким стерженьком замок хоть и не откроешь, но исследовать его можно. Столбик вошел глубоко, но, не обладая ни твердостью, ни упругостью металла, делу не помог. «Что ж, придется заглянуть сюда еще раз. Не торчать же до рассвета!..» Он по-

косился на балконную дверь. Провал! Фиаско! Впервые в жизни. Ничего себе ночка! Черная ночь! На Яшу напал страх. Он знал, что этим все не кончится. Внутренний враг, которого Яша всякий раз одолевал силой, смекалкой, заклятьями и заклинаниями, каким каждый обучается в жизни сам, брал сейчас верх. Яша чувствовал его: дибук, сатана, пакостник, который сталкивает с каната, мешая жонглировать, делает беспомощным с женщинами. Яша дрожащей рукой потянул балконную дверь. От предутренней прохлады разгоряченное тело охватил озноб, словно бы вдруг наступила зима.

8

Он уже решил было спуститься, как внизу послышались голоса. Разговаривали по-русски. Это, наверно, проходил караул. Яша отпрянул. «Может, они видели, как я влезал? Неужели поджидают?..» Он стоял и прислушивался. «Если заметили, я пропал...» Нет, заметить его не могли. Он же, прежде чем влезать, огляделся. Караульные тут оказались случайно. Яша все еще не мог себе простить, что так оскандалился. «Может, еще поискать отмычку?» — подумал он и, словно продувшийся и потому делающий дикие ставки игрок, двинулся к спальне, где ему открылась жуткая картина. Старик лежал с лицом, залитым кровью. Кровь была на подушке, на пододеяльнике, на стариковой ночной рубашке, на одном из усов. «Всемогущий Боже, что произошло? Его кто-то убил, что ли?» Неужто злосчастье привело Яшу воровать туда, где уже было совершено убийство? «Но я же слышал, как он дышит! Или где-то здесь убийца?..»

Яша оторопел. Внезапно что-то в нем захихикало. Это была не кровь, а рассветное солнце. Окно, как видно, выходило на восток. Яша стоял, ошеломленный собственной ошибкой.

Он тем не менее снова принялся искать отмычку, однако у пола все утопало во тьме. Яша шарил и шарил. Вдруг он почувствовал усталость, ломоту в коленях, боль в затылке. Хотя Яша был сама настороженность, мозг стал заволакиваться сонливостью, нитями сновидений, которые не получалось ухватить, ибо, стоило их коснуться, они обрывались. «Ну, теперь я уж точно ничего не найду. Старик в любой момент может проснуться». Яше снова показалось, что Заруский только прикидывается спящим, готовый в любую минуту поднять тревогу. Яша хотел было встать с колен и отмычку вдруг нащупал. По крайней мере не останется следов... Он тихонько повернулся к комнате с балконом, куда уже проник рассвет. Стены выглядели бумажно-серыми. В воздухе повисли пепельные пятна. На ватных ногах Яша подошел к сейфу, сунул отмычку в замочную скважину и принялся ею шевелить, однако в нем уже не оставалось ни воли, ни желания, ни амбиции. Мозг словно бы погрузился в сон. Яша попросту не понимал, как допотопный этот замок отпирается, хотя наверняка имел дело с немудрящим устройством, изготовленным простым слесарем. «Будь у меня с собой воск, можно бы сделать слепок...» Он стоял словно человек, которого вдруг покинула страсть и который не может взять в толк, что же его больше удивляет — недавнее желание или наступившее безразличие. Яша с минуту еще повозился, пока не услышал какое-то сопение. Он не сразу понял, что оно исходит из его собст-

венного носа. Отмычка за что-то зацепилась, и он не мог ею шевельнуть ни туда ни сюда. Яша уже решил было ее оставить, но, дернув, вытащил.

Он вышел на балкон. Патруль исчез. Улица была пуста. Хотя фонари еще горели, тьма над крышами уже не была темнотой ночи, а скорее серостью пасмурного дня или сумерек. Воздух ощущался прохладным и влажным. Чирикали птицы. «Самое время», — сказал себе Яша с непонятной решимостью и ощущением, что слова эти имеют двойной смысл. Он начал спускаться, но привычной сноровки в ногах не было. Он хотел упереться ими в плечо одной из статуй, но не получилось дотянуться. На какой-то миг Яша повис на балконном краю, чувствуя, что готов даже задремать в таком положении. Наконец он зацепился ногой за какой-то выступ. «Только не прыгай», — остерег он себя, но тут же прыгнул и сразу понял, что слишком жестко опустил на левую ногу. «Этого только не хватало за неделю до премьеры!..» Он мгновение постоял, словно проверяя ногу и боль, которая тихонько, но сразу дала себя знать, и тут же услышал крики. Голос был старческий, хриплый, встревоженный. Неужто старик проснулся? Яша глянул вверх — крики доносились не оттуда.

Он увидел ночного сторожа, бежавшего к нему, размахивавшего здоровенной палкой и свистевшего в свисток. Сторож, вероятно, видел, как Яша прыгал с балкона. Яша, сразу забыв про ушибленную ногу, легко и быстро побежал. Полиция могла появиться в любой момент. Он не отдавал себе отчета, в каком бежит направлении. Судя по стремительности бега, с ногами было все в порядке, хотя Яша и чувствовал, как в левой

что-то тянет и колет, но не в суставе, а пониже, возле пальцев. Наверно, он сломал косточку или порвал связку. «Где это я?» — он вбежал в Пружную и сейчас находился на Гжибовской площади. Криков и свистков уже слышно не было, однако следовало куда-нибудь спрятаться — полиция могла появиться с другой стороны. Он побежал в сторону Гнойной. Мостовая тут была в грязи и конском навозе, а вокруг было темно, как если бы рассвет сюда еще не достиг. Фонари скорее светились, чем что-то освещали. Яша налетел на дышло распряженной телеги. В этих местах находилось множество заезжих дворов, базаров, пекарен. Отовсюду несло дымом, растительным маслом, прогорклыми и застойными запахами. Его чуть не переехала груженная мясом телега. Лошади прошли так близко, что он ощутил смрад их пастей. Какой-то дворник злобно и самозабвенно замахнулся на него метлой. Возницы орали. Яша перешел на тротуар и увидел синагогальное подворье. Старый еврей входил в распахнутые ворота, зажав под мышкой мешочек с талесом. Яша скользнул вслед. «Здесь искать не будут...»

Он прошел мимо самой синагоги, наверно еще запертой (в высоких окнах было не видать света), и подошел к бейсамидрешу. На дворе стояли ящики с ветхими страницами святых книг. Несло мочой. Яша отворил дверь в помещение, походившее на нечто среднее между синагогой и богадельней. При свете единственной поминальной свечи, трепетавшей у амвона, можно было разглядеть спавших на лавках людей: кто был бос, кто обут в опорки, кто укрыт лохмотьями, а кто вообще полуодет. Пахло немытыми телами, пылью, воском. «Здесь наверняка искать не будут», — снова подумал

Яша. Он сел на пустую лавку и, поудобнее пристроив ушибленную ногу, погрузился словно бы в полузабытье. Навозные ошметки налипли на его башмаки и брюки. Он хотел было их оттереть, но постеснялся бесчестить святое место. Яша слышал храп нищих и, все еще не веря в случившееся, поглядывал на дверь, не идут ли за ним. Снаружи ему мерещились шаги и даже стук лошадиных копыт, словно сюда собирались въехать верховые, хотя он понимал, что это всего лишь разыгравшееся воображение.

Вдруг он услышал шарканье и хриплый голос:

— Вставайте! Вставайте! Довольно уже храпеть!..

Это пришел служка. Фигуры стали отлепляться от лавок, садиться, потягиваться, зевать. Служка чиркнул спичкой, на мгновение осветив собственную рыжую бороду, затем подошел к столу и зажег керосиновую лампу.

И тут до Яши дошло, какой замок был в сейфе Заруского и как его надо было открывать...

9

Голь и рвань поодиночке куда-то исчезала. Потихоньку собирались прихожане. В свете раннего утра огонь керосиновой лампы сделался тусклым. Было не светло и не темно, а что-то вроде рассветной сутемени. Кто-то уже молился на передних скамьях, а кто-то еще склонялся взад-вперед. Неотчетливые силуэты перемещались туда-сюда, гудя каким-то потусторонним гуденьем, и напомнили Яше о покойниках, которые по ночам молятся в синагогах. «Кто эти люди? Почему так рано

встают? — думал Яша. — Когда ложатся спать?» Он сидел точно человек, которого только что стукнули по голове и который понимает, что от этого смешались мысли. Яша не спал, но что-то внутри него спало глубоким ночным сном. Он отдыхал, вслушиваясь в происходившее в левой ноге. Там что-то дергало, что-то кололо, тянуло, и начиналось все возле большого пальца, отдаваясь в косточку и выше — в колено. Яша подумал о Магде. Что он скажет ей, когда вернется? За годы их сожителства он доставил ей кучу неприятностей, но на этот раз обида будет куда больше. Еще он понимал, что, если нога повреждена, выступать не придется, однако сейчас не хотел об этом думать, а глядел куда-то вверх, в сторону Ковчега Завета, угадывая на карнизе скрижали с десятью заповедями. Яша вспомнил, как вчера вечером (а может, это было еще сегодня?) сказал Герману, что он, Яша, не вор, а фокусник. И тут же отправился воровать... Он пребывал в оцепенении человека, переставшего понимать собственные мысли. Прихожане возлагали талесы, наворачивали ремешки тфилн и накрывали головы, а Яша с удивлением глядел на них, словно был иноверцем, прежде не выдавшим ничего подобного. Первые десять человек уже начали молиться. Подхваченные поясами молодые люди с пейсами и в ермолках уселись за столы изучать Гемару. Они кивали головами, жестикулировали, гримасничали. На какое-то время среди молящихся установилась тишина. Все безмолвно читали Восемнадцать Славословий. Вскоре кантор затянул Славословия вслух. Каждое слово казалось Яше странно знакомым и странно чужим. «Благословен ты, Господь, Бог наш и Бог отцов наших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова... Творит

Он благое, владеет всем... Он питает жизнь благостью, в великой милости воскрешает мертвых, поддерживает падающих, исцеляет больных, вызволяет узников и сохраняет верность Свою почившим во прахе...»

Яша переводил древнееврейские слова и спрашивал себя: «Разве так оно на самом деле? Разве Бог в самом деле добр?» Яша был слишком слаб, чтобы найти ответ. В какой-то момент он перестал слышать кантора и как бы задремал, хотя глаза его оставались открыты. Потом он словно проснулся и услышал возвещаемое кантором: «Возвратись с милостию в Иерусалим, город Твой, и пребывай в нем, как Ты говорил...» «Они твердят это уже две тысячи лет, — подумал Яша, — а Иерусалим все еще — пустыня. Они будут, наверно, повторять то же самое еще две тысячи или десять тысяч лет...»

К Яше подошел рыжебородый служка:

— Если желаете помолиться, я принесу вам талес и тфилн. Это стоит всего копейку.

Яша хотел было отказаться, однако сунул руку в карман и достал монету. Служка стал отсчитывать сдачу, но Яша сказал:

— Не надо.

— Благодарствую...

Ему захотелось, пока можно, сбежать. Он не наворачивал тфилн Бог знает с каких пор. Никогда не покрывался талесом. Но, едва он сделал движение подняться, служка протянул ему и талес и тфилн. Принес он еще и молитвенник.

— Желаете сказать Кадиш?

— Кадиш? Нет.

У Яши не было сил подняться. Они его словно оставили. Ко всему еще он боялся. Вдруг снаружи полиция?

Мешочек с молитвенными принадлежностями лежал рядом на лавке. Яша в раздумье извлек талес. Ощутил завернутые в него тфилн. Ему показалось, что все на него глядят и ждут, что он станет делать. В навалившемся полусне Яше представилось, что все будет зависеть от того, как он этими принадлежностями воспользуется. Если не как положено, все поймут, что он прячется от полиции... Он взял талес. Поискал место, где надлежит быть атаре или особой полосе, метившей часть, которой покрывают голову, однако не нашел ни атары, ни полосы. Он запутался в кистях. Одна, словно нарочно, хлестнула его по глазу. Яшу охватили детское смятение и страх. Над ним уже наверняка смеялись. Все собравшиеся хихикали в кулак.. Он как мог пристроил талес, но тот съехал с плеч. Яша достал тфилн, однако не сумел определить, какой из кубиков для головы, какой для руки. И какой привязывают первым? Он искал указаний в молитвеннике, но перед глазами замелькали огненные точки. «Только бы не упасть в обморок!» — заклинал он себя. Во рту собралась безвкусная влага. Он стал умолять: «Отец Небесный, сжался надо мной!.. Все что хочешь, только не это!..», превозмог дурноту, вытащил носовой платок и сплюнул в него. Искры по-прежнему плясали в глазах, взлетая и опускаясь точно на качелях. Они были белые, зеленые и голубые. В ушах гудело, словно звонили в колокола. Подошел какой-то старик и сказал:

— Давайте я помогу вам... Стяните рукав... С левой руки, не с правой...

«Какая рука левая?» — озадачился Яша. Он принялся стаскивать нужный рукав, и талес съехал снова. Вокруг собралась группка людей. «Видела бы это Эмилия!» —

пронеслось в Яшиной голове. Он был сейчас не фокусником Яшей, а беспомощным мальчиком, которому, потешаясь, помогают старшие. «Вот и нашла меня кара Божья!» — в ужасе сказал себе Яша.

Его охватило чувство раскаяния и смирения. Только сейчас до него дошло, на что он пошел нынешней ночью и каким образом небеса до такого не допустили. Это было объяснение всему: не допустили свыше! В небесных сферах не захотели, чтобы он стал вором!.. Ему словно бы вдруг было откровение. Теперь он давал делать с собой все, как человек, что-то повредивший и позволивший себя перевязать. Старик обкручивал ремешком Яшину руку. При этом он говорил благословение, а Яша послушно вторил, как ученик в хедере. Затем старый человек велел Яше наклонить голову и возложил головной тфилн. После чего обвязал ремешком Яшины пальцы так, чтобы получилось «шаддай».

— Вы, мне кажется, давно не молились, — заметил какой-то молодой человек.

— Очень давно.

— Что ж, никогда не поздно...

И кучка евреев, взиравшая на него только что с выскомерием старших, теперь глядела с любопытством, благожелательностью и приязнью. Яша явственно ощущал эту исходившую от них приязнь. «Они евреи, мои братья, — говорил он себе. — Они знают, что я грешен, а все-таки прощают...» Его снова охватил стыд, но не от беспомощности, а потому, что он изменил этому чувству братства, пренебрег им, готов был его отвергнуть. «Как же это? Я ведь происхожу от благочестивых людей. Мой прадед погиб за веру...» Он вспомнил, что отец перед смертью позвал его к своей постели и сказал:

— Обещай, что останешься евреем...

И взял Яшину руку и держал ее до смертной минуты...

«Как я мог это забыть?.. Как мог?..»

Собравшиеся вокруг разошлись. Яша в талесе и тфилин, держа в руке молитвенник, остался один. В левой ноге дергало и рвало, но Яша молился, открываясь смыслу древних слов: «Благословен Тот, по слову которого возник мир; благословен Он; благословен Тот, кто обещает и выполняет, благословен Тот, кто выносит приговор и приводит его в исполнение... благословен Тот, кто милостив к земле... благословен Тот, кто щедро вознаграждает боящихся Его». Странно, но сейчас он в эти слова верил: Бог создал мир. Он благорасположен к своим созданиям. Щедро воздаст тем, кто его убоятся.

Говоря молитву, Яша раздумывал надо всем, что стряслось с ним самим. Он годами обходил стороной синагогу. И вдруг за считанные дни дважды оказался в доме молитвы; первый раз в дороге после грозы и ливня, второй — вот сейчас. Годами он шутя открывал сложнейшие замки, теперь же как последний болван спасовал перед дурацким замком, с каким самый захудалый взломщик управился бы в минуту. Сотни раз он прыгал с большой высоты, никогда ничего себе не ломая и не вывихивая, а сейчас повредил ногу, прыгнув с высоты пустяковой. Вероятно, в небесах не пожелали, чтобы он стал вором, бросил Эстер, переменил веру. Быть может, это вмешались покойные родители? Быть может, ему помогли их святые души? Яша снова поднял глаза к карнизу Ковчега. Он преступил или намеревался преступить почти все заповеди! Еще бы немного — и он удушил старика Заруского! Он пожелал в сердце

своим даже Галину, плел вокруг нее сеть... Он пал так низко, что ниже просто некуда. Как можно было до этого дойти? От природы мягкосердечный, он зимой рассыпал крошки птицам, редко когда проходил мимо нищего, не подав милостыню. Всею душой ненавидел прохвостов, шарлатанов, мошенников. Всегда гордился своей честностью и порядочностью...

Так он стоял с подогнувшимися коленками, потрясенный безмерностью своего падения и — более того — своей слепотой. Он годами думал и думал, но не додумался до сути. Он, который выводил на чистую воду других, не видел, — закрывал на это глаза! — как сам утонул в трясине. Он оказался на волосок от бездны... И вот силы, снисходительные к человеку, повели дело так, чтобы с молитвенником в руке он стоял сейчас в талесе и тфилн среди набожных евреев.

Яша сказал «Слушай, Израиль» и прикрыл рукой глаза. Вникая в каждое слово, произнес Восемнадцать Славословий. К нему вернулись забытое детское благочестие, вера, которой не нужны доказательства, страх перед Господом, стыд за собственные грехи. Что нашел он в мирских книгах? Что мир возник сам по себе. Что Солнце, Луна, Земля, животные и человек образовались из какой-то туманности. Но откуда взялась туманность? И как получился из туманности человек с легкими, сердцем, желудком, мозгом? Ученые высмеивали верующих, все приписывающих Богу, но сами приписывали всякую премудрость и могущество слепой природе, каковая сама не осознает собственного бытия... Яша чувствовал, как тфилн источают свет его голове, отворяют закрытые тайники, озаряют мрак, разувливают узлы и распутывают путаницу. Все молитвы утверж-

дали одно: Господь есть сущий, который видит, слышит, милосерд к смертному, умеряет свой гнев, прощает грехи, хочет, чтобы человек покаялся, наказывает злые деяния, а добрые награждает на этом свете и — что гораздо важнее — на том... Да, иные миры существовали — Яша всегда это чувствовал. Почти видел их собственными глазами...

— Я должен стать евреем! — сказал он себе. — Таким, как эти!..

Когда Яша наконец вышел, Гнойная была полна солнца, фур, лошадей, подгородных купцов, посредников, торговцев и торговок вразнос разным товаром. Одни кричали: «Копченая селедка!» — другие: «Горячие бублики!», «Вареные яйца!», «Горошек с бобами!», «Пирожки с картошкой!» В подворотни въезжали возы с дровами и мукой, телеги с ящиками, бочками, накрытой рогожами поклажей, плахтами, мешками. В лавках торговали растительным маслом, уксусом, зеленым мылом, колесной мазью. Яша стоял у ворот и глядел. Евреи, только что истово молившиеся и возглашавшие: «Да будет вовеки благословенно великое Имя Его, аминь», сейчас разошлись по своим лавкам, фабричкам, мастерским. Одни были хозяевами, другие — слугами, одни — мастерами, другие — подмастерьями. Яше почему-то показалось, что улица и синагога взаимно исключают друг друга. Если в одной обретается истина, в другой должна присутствовать ложь... Он знал, что это нашептывает искушитель, но благодать, снизошедшая на него, когда в талесе и тфили он стоял в доме молитвы, по-

немногу улетучивалась. Яша решил сегодня поститься, как в Йом Кипур (или вместо Йом Кипура), но тут же почувствовал такой голод, что не съесть хоть что-нибудь было нельзя. Нога болела. В голове стучало. Снова вернулись его всегдашние претензии к еврейской жизни и традиции. «С чего ты так расклеился? — вопрошал его некто. — Откуда известно, что существует Бог, внемлющий твоим молитвам? На свете было и есть множество вероучений, и каждое всегда противоречило каждому. Да, ты не смог отомкнуть сейф Заруского и вдобавок повредил ногу, но что из этого следует? Только одно — что ты взвинчен, переутомлен, легкомыслен...» Когда Яша молился, он мнѳгое для себя решил и дал суровые зароки, однако в те несколько минут, пока он тут стоял, они сильно поумерились. Ну разве мог он стать таким, каким был его отец? Разве мог жить без сцены, возлюбленной, газет, книг, щегольской одежды и сделаться лавочником или ремесленником?.. Обеты, данные им в синагоге, представлялись ему сейчас чрезмерными, как сбивчивые слова, которые шепчут женщине в минуту страсти и которые уходят вместе с семенем... Он поднял глаза к бледному небу и подумал: «Если хочешь, Господи, чтоб я Тебе служил, объявись, сотвори чудо, дай слышать Твой голос, яви знак...»

К Яше приближался перекошенный человечек со свернутой на сторону головой, которая, казалось, вот-вот оторвется от шеи; с искривленной рукой, то ли выворачивавшейся из сустава, то ли протягивавшейся за подаянием. Казалось, все члены этого калеки имели целью только одно — быть как можно кривей, как можно отдельней один от другого. Даже борода была свернута на сторону и словно пыталась удрать с лица. Каж-

дый палец изгибался в свою сторону, как бы намереваясь зацепить из воздуха некий невидимый плод на незримом дереве, зацепить себя не дававшийся. Одну ногу калека выбрасывал в бок, другую за ней подволакивал, извиваясь при этом и вертясь в каком-то нелепом танце. Кривой язык, просунувшись сквозь кривые зубы, торчал из кривого рта, причем изо рта этого криво стекала слюна. Яша достал серебряную монетку и попытался вложить ее в руку нищему, но странные телодвижения больного человека мешали этому. «Еще один штукатур!» — то ли подумал, то ли пробормотал Яша. Он ощутил страх, отвращение и желание сбежать. Ему хотелось поскорей отдать монету, но человечек, похоже, затеял с ним игру: он отступал, подступал, прикасался, словно собираясь передать свое злосчастье. Огненные точки, как если бы они никуда не девались и только ждали повода возникнуть, снова запрыгали у Яши в глазах. Он бросил монетку к ногам нищего и хотел улизнуть, однако собственная его нога затряслась и задергалась, словно бы передразнивая калеку..

Яша заметил какую-то харчевню и вошел. Пол был посыпан опилками. Несмотря на ранний час, посетители уже ели бульон с лапшой, вареники, кішку¹, коржики, морковный цимес. От запахов у Яши засосало под ложечкой. «Не стоило бы такое есть с утра», — остерег он себя и оглянулся, готовый уйти, но дорогу ему преградила толстая еврейка.

— Не бегите, молодой человек, вас не укусят... Мясо у нас свежее, только что с убоа...

¹ Кішка — род недорогой колбасы набитой кашей, ливером, рубленным мясом и т.п.

«Что может быть общего между Богом и убогим?» — подумал Яша. Женщина подвинула ему табурет, и он сел. Отдельных столов не было — был один длинный, за которым сидели еще и другие посетители. Женщина спросила:

— Булку и рюмку водки? Или рубленую печенку с белым хлебом? Бульон с лапшой? Бульон с гречкой?

— Все равно.

— Понятно! Не бойтесь, неположным мы вас не накормим.

Она поставила бутылку сивухи, стаканчик и корзинку со сдобными булками. Яша взял бутылку, но рука у него дрогнула, и он пролил водку на скатерть. Соседи по столу, евреи из провинции в залатанных лапсердаках и расстегнутых выцветших рубашках, негодуя и насмешливо загалдели. Один был с черной росшей до глаз бородой, у другого борода была огненная и узкая, как петушиный хвост. Поодаль сидел человек в ермолке и талес-котне. Он очень был похож на меламеда, у которого Яша когда-то начинал изучать Писание. «Неужели это и правда он? — удивился Яша. — Нет, наверняка тот давно умер... Может быть, его сын...» Насколько Яше было хорошо в синагоге среди старозаветных евреев, настолько теперь было неуютно среди этих. «Говорится ли над водкой благословение?» — подумал Яша и на всякий случай пошевелил губами. Он отпил из стаканчика и ощутил терпкость и горечь. В глазах потемнело. В горле запершило. Он коснулся булки, но пальцы не слушались, и ему никак не удавалось отломить ни кусочка. «Что со мной? Заболеваю я, что ли?» Он словно стеснялся присутствующих и испытывал к ним неприязнь. Когда хозяйка принесла печенку и бе-

лый хлеб, Яша вспомнил, что полагается совершить омовение рук и сказать благословение, однако не понимал, где можно это сделать, и не увидел необходимой для этого утвари. Он было откусил хлеб, и тогда еврей в талес-котне спросил:

— А что будет с омовением?

— Он уже умытый, — подал голос человек с черной бородой.

Яша молчал, чувствуя, как его недавний душевный порыв обращается гневом, гордыней и стремлением обособиться. Он перестал глядеть на соседей, и те сразу заговорили о своем. Они всё смешивали в одно: торговлю, хасидизм, чудеса, совершаемые святыми людьми. «Столько чудес, и при этом столько болезней, горя, эпидемий!» — съязвил кто-то внутри Яши. Отгоняя мух, Яша хлебал бульон с гречкой. В ноге дергало. Он ел и чувствовал, как наполняется желудок. «Что же делать? — спрашивал он себя. — Идти к доктору? Но чем поможет доктор? У них одно средство — гипс. Йодом я могу намазаться и сам. А если не поможет? С такой ногой сальто на проволоке не крутят...» Чем больше Яша думал о своем положении, тем безысходнее оно ему представлялось. Денег у него нет, нога повреждена, возможностей заработать никаких. Что он скажет Эмилиии? Наверно, она с ума сходит из-за того, что он вчера не появился. И что сказать Магде? Как объяснить, где он провел ночь? Чего вообще стоит человек, если все зависит от ноги, даже любовь?.. Самый бы раз покончить с собой...

Он расплатился и вышел на улицу. И снова увидел калеку. Тот по-прежнему изламывался и дергался, словно пытаясь пробить головой незримую стену. «Он что — не устает? — подумал Яша. — Но это же ад? Как может Все-

вышний в своем милосердии допустить, чтобы человек так мучился?» Яшу снова потянуло к Эмилии. Он ужасно по ней скучал. Ему хотелось с ней поговорить. Но идти в таком виде: грязным, небритым, с брючными манжетами в навозе — Яша не мог. Он крикнул извозчика и сказал ехать домой на Фрета. Прислонясь виском к поднятому верху, Яша пытался на ходу задремать. «Представим, что я умер и это мои похороны», — говорил он себе. Сквозь сомкнутые веки то проникал сияющий и розовый свет солнца, то ощущалась прохладная тень. Он слышал уличный шум и вдыхал дворовые запахи, держась при этом обеими руками за сиденье, чтобы не сползти. «Надо покаяться. Это не жизнь! — говорил он себе. — У меня же не бывает спокойной минуты... Пора бросить фокусы и женщин. Один Бог, одна жена, как у других... Иначе я долго не протяну...»

Время от времени Яша приоткрывал веки, чтобы видеть где находится. Извозчик проезжал Банковую площадь. Возле банка, где вчера было тихо и темно, сейчас толпились военные и штатские. Въехала бронированная повозка с деньгами. Снаружи на ней сидела вооруженная охрана. Когда Яша снова приотворил веки, он увидел новую синагогу на Тломацком, где молились «немцы», а раввины произносили проповеди по-польски. «Они тоже верующие, — думал Яша, — но человека бедного сюда молиться не пустят...» Открыв глаза в очередной раз, он увидел старый польский арсенал, превращенный русскими в тюрьму. Там сидели такие, как он.

На Фрета он вылез и стал подниматься в квартиру. Только сейчас Яша понял, как сильно ушибся. Он ста-

вил сперва на ступеньку ногу здоровую, а больную подтаскивал. Всякий раз, когда он ее от ступеньки отрывал, начинало колоть и дергать возле пятки. Яша постучался, но Магда не отворила. Он постучал сильнее. Неужели так обозлилась? А может быть, наложила на себя руки? Он ударил кулаком и подождал. Ключа с собой у Яши не было. Он приложил ухо к двери и услышал скрипящий голос попугая. Яша вспомнил про отмычку. Она наверняка все еще в кармане. Однако сейчас он испытывал отвращение к этой железке, доставившей ему нынче ночью столько неприятностей... Тем не менее он ее достал и сразу дверь отпер. В квартире никого не оказалось. Кровати в спальне были застелены, но было не понять, остались ли они так со вчера или Магда застелила их сегодня утром. Сперва Яша заглянул в каморку к попугаю, вороне и обезьянке. Вся троица казалась встревоженной и взбудораженной, при этом каждый пытался ему словно бы что-то сказать. Голодны или не напоены они не были — в клетках было достаточно корма и воды. В открытое окошко шел свежий воздух. «Яша! Яша! Яша!» — заскрежетал попугай, после чего приоткрыл кривой клюв и с какой-то птичьей обидой искоса уставился на Яшу, причем Яше показалось, что попугай собирается сказать: «Ты вредишь себе, а не мне... Я-то всегда заработаю свои пару зерен...» Обезьянка прыгала взад-вперед. На маленькой с морщинками вокруг карих глаз плосконосой ее рожице застыли опечаленность и встревоженность старичка, которого неким заклятьем превратили в карлика, в зверушку, но который, несмотря на это, не утратил своей былой значительности. Она, казалось, вопрошала: «Ты что, все еще не понял про суету сует?»

Ворона хотела что-то изречь, но у нее выходило какое-то очеловеченное карканье и словно бы передразнивание. Яше показалось, что она насмехается, укоряет и поучает... «Ну, и что с вами станет? — сказал Яша. — Зачем я вас впутал в такие неприятности?» Он вспомнил про лошадей. Те стояли в конюшне. За ними ходил дворник Антоний. Яша вдруг заскучал по Вороной и Сивой — Персти и Пыли. Они тоже узнали от него кривду — в такой денек им бы пастись на зеленой травке, а не задыхаться в стойле...

Яша вернулся в спальню и в чем был улегся на постель. Он собирался сперва разуться и приложить холодный компресс, но почувствовал себя слишком усталым, чтобы что-то делать. Закрыв глаза, он лежал в оцепенении.

2

Как тяжело он спал, Яша понял, когда проснулся. Он открыл глаза, но не мог сообразить, кто он, где находится и что вообще произошло. В наружную дверь стучались, и, хотя Яша прекрасно стук слышал, ему не приходило в голову пойти открыть. Нога сильно болела, однако это он тоже не сознавал. Все в нем словно бы одеревенело, но он тем не менее знал, что сейчас все припомнит, и, удивляясь собственной неподвижности, словно бы отдышал. В дверь застучали снова, и до него вдруг дошло, что надо идти отпирать. Он сразу все вспомнил. Но кто это? Магда? У Магды есть ключ... Какое-то время он еще лежал. Наконец, собравшись с силами, встал и пошел к двери. Шагнуть левой ногой не получалось.

Она, как видно, распухла, поскольку ботинок стал тесен, а ступня горела. За дверью стоял Вольский в светлом костюме, белых штиблетах и соломенной шляпе. Он был какой-то желтый, встревоженный и невыспавшийся. Черные семитские глаза взирали на Яшу с дружелюбной насмешкой, как будто Вольский знал, чем тот занимался ночью и что ему приключилось. Яша сразу вспылил:

— В чем дело? Чему вы улыбаетесь?

— Я не улыбаюсь. У меня депеша из Екатеринослава.

И достал телеграфный листок. Яша почему-то обратил внимание, что пальцы и ногти Вольского желты от табака. Он взял телеграмму. Екатеринославский театр предлагал двенадцать выступлений на неплохих условиях. Директор просил незамедлительно ответить. Яша с Вольским перешли в комнату, причем Яша из-за всех сил старался не подволакивать ногу.

— Где Магда?

— Ушла за покупками.

— С чего это вы вдруг одеты?

— Разве обязательно ходить голым?

— Но с утра вы не бываете в костюме и при галстуке. А кто порвал ваши брюки?

Яша вздрогнул.

— Где?

— Вот. К тому же вы перемазались. Подрались с кем-нибудь, что ли?

Яша только сейчас заметил, что брюки на левой ноге у колена порваны и перепачканы известью. Он мгновение молчал.

— На меня напали хулиганы.

— Когда? Где?

— Вчера ночью. На Гусиной.

— А что вы там в это время делали?

— Навещал знакомых.

— Откуда вдруг хулиганы? Каким образом они порвали ваши брюки?

— Хотели ограбить.

— В котором часу?

— В час ночи.

— Вы обещали рано ложиться, а сами шатаетесь допоздна и деретесь со всяким сбродом. Сделайте одолжение, покажите, как вы ходите.

Яша обозлился:

— Вы мне не отец и не воспитатель.

— Верно. Но у вас есть имя и репутация. Я вложил в вас не меньше, чем отец. Когда вы открыли дверь, я сразу заметил, что вы хромаете. Подверните-ка штанину или лучше даже снимите брюки. Вы ничего не добьетесь, пытаясь меня обмануть.

— Я вообще больше не хочу ничего добиваться.

— Вероятно, вы были пьяны.

— И заодно убил несколько человек, — съязвил Яша.

— Ха?.. За неделю до премьеры. Наконец-то к вам пришла большая слава. Если выступить в Екатеринославе, вся Россия распахнется перед нами. А вы шляетесь по ночам Бог знает где. Пожалуйста, подверните брючину. Повыше! Кальсоны тоже.

Яша повиновался. Под коленом лиловел кровоподтек и была основательно содрана кожа, а кальсоны перепачканы кровью. Вольский глядел с нарастающим неодобрением.

— Что они с вами делали?

— Пинали.

— Штанина вся в извести. А тут? Пониже? Навоз?

Яша молчал.

— Почему вы не приложили холодную воду или еще чего-нибудь?

Яша не ответил.

— Где Магда? Она в это время никогда не уходила.

— Господин Вольский, вы не следователь, и я не в полиции. Не устраивайте мне допросов!

— Я не ваш отец, я не следователь, но отвечаю за вас тем не менее я. Не в обиду будь сказано, доверие оказывают мне, а не вам. Прежде чем прийти ко мне, вы были обыкновенным штукатьем, за гроши выступавшим на ярмарках. Это я вытаскил вас. Теперь же, когда близок триумф, вы напиваетесь или черт знает что еще делаете. Следовало начать репетиции уже на прошлой неделе, а вы даже не появились в театре. По всей Варшаве висят афиши, где сказано, что вы переплюнете всех маэстро мира, а вы калечите ногу, не зовете врача и со вчерашнего дня не раздевались. Так выглядит правда! Вы, по-моему, прыгали из окна, — изменил тон Вольский.

Мурашки забегали у Яши по спине.

— Почему из окна?

— Потому что, наверно, покидали даму... Похоже, не ко времени явился муж... Мы тоже кое-что понимаем... Я — старый куродав... Извольте раздеться и лечь в постель. Вы обманываете только себя. Я пошлю за доктором. Во всех газетах сегодня о вашем сальто на проволоке. Только об этом и говорят. А вы что устраиваете? Если провалитесь, всему конец.

— До премьеры заживет.

— Возможно — да, а возможно — нет... Извольте-ка раздеться. Если вы прыгали, я хочу поглядеть на всю ногу.

— Который час?

— Без десяти одиннадцать.

Яша собрался что-то сказать, но в этот момент у входной двери послышалась возня с ключом. Это была Магда. Она вошла, и Яша изумленно вытаращился. На Магде было праздничное платье, прошлогодняя соломенная шляпка с цветами и вишенками и высокие ботинки. Она смахивала на крестьянку, приехавшую в город наниматься в прислуги. За ночь Магда осунулась, почернела и словно бы постарела. Лицо ее было в коростах и лишаях. Увидев Вольского, она растерялась и попятилась. Вольский снял шляпу. Волосы прилегли к его черепу слипшимся париком. Он покачал головой. Черные глаза глядели то на Яшу, то на Магду с отцовской озабоченностью. В них была приятная влажность и что-то печальное, как бывает иногда у хронических больных, которым хочется, чтобы их считали здоровыми. Нижняя губа беспомощно и озадаченно отвисла.

3

— Панна Магда, — спустя минуту заговорил Вольский тоном человека, без особой охоты читающего мораль. — Мы договорились, что вы будете за ним приглядывать... Это ребенок... Художники, они же дети малые, а иногда даже хуже... Глядите, что он себе наделал!..

— Господин Вольский, успокойтесь! — прервал его Яша.

Магда молчала, тупо глядя на Яшину голую ногу и садину возле коленки.

— Где ты с утра пропадаешь? — спросил Яша и сразу спохватился, что этим вопросом обнаружил, что не ночевал дома. Но исправлять ошибку было поздно. Магда дернулась, ее зеленые кошачьи глаза посветлели и стали злыми.

— Потом отчитаюсь...

— Что между вами происходит? — спросил Вольский, словно пожилой родственник И, не дожидаясь ответа, сказал: — Я все-таки схожу за доктором. Прикладывайте холодные компрессы. Йод у вас есть? Если нет, я принесу из аптеки.

— Пане Вольский, мне не нужен никакой доктор! — сказал Яша жестко.

— Отчего же? Через шесть дней представление. Люди заранее купили билеты. Половина мест продана.

— К представлению я буду в порядке.

— Но нога сама не заживет. Почему вы боитесь доктора?

— Мне надо сегодня кое-где быть... Потом пойду к доктору...

— Какое «быть»?! С такой ногой не гуляют.

— Ему приспичило к потаскухе! — зашипела Магда. Губы ее затряслись, глаза метнулись куда-то в сторону. Впервые Магда — молчаливая, стеснительная Магда — позволила себе такое да еще при чужом человеке. Слова ее, хотя и не были громкими, прозвучали криком. Вольский поморщился, словно проглотил что-то неприятное.

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела... И не только не собираюсь, но даже не имею на это права. Однако всему свое время... Годы ждали мы этого дня. У вас сейчас есть все, чтобы стать знаменитым и упрочить свое положение... Не складывайте, как говорится, оружие за час до победы.

— Я ничего не складываю.

— Заклинаю вас, позвольте мне позвать врача.

— Нет.

— Нет так нет. Я импресарио уже лет тридцать и насмотрелся, как артисты совершают самоубийство. Годами карабкаются к вершине, а когда она вот-вот, срываются и ломают себе все что могут... Почему — не знаю. Просто так. Потому что им хочется обратно в безвестность... Что мне сказать Кузарскому? Он не перестает меня спрашивать. В театре по вашему поводу целый скандал... А что ответить директору из Екатеринослава? На депешу полагается отвечать.

— Я скажу завтра.

— Когда завтра? Что вы будете знать завтра, чего не знаете сегодня? И какой смысл в ваших ссорах друг с другом? Вам же вместе работать. Надо репетировать, как это бывало всегда. В этом году даже больше, чем прежде. Разве что вы хотите доставить удовольствие недоброжелателям и с треском провалиться.

— Все будет в порядке.

— Что ж, будет как будет. Когда мне прийти?

— Завтра.

— Завтра с утра я тут. Но заклинаю вас обоих — не запустите ногу. Ну-ка сделайте шаг, поглядим, как вы ходите. Вы же хромаете! Меня не обманешь! Вы или вывихнули что-то, или сломали. Нужны горячие ван-

ночки. На вашем месте я бы не стал ждать до завтра. Врач может наложить гипс. Что тогда делать? Публика разнесет театр. Вы же знаете, что за публика в летних театрах. Это не опера, где на авансцену выходит директор и говорит уважаемым зрителям, что у примадонны заболело горло. Тут чуть что — швыряют тухлые яйца. И камни тоже...

— Я сказал — все будет в порядке.

— Что ж, будем надеяться. Иногда я сожалею, что не торгую селедкой...

И Вольский поклонился Яше с Магдой. В прихожей он еще что-то пробормотал. Потом вышел и хлопнул дверью.

«Поляк, а блажит как еврей», — подумал Яша. Ему вдруг почему-то стало смешно, и он уголком глаза взглянул на Магду: «Она не ночевала дома. Всю ночь где-то шлялась. Но где? Неужели она способна так мстить?» Его охватили ревность и отвращение. «Я ее выпорю, скотину!» Ему захотелось на нее кинуться, схватить за волосы, волоочь по полу и кричать: «Где ты была?! Где?! Где?!» Но он взял себя в руки. Ему показалось, что с каждой секундой сыпь на Магдином лице густеет. Это в ней кипела ненависть... Яша сжал кулаки, наклонил голову и устался на свою босую ногу. Главная беда не наверху, а внизу... Потом зло глянул на Магду:

— Принеси воды из крана.

— Сам принеси.

Она разрыдалась и выбежала, хлопнув дверью так сильно, что задрожали стекла.

«Пожалуй, прилягу на полчаса», — решил Яша. Он пошел в спальню и растянулся на постели. От стояния

поврежденная нога одеревенела, и он с трудом ее выпрямил. Яша лежал и глядел на небо в окне. Высоко летела птица. Величиной она казалась не больше ягоды. На какой высоте она летит? И что случится, если это Божье творение повредит ногу или крылышко? У них ведь только один выход — смерть. Так и у человека. Смерть — это метла, выметающая всякое зло, всякое безумие, всякую нечистоту. Яша закрыл глаза. В ноге что-то пульсировало и дергало. Он хотел было снять ботинок, но шнурок запутался и затянулся в узел. Отек внутри ботинка увеличивался. Яша чувствовал, что стопа над пальцами набрякла и стала мягкой как подушка. А если случится антонов огонь? Возможно даже, придется отнять ногу. Нет! Лучше умереть! «Кончились мои семь тучных лет!.. Им нельзя доверять!» — сказал он себе, не понимая, кого имеет в виду: женщин, гоев или тех и других вместе. Наверняка в Эмилии тоже сидит дьявол. На какой-то миг голова стала пустой, и Яша погрузился в теплоту и усталость, какие наваливаются перед тем как заснуть. Ему стало мерещиться, что сейчас пасхальная ночь первого седера и отец говорит: «Ты знаешь? Я потерял грош!...» — «Папа, о чем ты? Пасха же!...» — «Ой, это я опьянел от четырех стаканчиков...» Сон продолжался несколько секунд. Яша вздрогнул и очнулся. Отворилась дверь, и вошла Магда, неся миску с водой и салфетку для компресса. Она метнула на него колючий злобный взгляд, а Яша сказал:

— Магда, я люблю тебя...

— Выродок! Прощелыга! Убийца!

И снова разрыдалась.

4

Яша прекрасно понимал, что то, что он собирается сделать, чистое безумие, но он не мог не поехать к Эмилии. Он был словно загипнотизирован и выполнял чужую волю. Эмилия его, наверно, заждалась, и ее нетерпение действовало на него как магнит. Магда снова куда-то ушла. Он понимал — сегодня у него еще есть возможность встретиться с Эмилией. Завтра может оказаться поздно... Он встал, решив не обращать внимания на ногу и боль; надо было побриться, помыться, переодеться. «Нам с ней необходимо все обсудить, — сказал он себе, — нельзя оставлять ее в неопределенности...» Он собрался бриться, но бритва куда-то запропастилась. У Магды была привычка все куда попало распахивать. После каждой уборки было чего-то не доискаться. Галстук Магда умудрялась сунуть в печку, домашние туфли под подушку. «Деревня она и есть деревня!» — подумал Яша. Он надел свежую рубашку, но из манжеты выскочила запонка и сразу куда-то исчезла. По-видимому, закатилась под шкаф. Однако Яше было не нагнуться. Где-то лежали еще запонки, но где? Магда даже деньги невесть куда засовывала, и они обнаруживались спустя месяцы. Яша лег на пол и стал шарить под шкафом тростью. Это вызвало нестерпимую боль в ноге. Вдобавок схватило живот. «Снова черти взялись за меня, — пробормотал Яша. — Кругом незадача...»

Магда вернулась. Сейчас на ней уже не было праздничного платья. Она, как видно, ходила на базар за покупками, ибо в руке держала корзинку, из которой торчала куриная нога.

— Куда пошел? Я собираюсь варить обед.

— Вари его для себя.

— К потаскухе из Песков тебе спешно?

— Куда хочу, туда иду.

— Между нами все кончено! Я сегодня же уезжаю домой, слышишь, еврей паршивый!

Ее словно испугали собственные слова: она застыла с разинутым ртом и подняла руку, как будто заслоняясь от удара. Яша побледнел.

— Ну всё, это конец.

— Да, конец. Ты черта во мне будишь!..

Она отшвырнула корзинку и заголосила, словно ее били палкой или пороли. Курица с окровавленной шеей лежала в корзинке среди лука, свеклы и картошки. Магда выбежала на кухню, и оттуда донесся удушливый кашель, словно она подавилась или ее рвало. Он стоял, все еще держа трость, которой шарил под шкафом. Затем почему-то перевернул курицу и к ее шее положил свеклу. Он снова стал искать запонку. Ему захотелось было выйти на кухню и посмотреть, что делает Магда, но он не пошел. «Эмилия скоро скажет то же самое, — подумал Яша. — Все рушится как карточный домик...»

Тем не менее он кое-как оделся. Минувя коридор, ухлынул за закрытой дверью, что Магда чистит кастрюлю. Спустился, ковыляя и при каждом шаге ощущая боль, по ступенькам. Еле добрал до циркульни, но там никого не оказалось... Он звал, топал здоровой ногой, колотил в стенку, однако никто не появился. «Всё бросают и уходят, — буркнул он себе под нос. — Вот она, Польша! И еще обижаются, что их разорвали на части... Наверно, этот болван пошел играть в карты. Что ж, приду небритый. Пусть видит, в каком я состоянии.»

Яша стал ждать извозчика. Ни один не появлялся. «Вот страна, — бормотал он. — Единственное, что они умеют, — это каждые несколько лет восставать и брэнчать кандалами...» Он доплелся до Длугой, там была цирюльня, и Яша вошел. Парикмахер стриг клиента.

— Когда бочка набита капустой, больше, чем есть, не вопхнешь, — разглагольствовал парикмахер. — Капуста не лен, ее не надавишь и не умнешь. Если бочка полная, значит полная. Но всего хуже, проше пана, тесто. Мне известен случай с одной дамой, которая собралась испечь пирог для своей мамы. Она замесила тесто, положила дрожжи и что там еще полагается, но потом надумала везти тесто к матери на Прагу и пироги печь там. В ее собственной печке то ли была плохая тяга, то ли что-то дымило, то ли что-то еще похуже. Она уложила тесто в корзинку, накрыла тряпками и села в омнибус. В омнибусе было жарко, тесто стало подходить и полезло из корзинки как живое. Она хотела втолкнуть его обратно, куда там! С одной стороны она его впихивает, с другой — оно вылезает. Тряпки сползли, а корзинку расперло так, что казалось, она вот-вот лопнет. По-моему, она и в самом деле лопнула...

— Неужто у теста такая сила? — спросил тот, кого стригли.

— Конечно, проше пана! В омнибусе заварилась каша. Там как раз было несколько шутников и...

— Наверно, эта мадам переложила дрожжей.

— Тут дело не столько в дрожжах, сколько в теплоте. Был жаркий летний день, ну и конечно...

«Что они несут? Он же врет; корзинка лопнуть не может, — думал Яша. — Зато мой ботинок вот-вот лопнет! Опухоль ведь тоже растет. Но почему этот скот не

обращает на меня внимания? А вдруг — я других вижу, а сам невидимый?...»

— Долго еще ждать? — спросил Яша.

— Пока не достригу, проше пана, — ответил парикмахер вежливо, но язвительно. — У меня только пара рук. Ногами я, проше пана, стричь не умею, а если бы даже умел, на чем бы я тогда стоял? На голове? Я прав, пане Мечислав?

— Безусловно, — ответил клиент. Это был коренастый широкий мужчина с большой головой, мощным загривком и блондинистым ежиком, напомнившим Яше свиную щетину. Он повернулся и небрежительно глянул на Яшу. Глаза, глубоко посаженные между низким лбом и жирными скулами, были водянисто-голубые, маленькие. Казалось, бровей и клиент против Яши сговорились.

«Что я им сделал? — подумал Яша. — Злость у них всегда наготове... только ищут повода... А в воскресенье побегут в костел разглагольствовать насчет любви... И я, негодяй, готов был перейти в их веру... Что ж, поговорю с ней напрямик! Не желаю быть заодно с такими... Достаточно они жгли и жарили нас в Испании и повсюду... — Яше показалось странным, что он до сих пор об этом не думал. — Не могу ни на что решиться, вот в чем беда!...»

Все же он подождал, пока парикмахер дострижет клиента и нафабрит тому кончики усов. Едва клиент ушел, у парикмахера сразу изменилось настроение, и он принялся дружелюбно и доверительно болтать с Яшей:

— Славный денек, а? Лето, настоящее лето! Люблю лето. И зачем кому зима? Холод, простуды! Иногда ле-

том бывает жарковато и потеешь, но это не страшно. Вчера я ходил в купальню на Вислу и один тип утонул прямо у меня на глазах.

— В купальне?

— Решил показать себя и поплыл из мужской в дамскую. Приглядел издали какую-то шлюху или зачем-то еще. Но его, конечно, не подпустили, потому что женщины купаются безо всего. Такая вот история. Разве разумно платить черт-те за что жизнью? Когда его вытаскивали, казалось, он спит. Я не мог поверить, что он мертвый. Ради того, чтобы показать себя, поплатиться жизнью...

— Да, мы, мужчины, сумасшедшие...

5

«Сегодня же надо все решить, — говорил себе в пролетке Яша. — Сегодня мой Судный день!..» Чтобы собраться с мыслями, он закрыл глаза. Однако миновались улица за улицей, а Яша ни к какому выводу не приходил. Снова слышал он звуки города, снова вдыхал его ароматы. Кучера кричали, кнуты хлопали, дети галдели. С базаров и дворов с теплыми дуновениями ветра долетали запахи навоза, сточных канав, жареного лука, убоины. Рабочие удаляли деревянные тротуары, заменяли бульжник брусчаткой, ставили газовые фонари, копали рвы для телефона и канализации. Земле выдирали потроха. Когда Яша открывал глаза, ему казалось, что пролетку внезапно потащило вкось и он вместе с ней сейчас рухнет в глинистую или песчаную пропасть. Фундаменты поедут, дома провалятся, а всю Вар-

шаву постигнет судьба Содома и Гоморры. Возможно ли было что-то обдумать в такой обстановке? Извозчик миновал синагогу на Гнойной. «Когда я тут был? — растерянно подумал Яша. — Сегодня? Вчера?» Оба дня соединились, смешались в один. Молитвы в талесе и тфилн, благочестие, открывшееся ему, казались сейчас небывшими и похожими на сон. «Ну и впутался я в историю! Нервы совсем никуда не годятся!» Пролетка подкатила к дому Эмилии, и он протянул вознице вместо двадцати грошей золотую монету. Тот стал отсчитывать сдачу, но Яша махнул рукой. «Он же бедняк, пусть заработает. А мне надо иметь перед небесами хоть какие-нибудь заслуги...» Он потихоньку поднялся по лестнице. Нога чувствовалась, но не сильно. Он позвонил. Дверь отворила Ядвига. Улыбаясь, она доверительно сказала:

— Госпожа ждет... Со вчерашнего дня...

— Что нового?

— Ничего. Хотя нет! Помните, я рассказывала про старого помещика Заруского и его глухую прислугу, мою приятельницу. К ним сегодня под утро вор забрался...

У Яши пересохло во рту:

— И украл деньги?

— Нет, испугался и сбежал. С балкона прыгнул. Ночной сторож видел, как он убегает. Что там творится, не спрашивайте! Старый поднял скандал! Прямо ужас! Хотел мою товарку рассчитать. Пришли из полиции. Она плачет. Тридцать лет в доме!..

Ядвига говорила с каким-то злорадством. Неприятности подружки явно доставляли ей удовольствие. Глаза были полны ехидства, какого Яша прежде не замечал.

— Да, в Варшаве воров хватает...

— А там лежат знаете какие закладные!.. Пожалте в гостиную. Я доложу госпоже.

Яше показалось, что Ядвига по сравнению с позавчерашним днем даже моложе выглядит. Она словно бы летала. Он вошел в гостиную и сел на диван. «Нельзя, чтоб они видели, что у меня что-то с ногой!.. Если заметят, скажу — упал. Или лучше начну с этого. Будет не так подозрительно...» Яша полагал, что Эмилия появится сразу, но она сегодня медлила больше обычного. «Отыгрывается за то, что я вчера не пришел...» — подумал Яша. Наконец послышались шаги. Появилась Эмилия, и он снова увидел на ней светлое платье, вероятно, из тех, которые она носила прежде. Он встал, но навстречу ей не двинулся.

— Какое платье!

— Вам нравится? — Эмилия поворочилась спиной, и Яша воспользовался этим, чтобы подковылять.

— Просто великолепное.

Эмилия снова повернулась к нему:

— А я боялась, вам не понравится. Но куда вы вчера запропали? Я из-за вас всю ночь глаз не сомкнула.

— Что же вы делали всю ночь?

— О, что делают, когда не спится? Читала, ходила по комнате. В голову лезли ужасные мысли. Я решила, что...

И Эмилия оборвала фразу.

«Как она могла читать, если в окнах было темно?» — подумал Яша. Он хотел было сказать это, но, чтобы не выдать себя, не сказал. Она смотрела на него с любопытством, обидой, любовью. По каким-то неуловимым признакам, по каким-то мелочам он понял — она жа-

леет, что отпустила его в ту ночь огорченным и хочет исправить ошибку. Эмилия свела брови, словно пытается угадать Яшины мысли. Он глядел на нее, на ее платье, и ему показалось, что она стала старше — не на день, а на годы, как это бывает с очень огорченными людьми.

— Вчера со мной случилась неприятность, — сказал Яша.

Эмилия побледнела:

— Что такое?

— Повредил на репетиции ногу.

— Я вообще удивляюсь, что вы еще живы, — сказала она озабоченно и тихо. — То, за что вы беретесь, выше человеческих сил. Когда есть талант, его не следует растрачивать да еще за столь скромное вознаграждение. Вас явно недооценивают.

— Верно, я слишком стараюсь, но такая уж у меня дурацкая натура.

— Что ж, это и наказание и благо... Вы были у доктора?..

— Пока нет.

— Чего вы ждете? Вот-вот премьеры.

— Помню.

— Садитесь же. Я как знала. Вы собирались быть вечером и не пришли. Не пойму отчего, но я всю ночь не спала. Проснулась в час ночи и уже не сомкнула глаз. Меня не оставляло странное чувство, что ты в опасности. — Она внезапно перешла на «ты». — Я убеждала себя, что это глупо, но, как я ни стараюсь не быть суеверной, избавиться от своих предчувствий не могу. Что же произошло? Когда?

— Как раз вчера ночью.

— В час?

— Около этого.

— Я чувствовала! Хотя почему, не понимаю. Я села в постели и стала за тебя молиться. Галина тоже проснулась и пришла ко мне. Между нами странная связь. Если не сплю я, она не спит тоже, хотя я стараюсь не шуметь. Что же было? Ты прыгал?

— Да.

— Надо немедленно посоветоваться с врачом, и, если он скажет не выступать, придется не выступать. С этим не шутят, особенно в твоём случае.

— Театр обанкротится.

— Пусть. Никто не застрахован от неприятностей. Если б мы были вместе, я за тобой бы присмотрела. Ты неважно выглядишь. Ты, кажется, постригся?

— Нет.

— А впечатление, что постригся. Знаешь, уже несколько дней я не могу отделаться от странного предчувствия. Не пугайся, я не жду какой-то большой неприятности, но что-то меня гнетет. Я пытаюсь себя ободрить — не получается. Когда сегодня утром ты не дал о себе знать, я вовсе была в смятении. Даже решила ехать к тебе и еще Бог знает что. Как можно такое объяснить?

— Объяснить нельзя ничего.

— Разреши, я погляжу твою ногу?

— Потом, не сейчас.

— Лучше бы сейчас, дорогой. Потом мне хотелось бы поговорить с тобой о важных вещах.

— Давай поговорим сразу.

— Надо уточнить наши планы. Возможно, то, что я скажу, покажется тебе неубедительным, но мы оба уже

не дети. Я просто больше не могу находиться в ожидании и неопределенности. Я буквально заболеваю от этого. По природе я натура не беззаботная, мне необходимо знать что и как. Галине, чтобы снова не потерять полгода, надо учиться. Ты даешь тысячи обещаний, но все остается как было. Сейчас, когда ты же сам открыл Галине наши намерения, она не оставляет меня в покое. Девочка умна, но ребенок есть ребенок. Конечно, сейчас, когда тебе больно, не следовало бы заводить подобных разговоров, но не могу тебе передать, что я испытываю. Кроме того, я очень скучаю... Едва за тобой закрывается дверь — начинается пытка. На меня находит странная неуверенность, как если бы я очутилась на льдине, которая в любой момент может растаять, и я окажусь в воде. Мне даже кажется, что я стала вульгарной и потеряла всякий стыд...

Эмилия умолкла. У нее дрожали губы. Она стояла, поникнув головой и опустив глаза, точно обескураженный и необычайно устыженный человек.

— В чем дело? Ты говоришь о близости? — спросил Яша, мгновение поколебавшись.

— Обо всем вместе...

— Что ж, всё и решим.

6

— Каждый раз ты говоришь «всё решим». Разве так много надо решать? Если мы едем, я должна ликвидировать квартиру и продать мебель. За это, наверно, можно что-то получить, но все стоит не так уж много, и правильной, я думаю, увезти все в Италию. Это кон-

кретные дела, которыми надо заняться. От разговоров толку мало. Придется еще хлопотать о паспортах — русские придумывают всяческие сложности. Надо назначить неделю и день отъезда. Немаловажен и вопрос денег. Я с тобой до сих пор об этом не говорила — потому что это для меня ужасно неприятная тема. Когда приходится произносить слово «деньги», кровь бросается мне в лицо (Эмилия и вправду покраснела), но без них ничего не получится. Еще мы говорили... то есть ты обещал... обратиться в католичество... Конечно, это формальность, человек не обретает веру оттого, что его кропят водой. Но иначе мы не сможем пожениться... Я говорю так, будучи уверена, что ты давал свои обещания всерьез. Если нет, зачем самих себя морочить? Мы уже не дети.

Эмилия умолкла.

— Я все говорил всерьез — ты это знаешь.

— Ничего я не знаю. Да и что мне вообще о тебе известно? Иногда кажется, себя я тоже уже не знаю. Когда мне о подобном приходилось слышать, я всегда обвиняла женщину. У тебя ведь есть жена, хотя ты ей неверен и живешь как вольная птица. Я тоже не без греха, но я верна церкви. С католической точки зрения принявший нашу веру рождается заново и все прежние узы больше его не обязывают. Я не знаю твоей жены и не хочу ее знать. Другое дело, что вы бездетны, а брак без детей как бы брак наполовину. Я уже не так молода, но иметь детей еще могу и хотела бы подарить тебе ребенка или даже двух. Ты будешь смеяться, но даже Галина об этом мечтает. «Когда вы с дядей Яшей поженились, — сказала она, — мне хочется братика и сестричку...» Человек таких способностей, как ты, должен

оставить наследника... Мазур — хорошая польская фамилия.

Яша сидел на диване, Эмилия опустилаь визави в шезлонг. Он глядел на нее, она — на него. Он вдруг понял, что больше откладывать нельзя. Чтó он собирался сказать, должно быть незамедлительно сказано. Однако он все еще не решил, что скажет и как поступит.

— Эмилия, мне надо кое о чем поставить тебя в известность.

— Говори, я слушаю.

— Эмилия, у меня нет денег. Все мое имущество состоит из дома в Люблине, но я не могу отнять его у жены.

Эмилия на мгновение как бы ушла в себя.

— Почему ты до сих молчал? Из твоих слов следовало, что деньги проблемы не составят.

— Я рассчитывал достать. В случае успеха новой программы я надеялся на заграничный ангажемент. К нам наезжают оттуда люди...

— Прости, но план был не такой. Почему ты думаешь, что тебя пригласят в Италию, а не во Францию или Америку? Не странно ли — мы поженимся, ты будешь в одном месте, а мы с Галиной — в другом? Ей ведь надо пожить на юге. Зима, скажем в Англии, погубит ее. Еще ты собирался год отдыхать и поучить европейские языки. Если начнешь гастроли в Европе, не зная языков, к тебе будут относиться не лучше, чем в Польше. Ты не помнишь, что говорил сам. Мы собирались купить дом и сад возле Неаполя — таков был наш план. Я не хочу давать тебе советов, но, если ты думаешь утвердиться в своих намерениях, необходим ясный

план. Жизнь ото дня ко дню — экспромты, как вы, актеры, это называете, — принесла тебе довольно вреда. Ты же сам говорил...

— Это так. Но надо тем не менее достать денег. Во сколько нам все обойдется? То есть, я имею в виду, каков минимум?

— Мы и это много раз обсуждали. Нам понадобится по меньшей мере пятнадцать тысяч рублей. Больше — лучше.

— Я это достану.

— Но как? Насколько мне известно, деньги в Варшаве с неба не падают. Мне казалось, ты уже располагаешь необходимым капиталом.

— Нет. У меня ничего нет.

— Это для меня новость. Не думай, что мое отношение к тебе из-за этого изменится, но наши планы не могут оставаться прежними. Я уже сообщила кое-кому из близких людей, что собираюсь за границу. Галина не может вечно сидеть дома. Девочке надо учиться. Пожениться мы с тобой здесь не можем. Это доставит неприятности и тебе и мне. У тебя тут семья и кто знает что еще. Хотя я и не сплю по ночам из-за твоей жены, но, если уехать за границу, все отдалится. Отнять мужа у жены, зная, что она станет из-за меня убиваться, — такого я себе позволить не могу!

И отрицательно мотнула головой, что было похоже и на решительное несогласие, и на нервный тик.

— Я деньги достану.

— Как? Ограбишь банк?

Вошла Галина.

— Ой, дядечка Яша!

Эмилия свела брови.

— Сколько раз было сказано, что полагается стучать! Тебе уже не три года.

— Раз я помешала, я пойду.

— Ты не помешала, — сказал Яша. — У тебя красивое платье!

— Что уж красивого? Я из него выросла. Но оно белое, а белый цвет я люблю. Мне хочется, чтоб наш дом в Италии тоже был белый. Разве нельзя, чтобы крыша была белая? Это же замечательно — дом с белой крышей!

— И чтобы трубочист был белый? — спросил Яша.

— А почему нет? Сажу тоже можно покрасить. Я читала, что, когда выбирают папу, из трубы в Ватикане идет белый дым. Раз дым бывает белый, почему сажа не может?

— Хорошо-хорошо! Всё сделают по-твоему! А пока ступай к себе. Мы говорим о делах, — сказала Эмилия.

— О каких же? Не смотри так сердито, мама, я ужою. Я собиралась только попить. Но пока я не ушла, мне хочется сказать, что вы, дядечка Яша, по-моему, в плохом настроении. Что случилось?

— В простокваше лодка утопилась!

— Что? Какое смешное выражение!

— Это еврейская поговорка.

— Вот бы знать еврейский! До чего же охота знать все языки: китайский, татарский, турецкий. Говорят, у животных тоже свои языки. Я один раз проходила мимо Гжибовской площади. Евреи так смешно выглядели в своих длинных капотах и с черными бородами. Что это такое — еврей?

— Кому сказано, ступай к себе! — Эмилия повысила голос.

Галина повернулась уходить, но постучали в дверь. На пороге стояла Ядвига.

— Какой-то человек желает говорить с пани.

— Кто такой? Что ему надо?

— Не знаю.

— Почему ты не спросила фамилию?

— Он не пожелал себя назвать. С почты, кажется, или что-то вроде...

— Какая-то чепуха, наверно. Секундочку, пойду погляжу.

Эмилия вышла в прихожую.

— Кто бы это мог быть? — забеспокоилась Галина. — Может, это из-за книги, которую я брала в школьной библиотеке и потеряла? Вообще-то я ее не потеряла, просто она упала в канаву, и мне противно было доставать. Я боялась принести ее домой, потому что, если бы мама увидела книжку в таком виде, она бы накричала на меня. Она хорошая, но очень сердитая... И в последнее время какая-то странная. По ночам не спит, а когда не спит она, мне тоже не спится. Я прихожу к ней в постель, мы сидим и разговариваем, словно две потерянные души... Иногда она садится к столику, кладет на него руки и ждет, чтобы столик сообщил ей будущее. Она бывает очень смешная, но я ее ужасно люблю. А ночью она добрая. Мне иногда хочется, чтобы всегда было «ночью» и вы, дядечка Яша, тоже были с нами и чтобы мы втроем проводили время. А может, вы меня сейчас загипнотизируете? До чего охота загипнотизироваться.

— Зачем?

— Так просто! Жизнь такая скучная...

7

— Твоя мама против, а я не стану делать ничего такого, против чего она возражает.

— Но пока ее нету!

— Это делается не быстро. Да ты уже загипнотизирована.

— Как это?

— Ты должна меня любить. Ты всегда будешь меня любить. Ты меня никогда не забудешь.

— Это правда. Никогда! Мне ужасно хочется говорить глупости. Можно я буду говорить глупости? Пока мама не вернулась...

— Говори конечно.

— Почему все не такие, как вы, дядечка Яша? Все надутые, важные, а вы добрый. Я люблю маму, ужасно люблю, но иногда терпеть ее не могу. Когда у нее плохое настроение, она все вымещает на мне. «Здесь не ходи! Тут не крутись!» Один раз я нечаянно уронила вазон, так она не разговаривала со мной целый день. Ночью мне приснилось, что по нашей квартире ездит омнибус с лошадьми, кондуктором и пассажирами. Я страшно удивлялась: зачем это омнибусу ездить по квартире? Куда направляются пассажиры и как он проехал в дверь? А он катит себе, делает остановки, а я думаю: «Если придет мама и такое увидит, она устроит ужасный скандал!» Вот какой дурацкий сон, смех прямо! А я получаюсь виновата... Вы, дядечка Яша, тоже мне снится, но, раз вы тоже противный и не хотите меня загипнотизировать, я вам ничего не расскажу.

— Не расскажешь?

— Не расскажу. Мои сны или смешные, или полоумные. Подумаете еще, что я ненормальная. Может, я и вправду ненормальная. Мне в голову приходят такие мысли, что просто ужас. Я хочу их прогнать и не могу.

— Что же тебе приходит в голову?

— Этого рассказывать нельзя.

— Мне можно. Я же тебя люблю.

— Вы только так говорите. А на самом деле вы мне враг. Или, может быть, вы — черт, который прикинулся человеком? Вдруг у вас рога и хвост?

— Угадала. Вот они.

И Яша приставил два пальца ко лбу.

— Ой, не надо... Я ведь бояка. По ночам я от страха прямо умираю. Боюсь привидений и злых духов. У нас была соседка, а у нее — дочка Янинка. Такая хорошенькая, с белокурыми локонами и голубыми глазками. Как ангелок. Вдруг в шесть лет она заболела scarлатиной и умерла. Мама не хотела, чтобы я про это знала, но я все равно все узнала. Я даже видела в окошко, как выносят гробик — маленький, весь в цветах. Ох, смерть так ужасна! Днем я про это забываю, а ночью начинаю думать.

Вошла Эмилия и, поглядев на Яшу с Галиной, сказала:

— Ничего себе парочка.

— Кто это был? — спросил Яша, удивляясь своему вопросу.

— Вы будете смеяться (при Галине Эмилия говорила Яше «вы»), хотя это совсем не смешно. У нас по соседству завелся знакомый. Старый человек по фамилии Заруский, ростовщик и скупец, сидящий на своем золоте. Вообще-то он нам никакой не знакомый, но

Ядвига в дружбе с его прислугой, и поэтому он со мной раскланивается. Нынешней ночью его пытались ограбить. Вор забрался через балкон, и ночной сторож увидел, как вор спрыгивает. Сторож за ним погнался, но человек этот сбежал. Сейф ему взломать не удалось, зато он оставил бумажку с адресами квартир, куда собирался залезть. Там оказался мой адрес тоже. Это приходил сыщик, предупредить, чтобы я была поосторожней. Я сказала, что у меня взять нечего, разве что унести картину или ковер. Странная история, правда?

У Яши заколотилось сердце:

— Зачем он оставил бумажку с адресами?

— Как видно, потерял.

— Что ж, придется быть настороже.

— Как это сделать? Варшава — просто воровское гнездо... Галинка, ступай к себе.

Галина нехотя встала.

— Ладно, пойду. Про что мы говорили — секрет, — строго сказала она Яше.

— Ясное дело! Страшная тайна.

— Тогда я пошла. Что подделаешь, если выгоняют. Но вы, дядечка Яша, пока не уходите?

— Нет. Побуду.

— До свидания!

— До свидания!

— Au revoir!

— Au revoir!

— Arrivederla!..

— Иди же, кому сказано, — рассердилась Эмилия.

— Иду, иду.

И Галина вышла.

— Что у нее с тобой за секреты? — спросила полусерьезно, полушутя Эмилия.

— О, чрезвычайной важности!

— Иногда я жалею, что у меня дочка, а не сын. Мальчик не просиживает столько времени дома и не вмешивается в мамины дела. Я ее люблю, но иногда она действует на нервы. Не забывай, что это еще ребенок, не взрослый человек.

— Я с ней и разговариваю как с ребенком.

— Забавная история с этим вором. Неужто он не мог подыскать кого-нибудь побогаче меня? Откуда у них такие сведения? Читают в подворотнях списки жильцов? Но я все же боюсь. Вору недолго стать убийцей. Входная дверь запирается на ключ, но балконная — только на цепочку.

— Ты на третьем этаже. Это высоковато для жуликов.

— Верно. А почему ты знаешь, что Заруский на втором?

— Потому что я и есть вор, — хрипло сказал Яша, пораженный собственными словами. У него перехватило дыхание и потемнело в глазах. В них снова заглянули огненные точки. В Яше словно бы заговорил дибук. Мгновенным током прошило позвоночник. Во рту снова, как перед обмороком, появилась безвкусная влага.

Эмилия, помолчав, сказала:

— Что ж, интересная мысль. Раз ты умеешь уходить в окно, значит, можешь влезть на балкон.

— Да.

— Почему же ты не отпер сейф? Если начал, надо было идти до конца.

— Иногда не получается.

— Ты так тихо говоришь, ничего не слышно...

— Иногда не получается.

— «Не умеешь, не берись», — такова поговорка.

Смешно сказать, но я почему-то недавно думала, что к Зарускому могут забраться. Все знают, что он держит деньги дома. Рано или поздно их обязательно украдут. Это судьба всех скупцов... Что ж, скопидомство — тоже страсть.

— Разновидность страсти.

— Какая разница? В смысле абсолютном любая страсть равно и бессмысленна, и разумна. Что мы об этом знаем?

— Ничего... Ничего мы не знаем.

Оба замолчали. Наконец Эмилия сказала:

— Что с тобой? Я бы хотела посмотреть твою ногу.

— Не сейчас...

— Почему не сейчас? Каким образом ты упал?

«Она мне не верит. Думает — шучу. Ладно, и так все пропало». Он взглянул на Эмилию, но увидел ее словно в тумане. В комнате, правда, было сумрачно: окна выходили на север и были задернуты гардинами бордового цвета. Все в нем онемело. Мозг как будто опустел и растерял мысли. Яшу охватило странное равнодушие, правильней сказать, равнодушие совершающего преступление или рискующего жизнью человека. Он знал: то, что он сейчас произнесет, станет роковым, но ему уже было все равно.

Он услышал собственный голос:

— Я повредил ногу, прыгая с балкона Заруского.

Эмилия нахмурилась:

— Сейчас в самом деле не время для шуток.

— Я не шучу. Это правда...

8

В наступившей тишине было слышно, как за окном чирикают птицы. «Самое худшее позади», — сказал себе Яша. Сейчас он избрал наконец некую линию, чтобы одним махом покончить со всей этой историей. Он взвалил на себя слишком многое и должен был разом ото всего освободиться. Яша покосился на дверь, словно собираясь бежать, но потом уже взгляда не отводил и глядел Эмилии в глаза, однако не с вызовом, а с решимостью не позволить себе роскоши страха. Эмилия взирала на него без гнева, со смесью снисходительности и любопытства, и еще во взгляде ее, как у человека, понявшего бессмысленность собственных намерений, было что-то умудренное — как бы некое постижение напрасности и тщетности. Казалось даже, она сдерживается, чтобы не засмеяться.

— Я в самом деле не могу поверить...

— Но это правда. Я был у вашего дома вчера ночью. Хотел вас даже позвать.

— И вместо этого пошли туда?

— Я боялся разбудить Галину и Ядвигу.

— Мне все еще кажется, что вы шутите. Я же легковерная. Меня нетрудно обмануть.

— Я вас и не обманываю. Мне рассказывала про Заруского Ядвига, и я подумал, что это могло бы решить наши сложности. Но я занервничал... Такое, похоже, не для меня...

В глазах Эмилии погасло прежнее выражение.

— И вы пришли признаться в этом, да?

— Вы сами спросили.

— Что я спросила?.. А в общем, все равно... все равно... Если вы не ломаете комедию, я могу вас только пожалеть. Это значит тебя и себя. Если же вы здесь разыгрываете театр, мне остается вас разве что презирать.

— Я не пришел разыгрывать театр.

— Кто вас разберет? Похоже, вы просто не совсем нормальны.

→ Возможно.

— Я как раз читала о женщине, позволившей себя увлечь безумцу.

— Это про вас.

Глаза Эмилии сделались неприязненными.

— Видно, мне уж так на роду написано. Стефан, да упокоится его душа в небесах, тоже был не без странностей. Хотя другого сорта. Вероятно, меня тянет к таким.

— Не вините себя. Вы самая благородная из всех, кого я когда-нибудь встречал.

— А кого вы встречали?.. Вышли из грязи, и сами такой... Простите мне эти жестокие слова. Я ведь говорю как есть. Вся вина на мне. Я же все знала, вы ничего не скрывали. В греческой драме есть что-то вроде фатума... как-то там это по-другому называется... когда человек все знает, но вынужден поступать, как ему предопределено. Он видит бездну, однако должен в нее сорваться.

— Вы в бездну не сорвались...

— Глубже, чем это произошло со мной, пасть невозможно. Будь в вас хоть капля человечности, вы бы избавили меня от этого унижения. Могли бы не приходить. Я бы за вами посыльных не посылала. По крайней мере остались бы воспоминания.

— Я сожалею...

— Вам не о чем сожалеть. Я знала, что вы женаты. Вы признались даже, что Магда — ваша любовница. Не скрыли, что — атеист или как-то там еще выразились... Раз я смогла все это принять, с чего бы меня должен шокировать вор. Забавно, однако, что вы оказались таким никудышным вором.

Эмилия словно бы усмехнулась.

— При случае я мог бы оказаться и неплохим.

— Благодарю за обещание. Просто не знаю, что скажу Галине. — Эмилия изменила тон: — Надеюсь, вы понимаете, что вам следует уйти и больше никогда не появляться. Писать письма тоже не надо. Для меня вы умерли. Я фактически мертва тоже. Но у мертвых, увы, есть окружающие...

— Я и ухожу. Не опасайтесь, что когда-нибудь... — Яша сделал движение подняться.

— Погодите... Вы даже встать не можете... Что вы себе наделали? Вывихнули косточку? Сломали ногу?

— Что-то наделал.

— Как бы там ни было, в этом сезоне выступать вам не придется. Возможно, вы даже покалечились на всю жизнь. Видно, у вас какие-то заслуги перед Господом, раз он взывает с вас незамедлительно.

— Я просто недотепа.

Эмилия, низко опустив голову, вдруг закрыла руками лицо. Казалось, она что-то интенсивно обдумывает, даже растирает лоб кончиками пальцев. Когда она отняла руки, потрясенный Яша увидел другого человека. Он не поверил собственным глазам. За эти несколько секунд Эмилия постарела. Под глазами у нее появились мешки. Она словно пробудилась от короткого, но

тяжелого сна. Даже прическа казалась растрепанной. Он увидел морщины на ее лбу и седые нити в волосах. Все случилось как в сказке, словно развеялись чары, сохранявшие ее молодой. Даже голос сделался бесцветный и постаревший. Она потерянно глядела на Яшу.

— Зачем вы оставили листок с адресами? И почему там был мой? Неужели... — Эмилия не договорила.

— Я не оставлял никаких адресов.

— Полицейский агент не выдумал.

— Не знаю. Клянусь Богом, не знаю.

— Не клянитесь Богом. Вне всякого сомнения, вы составили список, и он выпал у вас из кармана. Это мило с вашей стороны, что вы и меня не забыли.

Она устало улыбнулась улыбкой, какой обычно улыбаются те, кто переживает катастрофу. В уголках ее глаз сразу появилось множество морщинок.

— Это какая-то загадка. Я в самом деле начинаю сомневаться в собственном разуме.

— Да, вы больной человек.

Вдруг он вспомнил. Он же вырвал листки из записной книжки и скатал их в столбик, чтобы проникнуть в замочное устройство. Наверно, он его уронил... На одном листочке был адрес Эмилии... Кто знает, какие там еще адреса! До Яши вдруг дошло, что этими листочками он сам себя выдал. Возможно, там были адреса Вольского и других импресарио, адреса актеров, театральных директоров, фирм, у которых он покупал реквизит. Не исключено, что даже его собственные имя и адрес. Он частенько выводил их, украшая буквы завитками, хвостиками, росчерками и веточками. Яша не почувствовал страха, но что-то в нем словно бы издевалось:

при первом преступлении, на которое он отважился, Яша сразу обнаружил себя. Он оказался из тех неудачников, кто, ничем не поживившись, оставляют неопровержимые улики. Полиция и суды к таким беспощадны. Он как бы снова услышал слова Эмилии о тех, кто, видя бездну, делает шаг в нее, и ему стало стыдно за свою неумелость. «Значит, домой идти нельзя... Они разнюхают люблинский адрес тоже... И еще нога...»

— Не буду вас больше занимать своей персоной. Мой час пробил! — сказал он и встал. Эмилия тоже встала.

— Куда ты пойдешь? Ты никого не убил..

— Не судите строго, если можете.

Яша, хромая, направился к двери. Эмилия неуверенно пошла за ним, словно бы хотела заступить дорогу.

— Тем не менее надо обратиться к врачу.

— Да. Спасибо.

Казалось, Эмилия хочет еще что-то сказать, но он, хромая, выскочил в прихожую, схватил пальто, шляпу и сам отворил дверь. Эмилия что-то крикнула, он, однако, дверь за собой захлопнул и, забыв про больную ногу, сбежал вниз по лестнице...

Яша какое-то время простоял в парадном — вдруг снаружи полицейский агент? Он вспомнил про отмычку. Нет, при нем ее не было — осталась во вчерашнем костюме. Но если будет обыск, дома ее обязательно найдут. «А! Все равно. Пусть арестовывают! Завтра в газетах много чего понапишут. Что скажет Эстер, когда узнает, что он вор? Песковские карманники, те потешатся от души. А Герман? Зевтл? Магда? Ее братец Болек? А Вольский? А вся шайка из «Альгамбры»?.. Самое меньшее — меня из-за ноги уложат в тюремный лазарет...» Только что он по лестнице бежал, а сейчас ногу тянуло и дергало. Яше казалось, что набрякающая стопа вот-вот разорвет ботинок. «Эмилию я тоже потерял!» — сказал он себе и вышел из подворотни, но полицейский агент его нигде не поджидал. А если он затаился на той стороне улицы? Яша решил было направиться в Саксонский сад, но ему не хотелось, чтоб Эмилия увидела его в окно. Он двинулся к Граничной и сразу снова вышел на Гнойную, где на часах в витрине увидел, что времени еще только без десяти четыре. «Господи, какой

длинный день! Целый год!..» Он понимал, что надо бы немного посидеть, и ему пришло в голову снова зайти в молельню. «Что со мной? Я становлюсь набожным прихожанином». Яша остановился у ближайшей синагоги, где как раз шла вечерняя молитва. Какой-то литовский еврей возглашал Восемнадцать Славословий. Молящиеся были в короткой верхней одежде и в котелках. Яша усмехнулся. Сам он происходил из польских хасидов. В Люблине литовских евреев почти не было, но в Варшаве их всегда хватало. Они иначе одевались, иначе изъяснялись, иначе молились. Несмотря на теплый день, от синагоги тянуло холодом, с которым солнце так и не совладало. Яша услышал кантора, возвещавшего:

— Возвратись с милостью в Иерусалим, город Твой, и пребывай в нем, как Ты сказал...

«Вот как? Они тоже хотят в Иерусалим?» — подумал Яша. С малых лет он полагал литовских полуевреями, некоей отчужденной сектой. С трудом понимал их идиш. Он увидел, что многие из молящихся безбороды. «Что толку молиться, если бреешься? — спросил себя Яша. — Вероятно, они все-таки бороду подстригают... Это не так греховно...¹ Но зачем эти уловки, коль скоро веруешь в Бога и Тору? Если Бог существует и его Тора истинна, следует служить Ему днем и ночью... Как можно жить такой лукавой жизнью?» В бейсамедрише было битком. За всеми столами изучали Писание. Солнечный свет, проникая в окна, падал косыми столбами пыли. Молодые люди с длинными пейсами

¹ Бритье бороды благочестивым людям запрещено. Пользование ножницами считается злом меньшим. У реформированных евреев вполне допустимо.

раскачивались над Гемарой, вскрикивали, пели, жестикулировали, толкали друг друга. Один кривился, словно у него схватило живот, другой крутил большим пальцем, третий быстро-быстро перебирал кисти пояса. На всех были заношенные рубахи с расстегнутыми воротами. Кое-кто не по годам был уже беззубый. У одного борода росла черными клоками: тут — клок, там — клок. У некоего коротенького человечка она огненно краснела, голова была обрита, а вдоль щек свисали рыжие пейсы. До Яши долетело его восклицание:

— Таану ло бахитим веходуло бесойрим¹.

«Разве этого хочет Бог? — спросил Яша. — «Хитим» — это же пшеница, «сойрим» — ячмень. Речь идет снова о торговле». Ему вспомнились антисемитские разговоры: «Талмуд учит евреев ловчить». У этого человека наверняка есть своя торговлишка. А если нет — будет. Яша отыскал свободную скамью у книжных полок. Сидеть было хорошо. Он закрыл глаза и стал вслушиваться в слова Торы. Пронзительные молодые голоса смешивались с хриплыми картавыми возгласами стариков. Кто-то кричал, кто-то бормотал. Одни читали нараспев, другие напирали на отдельные слова. Яша помнил, как Вольский однажды сказал, что, мол, он, Вольский, не антисемит, но польские евреи устроили посреди Европы маленький Багдад. Даже китайцы и арабы цивилизованней. С другой стороны, евреи, которые ходят в короткой одежде и бреют бороду, — или русификаторы, или революционеры, а зачастую и те и

¹ Буквально: «Ему вменяли пшеницу, но он признал только ячмень!» (*древнеевр.*). Что-то вроде поговорки: «Ему говорят одно, а он другое».

другие сразу. Они рабочих и эксплуатируют, и сами же их баламутят. Они — клика радикалов, масонов, атеистов, интернационалистов, жаждущая все захватить, всюду доминировать, всем воспользоваться и все оплывать...

Внутри Яши все молчало. Хотя он сам скорее принадлежал к бритолицым, однако ощущал их более чужими, чем старозаветных. С детства он жил среди благочестивых, набожных хасидов. Эстер вела еврейский дом и кошерную кухню. Возможно, эти евреи и были во мнении маскилов азиатами, но у них оставались хотя бы вера, духовный очаг, история, надежда. А что обрели ассимиляторы? Ничего своего, только чужое. Тут они говорили по-польски, там по-русски, а еще где-то по-французски или по-немецки. Целыми днями просиживая у Лурсе, Семадени, Страсбургера, они попивали кофе, курили сигары, читали бесчисленные газеты и журналы, рассказывали анекдоты и смеялись смехом, который никогда Яше не нравился. Они вели собственную мировую политику, вмешивались в чужие дела, устраивали беспорядки, хотя жертвами этих беспорядков всегда оказывались их братья — евреи малоимущие... Женщины ассимиляторов мозолили глаза неевреям своими мехами, бриллиантами, страусовыми перьями, декольте...

Странное дело, стоило Яше оказаться в синагоге, и сразу начались счеты с самим собой. Да, он отошел от кошерных евреев, но к трэфным ведь не примкнул. Сейчас Яша потерял все: Эмилию, заработок, здоровье, дом, возможность заграничной карьеры. Ему вдруг вспомнились слова Эмилии: «Видно, у вас какие-то заслуги перед Господом, раз он взыскивает с вас незамед-

лительно». На небесах ему засчитывали все. Потому, вероятно, что он никогда не переставал воровать. Но чего там от него хотят? Сегодня утром за молитвой Яша это знал — чтобы он стал евреем, каким были его отец и дед. Сейчас его снова терзали сомнения. Зачем нужны Господу эти лапсердаки, пейсы, ермолки и пояса? Сколько еще следует корпеть над Талмудом? Сколько новых приговоров (диним) должен на себя повесить еврей? И как долго еще ожидать Мессию, которого ждут уже две тысячи лет. Бог — это одно, а догматы выдумали люди. Но можно ли служить Богу без догматов? Как, скажем, он, Яша, дошел до нынешней жизни? Он ведь не завел бы все свои любви и не нажил бы свои неприятности, если б носил талес-котн и молился трижды в день. Религия подобна армейскому уставу — она требует дисциплины. Голая вера, вероятнее всего, приводит к греху... Эта синагога напоминала казарму, где муштровали солдат Господа...

Яша не мог в ней больше оставаться. Его и знобило и лихорадило. Похоже, у него поднялась температура. Он решил ехать домой. Пусть арестовывают. Он готов испить чашу до дна...

Прежде чем уйти, Яша взял наугад книгу с полки, открыл где открылось и глянул на страницу, как это делал его отец, когда не знал, как поступить. Это были «Пути мира» раввина Ливы из Праги. На правой странице стоял стих Писания: «Закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла», а также толкование Гемары: «Такой человек тот, кто не смотрит на женщин, когда они моются». Яша потихоньку вспоминал древнееврейские слова. Он понял их смысл — дисциплина необходима. Если не «смотрит», не возжелает, а если не возжела-

ет — не согрешит. И наоборот, если нарушишь дисциплину подглядыванием, нарушишь и седьмую заповедь... Он сразу наткнулся на стих, соответствовавший его мыслям...

Яша поставил книгу на место, но тут же взял ее снова и поцеловал. По крайней мере книга что-то требовала, у нее для него был хотя и нелегкий, но путь. Мирские книги с него, как правило, ничего не спрашивали. Из них следовало, что он может убивать и себя и других. Яша встречал в кофейнях, кондитерских, театрах всяких писателей. Они целовали дамам ручки, сыпали комплиментами и всегда имели претензии к издателям и критикам...

Яша крикнул извозчика, сел в пролетку и велел ехать на Фрета. Он знал, что Магда устроит сцену, поэтому заранее решил, что скажет ей: «Магда, драгоценная моя, я умер. На, возьми все, что у меня есть: золотые часы, кольцо с бриллиантом, деньги и поезжай домой. И, если сможешь, прости...»

2

В пролетке Яшу почему-то охватил такой ужас, какого он никогда еще не испытывал. Он чего-то страшился, хотя, чего именно, не знал. На улице было тепло, а он не мог согреться. Его знобило и трясло. Пальцы на обеих руках побелели и скрючились, подушечки их сморщились, точно у смертельно больного или покойника. Сердце словно бы стискивал кулак. «Что со мной? — спрашивал он себя. — Я опасюсь за свое здоровье? Боюсь ареста? Пришел мой последний час? Страдаю по

Эмилии?» Он дрожал и тихонько стучал зубами. Одна нога горела, другая мерзла. Его скручивала какая-то судорога, и он едва мог вздохнуть. Яше стало так плохо, что он принялся успокаивать себя: «Не все еще потеряно! Можно прожить и без ноги... Вдруг есть выход... Даже если арестуют, как долго мне сидеть? Я ведь не украл, а всего лишь пытался...» Он откинулся на сиденье и хотел поднять воротник пиджака, но постеснялся это делать в жаркий летний день. Потом попробовал согреть пальцы под жилеткой. «Что со мной? Неужели гангрена?» Он решил завязать на левом ботинке шнурок, но, нагнувшись, чуть не выпал из дрожек. Извозчик, как видно, понял, что с пассажиром что-то неладное, потому что то и дело оглядывался. Яша заметил, что прохожие тоже на него смотрят. Некоторые даже останавливались. Извозчик наконец спросил:

- Что с вами? Мне остановить?
- Нет, поезжайте, пожалуйста.
- До аптеки, может, или что?
- Не надо. Спасибо.

Пролетка больше стояла, чем ехала. Откуда-то подкатывали телеги с дровами, платформы с мукой и огромные фургоны, в которых перевозят мебель. Битюги высекали могучими копытами искры из булыжника. На одной из улиц упала лошадь. В третий раз за сегодняшний день Яша проезжал мимо банка на Рымарской. Сейчас он даже не взглянул на него. У Яши пропал всякий интерес к банкам и деньгам. Он чувствовал к себе и к своим воровским планам непреодолимое отвращение. Оно было столь явно, что Яшу начало мутить. «Может быть, с Эстер что-то случилось?» — вдруг пришло ему в голову. Он вспомнил какой-то сон, но, едва

всплыв в сознании, воспоминание сразу растаяло, не оставив по себе никакого следа. Что это было? Животное? Стих Писания? Покойник? Сны иногда мучили его каждую ночь. Ему снились похороны, призраки, ведьмы, напасти. Он просыпался в холодном поту. В последние же недели, наоборот, — они снились редко. От усталости Яша просто валился на постель. Случалось, что он просыпался в положении, в каком заснул, однако при этом все-таки помнил, что ночью ему что-то снилось. Во сне он проживал другую жизнь, отъединенную от бодрствования непроницаемыми преградами. Иногда ему вспоминался сон о полетах или трюках, какие ни один человек не смог бы осуществить и какие были словно бы дополнением к детским шуткам, построенным на недоразумении, на игре слов или грамматической ошибке. Все бывало настолько безумно и дико, что сознание не могло ничего удержать — он сновидение как бы помнил и в то же время как бы не помнил...

Выйдя из пролетки, Яша несколько успокоился. Потихоньку поднялся по лестнице. Спыхватился, что на этот раз с ним нет не только ключа, но и отмычки. Если Магда ушла, придется ждать на лестнице. Впрочем, у дворника Антония ключ на всякий случай хранится. Подойдя к двери, Яша прислушался. Животные не подавали голосов. Он хотел постучаться, но, едва коснулся дверной ручки, как дверь отворилась сама. Яша вошел в первую комнату, и глазам его предстало жуткое зрелище. Магда свисала с потолка, а под ногами ее лежал опрокинутый стул. Яша сразу понял, что она мертва. Он не крикнул, не бросился к ней, а стоял и глядел. Она была босая и в нижнем белье. Ноги Магды посине-

ли. Лица Яша не видел — только шею и спадавший на нее узел волос. Магда напоминала огромную куклу. Он понимал, что следует позвать на помощь, но ему было почему-то совестно перед соседями, он знал, что надо подбежать и перерезать веревку, но продолжал беспомощно стоять. «Где тут нож?..» И все же он распахнул дверь и крикнул:

— Помогите, люди добрые!

Никто не явился помогать, потому что кричал Яша тихо. Он хотел крикнуть громче, но не смог. У него возникло совершенно детское желание удрать, однако он понимал, что делать этого не следует. Яша толкнул дверь в соседнюю квартиру и глухо сказал:

— Помогите! Несчастье!..

В жилье было полно босых, полуголых детей. Хозяйка стряпала, повернувшись к плите. Это была толстая баба с копной льняных волос. Она как раз чистила лук и повернула вспотевшее лицо. Увидев Яшу, она спросила:

— Что такое?

— Пойдемте! Помогите! Магда... — Больше ничего он не мог сказать.

Баба двинулась за ним и сразу заголосила. Схватив Яшу за плечи, она принялась вопить:

— Отрежьте ее! Отрежьте ее!..

Он хотел что-нибудь сделать, но женщина, вцепившись и все еще держа нож и луковицу, верещала ему прямо в ухо, которое чуть при этом не отрезала. Сбежались и другие жильцы. Яша видел, что кто-то занялся веревкой, приподнял Магду и, ослабив петлю, стаскивает ее через Магдину голову. Сам Яша продолжал стоять как вкопанный. Магду пытались откатать, раз-

водили и сводили ей руки, тянули за волосы, обливали водой. С каждой минутой народу прибывало. Появились дворник с дворничихой. Кто-то побежал за полицией. Яша видел, как Магдино тело податливо позволяет проделывать с собой все, что проделывают с теми, кто покончил с жизнью. Соседка щипала себя за щеку, крестилась. Две бабы, бросившись друг дружке в объятия, раскачивались. Яша вдруг обратил внимание, что из каморки не слышно никаких звуков. Он вошел туда и увидел, что все его питомцы мертвы. Их, как видно, придушила Магда. Обезьянка лежала с открытыми глазами. Ворона в своей клетке смахивала на чучело. Попугай лежал на боку, и на клюве его блестела капелька крови. Зачем она это сделала? Наверно, чтобы не поднимали крика... Яша потянул кого-то за рукав, показать, что увидел в каморке. В комнате появился полицейский и тут же вытащил книжку протоколов. Он вышел с Яшей на кухню, чтобы записать Яшины объяснения.

Пришел еще полицейский, затем — доктор и цивильный чиновник. Яша полагал, что его сейчас арестуют. Ему даже хотелось, чтоб его увели в тюрьму, но «начальство»¹ покинуло квартиру, приказав не трогать труп. Мужчины вернулись к своим занятиям (один был сапожник, другой — каретник). Остались две женщины: соседка, которая чистила лук, и другая — седоволосая старуха с лицом, усаженным бородавками. Магда сейчас лежала в спальне на кровати. Соседка обратилась к Яше:

- Ее нужно обрядить... Она католичка...
- Сделайте что положено...

¹ Это слово написано у Зингера по-русски.

— Надо известить парафию... Кацапы непременно устроят вскрытие.

Потом все ушли, и Яша остался один. Он хотел зайти в спальню, но испугался, испытывая давний мальчишеский страх перед покойниками. Яша открыл окна, словно желая оставаться в общении хотя бы со двором, и приотворил дверь на лестницу. Он снова собрался поглядеть на своих животных, но его удерживало их молчание. Глухая тишина стояла в квартире, напряженная тишина, полная неслышных воплей. В коридоре разговаривали и шушукались. Яша стоял посреди комнаты и глядел в окно на пролетавшую в белесо-голубом небе птичку. Вдруг заиграла музыка. Во двор пришел уличный певец с шарманкой. Он играл старинную польскую песенку о девушке, покинутой возлюбленным. К нему сбежались дети. Яша почувствовал благодарность к шарманщику, чья музыка прервала безмолвие смерти. Пока она звучала, Яша отважился войти к Магде.

Он не сразу подошел к кровати, а постоял сперва на пороге, готовый бежать в любую минуту. Лицо покойной было накрыто шалью. Яша мгновение колебался, потом подошел и приподнял шаль. Он увидел не Магду, а фигуру из какой-то неживой субстанции — воска или парафина, с чужим носом, ртом, чертами лица. Только в высоких скулах оставалось сходство. Торчали белые, костяные уши. Были сморщены, как если бы под ними не было глаз, веки. На шее проступала коричнево-синяя полоса от веревки. Магда молчала, хотя при этом как будто кричала криком, невыносимым для смертных. Вспухшие и запекшиеся губы зывали: «Глядите, что он со мной сделал! Глядите! Гля-

дите!» Яша хотел поскорей закрыть ее лицо, но у него словно отнялись руки. Это была та самая Магда, которая сегодня утром вышла из себя, а потом принесла в миске воды из крана. Но с той можно было помириться, ее можно было к себе расположить. Эта же, которая на постели, обратила мгновение в вечность, освободилась ото всего доброго и злого, перешагнула пропасть, через которую не существует моста. Яша коснулся ее лба. Он был ни холодным, ни теплым, а словно бы существовал вне температуры. Потом Яша приподнял Магдино веко. Зрачок был как у живых, но никуда не глядел; даже — в себя.

3

Приехала карета, и Магду унесли. Могучий субъект в голубом фартуке и в мятой шапке, из-под которой вылез светлый чуб, подхватил ее, словно собачонку, одной рукой, уложил на носилки и накрыл мешком. Он крикнул на Яшу и оставил какую-то квитанцию. Второй, малорослый с подкрученными усами, тоже был чем-то недоволен. От него разило водкой, и, едва Яша почувал спиртной запах, ему стало ясно, как поступить, — взять и напиться.... Он не мог больше выносить ни боли, ни страха. Яша стоял и вслушивался, как оба субъекта спускаются с носилками по лестнице. Еще он слышал, как за дверью шепчутся и что-то обсуждают. Обычно труп скрывали от служащих из прозекторской. Яша только сейчас сообразил, что ему следовало связаться с каким-нибудь пройдохой или с тем, кто опекает покойников-католиков. Но все произошло слишком быстро.

Яша оказался беспомощен. Он понимал, что соседи, ужасаясь его поступку, злословят. Он даже не проводил Магду до кареты. Его охватила странная, почти детская нерешительность. Он не решался спуститься по лестнице, боясь кого-нибудь встретить, и ждал, когда все затихнет. В комнате было уже почти темно. Он стоял и глядел на дверь, уставившись на дверную ручку, и ему казалось, что со всех сторон его обступает нечистая сила. Тишина за спиной шуршала и словно бы сопела. Яша боялся повернуть голову. Рядом затаился какой-то темный облик, готовый сцапать, вонзить зубы, когти, рога... Кто-то неотчетливый и безымянный... Яша знал его с малых лет. Он являлся ему во сне. Яша понимал, что это всего лишь плод воображения, но, затаив дыхание, оставался насторожен и напряжен. Он знал, что еще нескольких секунд этого ужаса уже не выдержит...

Шум снаружи затих, и Яша метнулся к двери, собираясь решительно открыть ее, но дверь как будто заклинило. Яша замер. Его не выпускают? Он толкнул ручку, и дверь вдруг, словно от порыва сквозняка, распахнулась. Что-то метнулось убежать. Он чуть не убил кошку. Яша в мгновение весь взмок. Захлопнув за собой дверь, он сбежал по лестнице, как если бы за ним гнались. В подворотне стоял дворник. Яша стал ждать, когда дворник уйдет к себе в сторожку. Сердце в груди колотилось. Под волосами горела кожа. Недавний ужас отступился, однако Яша понял, что никогда больше сюда не вернется...

Дворник вошел к себе, и Яша выбежал на улицу. Сейчас он чувствовал боль в ноге снова. Он стал красться по стенке. Ему хотелось только одного: чтобы никто его не видел или чтобы он не видел, что другие

его видят... Точно мальчик, сбежавший с уроков в хедере, он добрался до Францисканской и быстро в нее свернул. То, что произошло в последние двадцать четыре часа, перечеркнуло годы его взросления. Он снова был перепуганный, провинившийся школяр, мучимый страхами, о которых толком не расскажешь, самокопанием, которое никому не понять, душевной сумятицей, смахивавшей на безумие.

При всем том он оставался взрослым человеком, как те, кто, видя сны, осознает, что это сны... Напиться? Но где это можно сделать? Где тут питейное заведение? На Фрета их несколько, но там его все знают. Опять же Францисканская — еврейская улица. Здесь не пьют... Он помнил, что есть кабак на Бугае, но как туда попасть, минуя Фрета? Яша пошел к Новинярской и вышел на улочку под названием Болесь. «Все улицы должны так называться, — сказал он себе. — Весь мир — одна сплошная боль...» Он прошел Бугай и свернул. Уличные женщины уже стояли под фонарями и в подворотнях, хотя вечер еще не наступил, однако ни одна его не окликнула. «Неужели я так выгляжу, что даже они мной не интересуются?» — подумал Яша. Откуда-то появился высокий тип в клетчатой куртке, синем картузе и коротких сапогах с широкими голенищами. У него было узкое полуизъеденное лицо, а вместо носа — черная тряпица на веревочке. К нему подошла проститутка, не достигавшая этому типу до подмышки, и куда-то повела, а он неуверенно пошел за ней. Девке было не больше семнадцати. «Чего он боится? — съехидничал кто-то в Яше. — Сифилиса?..»

Яша вышел на Бугай, но кабак, о котором он вспомнил, куда-то пропал. Закрыли его, что ли? Яша хотел

кого-нибудь спросить, но постеснялся. «Что со мной? Чего я стесняюсь?» — повторял он себе. Разыскивая шинок, он понимал, что тот где-то рядом, но никак не мог его обнаружить. Вероятно, потому, что он хотел, чтобы его не замечали, все на него пялились: девки, парни, даже люди постарше. «Меня что, здесь знают? Неужели они бывают в «Альгамбре»? Не может этого быть». О нем шептались, ему смеялись в лицо. Какая-то собачонка принялась лаять и хотела цапнуть его за штанину. Шавку неловко было отгонять, хотя она захлебывалась от злобы и подняла такой лай, что даже не верилось, как такое мелкое создание может настолько разъяриться. Похоже, победоносный Яшин враг не собирался униматься, насылая все новые беды. Вдруг Яша обнаружил то, что искал. Он стоял возле кабака. Лица окружающих, словно бы знавших о его задаче и принимавших участие в подстроенной ему шутке, вдруг исказились гримасой смеха...

У него между тем пропала охота заходить в кабак (во всяком случае, в этот), но уйти было бы тоже неправильно. Это значило сдаться... Он поднялся по ступенькам, отворил дверь, и на него пахнуло горячим воздухом, паром, запахами вина, пива и еще чего-то жирного и липкого. Наигрывала гармоника, покачиваясь и приплясывая, сновали какие-то фигуры. Казалось, все тут — одна семья. Яшины глаза застлал туман, и он какое-то время ничего не мог разглядеть. Поискав столик, Яша ни столов, ни лавок не увидел. Он был точно слепой, и ему казалось, что кто-то положил поперек палку или натянул веревку, чтобы он споткнулся и упал. Он кое-как добрался до стойки, но протиснуться сквозь столпившихся там людей не смог. К то-

му же и шинкарь как раз ушел на другой ее конец. Яша полез за носовым платком, утереть пот, но платка в брючном кармане не оказалось. Двинуться ни вперед к стойке, ни назад к выходу Яша теперь не мог. Он словно бы угодил в западню. Капли пота текли в глаза. Желание выпить сменилось отвращением. Снова скопилась во рту безвкусная водица, и снова заплясали перед глазами искры — две большие искры, горевшие как угли.

— Что желаете? — услышал он.

— Я?

— Вы, а кто же?..

— Нельзя ли стакан чаю? — сказал Яша, поражаясь собственным словам, как если бы сам себе подставил подножку или сам себя выставил на посмешище. В ответ какое-то время помолчали, потом сказали:

— Это не чайная, а распивочная.

— Тогда водки...

— Стопку или бутылку?

— Бутылку.

— Четвертинку? Шкалик?

— Шкалик.

— Сорокаградусной? Шестидесятиградусной?

— Шестидесяти.

Странно, но никто не засмеялся.

— Закусить желаете?

— Разумеется.

— Соленым коржиком?

— Соленым коржиком.

— Извольте сесть, я принесу.

— Что-то я не вижу, где тут сидят.

— Вот. У стола.

И Яша вмиг увидел столик. Совсем как на сеансах гипноза, о каких читал в журналах и какие сам неоднократно показывал...

4

Он сел и только сейчас понял, как устал. Ботинок на левой ноге тисками сдавливал распухающую ногу. Яша принялся под столом его расшнуровывать. Он вспомнил стих Писания: «И вот я близок смерти, что мне в первородстве?» Внезапно страх, тревога и замешательство исчезли. Глядят ли на него, трунят ли, Яшу больше не заботило. Развязать узел на шнурке не вышло, и, сильно дернув, он шнурок оборвал. Потом стащил ботинок. Болезненный жар вмиг пошел от стопы вверх по ноге. «Это гангрена... — сказал себе Яша. — Скоро я повидаюсь с Магдой...» Он щупал ногу, а опухоль ползла вверх, взбухая как тесто, о котором разглагольствовал парикмахер. «Интересно, когда они тут закрываются? Надеюсь, не скоро...»

Хотелось одного: сидеть, не двигаться. Он закрыл глаза и целиком погрузился в свой мрак. Где сейчас Магда? Что с ней проделывают? Наверно, разрежали и изучают по ее телу анатомию... Он съезжился от этой кошмарной мысли. Что скажет Елизавета? Брат? Столько всего сразу...

Человек принес бутылку водки, стопку и плетенку соленых коржиков. Яша налил полстопки и быстро, как лекарство, опрокинул. У него загорелось в носу, в горле, в глазах. «Надо растереть ногу водкой. Алкоголь, кажется, помогает...» Он вылил на ладонь водки, на-

гнулся и втер ее в косточку. «Все уже поздно!» Потом выпил вторую стопку. Алкоголь ударил в мозги, но легче Яше не стало. Ему представилось, как Магде отрезают голову, разрезают живот... Всего несколько часов назад она принесла с базара курицу, собираясь варить обед... «Зачем она так?.. Зачем?» — зывало в нем что-то. Он же от нее часто уходил. Она знала все его увлечения... Было трудно поверить, что вчера в это время он был еще здоров и собирался репетировать сальто на проволоке... Что у него были Магда и Эмилия... Несчастья обрушились на него, как на Иова. Он ошибся только раз, и сразу всё потерял... всё.

Сам собой напрашивался выход: со всем покончить. Но каким образом? Как Магда? Броситься в Вислу? Эстер можно только пожалеть. Нет, она не останется по его милости покинутой женой. Пусть хотя бы сможет выйти замуж... Он едва сдерживал тошноту... Что ж, вот и он, Яша, в руках смерти, то есть среди тех, от кого отвернулась жизнь.

Яша взялся было за бутылку, но пить больше не хотелось. Он закрыл глаза. Гармоника не переставала играть. Шум в пивной усиливался. Хотя Яша решил умереть, нынешней ночью ему все-таки надо было где-то переночевать. Яше еще предстояло многое обдумать. Но куда с такой ногой пойдешь? Вот если бы днем, а так все закрыто. Гостиница? Какая? И как туда пешком доберешься? Извозчика на этих улицах не найти. Он решил натянуть ботинок, но тот куда-то подевался. Яша стал шарить ногой. Ботинка нигде не было. Украли, что ли? Яша открыл глаза и увидел зал, полный пьяниц: разгоряченные лица, дикие взгляды. Кто-то размахивал руками, кто-то пытался ходить, кто-то словно

бы пробовал бороться, другие — драться, целоваться, обниматься. Кельнеры в грязных фартуках разносили водку и закуску.

Музыкант, игравший на гармонике, в такт музыке гнулся чуть ли не до земли, изображая этим, что изнемогает от удовольствия. Пол был посыпан опилками. В трактире, вероятно, имелось еще помещение, поскольку откуда-то доносились звуки фортепиано. Вокруг керосиновой лампы абажуром клубился пар. Напротив Яши сидел длинноусый детина со шрамом на лбу. Он корчил Яше рожи и подавал какие-то знаки. Нечистая радость смеялась в его глазах — растерянная радость человека, находившегося на грани безумия.

Яша нагнулся и рядом с собой — несколько сбоку — нашел ботинок. Он попытался его надеть, но ботинок уже не налезал. Яша вспомнил историю, которую слышал в хедере, как Титу сообщили, что его отец скончался, и он не смог после этого обуться, ибо сказано: «От доброй вести тучнеют кости». Каким теперь все было далеким: рабби реб Мойша Годл, ученики, глава в Талмуде, рассказывающая про Камцу и Бар-Камцу¹, которую изучают перед Девятым Аба. «Не сидеть же тут до закрытия! Надо куда-то деваться!..»

Яша кое-как обулся, но зашнуровывать ботинок не стал. Затем, постучав стопкой о бутылку, позвал кельнера. Детина напротив принялся смеяться, щеря сломанные зубы и при этом как бы намекая, что им с Яшей надо устроить кому-то каверзу. «Как такой живет? — не мог взять в толк Яша. — Он что, настолько пьян? Или

¹ Притча про Камцу и Бар-Камцу повествует о вражде этих двух людей. Традиционно считается, что она символизирует раздоры между евреями, приведшие к разрушению храма.

спятил? Есть ли у него близкие? Знает ли он какую-нибудь работу? Быть может, с ним уже случилось что-нибудь вроде того, что произошло со мной?..» У детины изо рта текла слюна; а из глаз — от смеха — слезы. «Ведь он чей-то отец, муж, брат, сын...» Черты смеющегося человека отмечала нееврейская дикость. Он как бы пребывал еще в тех перевозданных чащах, откуда вышло человечество. «Такие смеясь умирают!» — сказал себе Яша. После долгих призывов явился кельнер. Яша расплатился. Он едва шел. Каждый шаг сопровождался болью.

Несмотря на позднюю пору, на Бугае было полно народу. На порожках, стульях и ящиках сидели женщины. Некоторые сапожники вынесли свои скамеечки и работали при свечках. Даже дети еще не спали. Со стороны Вислы долетали теплые ветерки. Водостоки смердели. Над крышами, словно бы озаренное недалеким пожаром, краснело небо. Яша стал высматривать извозчика, но было ясно, что прождать его можно целую ночь. Останавливаясь через каждые несколько шагов, он пошел по Цельной, перешел на Свентоянскую и вышел на Замковую площадь. У Яши был жар, и его мучило, словно при переполненном желудке. У каждой подворотни, под каждым фонарем стояли уличные женщины. Пошатываясь, бродили пьяные, словно ища где бы упасть. Какая-то полоумная баба с всклоченными волосами и глазами, полными радостного безумия, сидела в открытых дверях под балконом. В руках она держала корзинку, набитую тряпками. Яша опустил голову — ему отпрыгнулось, и все внутри наполнилось от этого какой-то неведомой горечью. «Вот он — мир!» В каждом втором или третьем доме лежал покой-

ник. Множество людей обреталось на улицах, спало на скамейках, на берегах Вислы, валялось среди мусора. Город окружали кладбища, тюрьмы, больницы, сумасшедшие дома. На каждой улочке, в каждом углу таились убийцы, воры, насильники, дегенераты. Всюду было полно полицейских, жандармов и незаметного вида субъектов, смахивавших на тайных агентов.

Проехал извозчик, Яша ему махнул, но возница, поглядев на него, поехал дальше. Появился еще извозчик, но тоже не остановился. «Что эти собаки себе думают? Что они имеют ко мне?» Остановился, сперва поколебавшись, третий. Яша сел.

— В гостиницу.

— В которую?

— Все равно. Просто в гостиницу.

— В «Краковскую»?

— Пусть будет в «Краковскую».

Извозчик стегнул лошаденку, и пролетка покатила через Подвалье к Медовой и Ново-Сенаторской. На Театральной площади было полно народу. В Опере, наверно, давали какое-то гала-представление, потому что на площади теснилось бессчетно экипажей. В кофейнях шипел газовый свет. Мужчины громко разговаривали, дамы смеялись. Никто из них и понятия не имел, что некая Магда повесилась, а некий штукар из Люблина скрючился от боли. «Они будут болтать и смеяться, пока не станут дерьмом», — сказал себе Яша. Теперь ему казалось странным, что сам он дни и ночи только и думал, как развлечь эту публику. «Чего я добивался? Чтобы эти пляшущие на гробах швырнули немножко аплодисментов? И ради этого я стал вором и убил человека...»

Извозчик остановился у «Краковской».

Но тут до Яши дошло, что с гостиницей ничего не получится. У него не было с собой паспорта.

5

Яша расплатился и сказал подождать. Он попробовал уговорить портье сдать номер, но маленький человек, стоявший у стенки, увешанной ключами, оказался несговорчивым.

— Нельзя без паспорта. Строго запрещено.

— А если потеряешь документы? Умирать?

Портье пожал плечами:

— У нас такие правила.

«Им неизвестно, что такое разум», — пробормотал кто-то в Яше. Его отец так высказался однажды о русских и польских законах.

Яша вышел, но его извозчика переманили. Он стоял и глядел, как пролетка удаляется. Рядом был парапет, и он сел. Ему пришло в голову, что уже вторую ночь он проводит, шляясь по улицам. «Если все и дальше покатится так стремительно, то завтра в это время я буду, наверно, лежать в могиле». Здесь тоже было полно проституток. Напротив Яши, на другой стороне улицы, стояла одетая в черное женщина с длинными серьгами. Она походила на домовитую особу средних лет, но поглядела на него взглядом потаскухи. Как видно, она была из незарегистрированных, предлагающих любовь во дворах и на лестницах. Она глядела не отрываясь, словно бы хотела его загипнотизировать. В какой-то момент ее взгляд сов-

сем уж умоляюще прильнул к нему. Казалось, она говорила: «Раз мы в схожем положении, почему не пойти вместе?..» В свете газового фонаря Яша различал морщины на ее лице, румяна, которыми она подкрасила скулы, тушь вокруг больших темных глаз. У него больше не было сил терпеть свои муки, и досада не покидала его. «Вот как они действуют, силы, повелевающие человеком, играющие с ним до тех пор, пока не выбросят на свалку. Но почему со мной? Почему с ней? Чем она хуже тех, кто в ложах Оперы наводит друг на друга бинокли и лорнеты? Случайность? Если так, значит, случайность — Бог. Но что оно такое — случайность? Может ли Вселенная тоже быть случайностью? А если все вместе не случайность, может ли какая-то часть быть случайна?»

Он сидел и думал. Итоги собственной жизни представлялись ему все отчетливее. В этом сезоне играть не придется. Магда мертва. Эмилия потеряна. Завтра вся Варшава узнает, что он вор. Уехать? Куда? И что он будет делать в чужой стране, не зная языка? И как долго это продлится? Надвигается старость. Сам он не склонен ей поддаваться, но в нем, между прочим, уже довольно хворей. Где-то подстерегает его болезнь, смерть. Никто в их семье не жил долго: ни отец, ни мать, ни бабушка. Он вдруг вспомнил, что даже не поставил на могиле родителей надгробие. Все откладывал, пока не стало слишком поздно. А может, ему только показалось, что стало поздно. У него фактически не нашлось на это времени. Каждое мгновение своей жизни он потратил или на фокусы, или на женщин. Он, гипнотизер, был загипнотизирован сам. Жил как полоумный. Но могло ли такое быть целью его существ-

вования? Послан ли он в мир для того, чтобы разрушать себя и других?..

Яша захотел сказать молитву, но постеснялся. Позволительно ли ему произносить молитву? Могут ли нечистые его губы назвать Имя Божье? Существует ли для него покаяние? Если да, то чего он ждет? Времени, когда будет в агонии? «Господи Боже, спаси меня! — бормотал Яша. — Мне нечем дышать...» Летняя ночь была душной, а ему было не согреться. Яша опустил голову, словно его давило страшное бремя. Он бормотал, не соображая, что именно бормочет: говорит ли молитву или же исповедуется...

Появился извозчик, и Яша его окликнул. Тот остановился. Яша сел в пролетку. Шлюха по ту сторону улицы взглянула с упреком. Ему почудилось, что она слышно сказала: «Меня тоже бросаешь?..» Извозчик оборотился, но Яша все еще не знал, куда поедет. Он хотел было сказать в больницу, но услышал собственный голос:

- На Низкую.
- Какой номер?
- Не помню. Покажу. Возле Смочьей.
- Поняли...

Было безумием ехать в эту полуночную пору к рыжей женщине и альфонсу из Буэнос-Айреса. Но выбора не было. У Вольского — жена и дети, и Яша понимал, что явиться к нему в таком состоянии не может. К тому же он ему задолжал. «А если разбудить Эмилию? Это просто не иметь никакого самолюбия... Даже Зевгл мне теперь не обрадуется». Он было подумал поехать на вокзал — возможно, удастся купить билет на Люблин, — но тут же спохватился, что делать этого пока не следу-

ет. Надо похоронить Магду. Нельзя бросить покойницу и сбежать. К тому же полиция наверняка уже знает, что он и есть тот вор, который прошлой ночью пытался ограбить Заруского. Лучше, чтобы арестовали здесь, не в Люблине. По крайней мере при этом не будет Эстер. Да и Болек сразу захотел бы с ним поквитаться. Он же несколько лет назад пригрозил, что прикончит Яшу...

Извозчик ехал через Тломацкое, Лешно, а потом по Железной. Затем свернул в Смочью. Яша как бы и не дремал, но был словно оглоушенный. Странно, что стыд явиться сейчас к Зевтл и обнаружить ей и остальным, в каком он, Яша, положении, был куда сильнее горя по поводу Магды или страха потерять ногу. Яша достал из нагрудного кармана гребенку и причесался. Наугад поправил галстук. Он стал размышлять о деньгах. Похороны обойдутся в несколько сотен, а кроме пары рублей, которые у него были с собой, Яша больше ничем не располагал. Можно было бы продать лошадей, но если Яшу разыскивает полиция, его арестуют, едва он появится в квартире на Фрета. Разумней всего было бы самому явиться в полицию. Он бы забрал сразу ночлег, а может быть, даже врача и больницу. «Что ж, это хороший выход! — поддакнул внутренний голос. — Но что для этого сделать? Подойти к городскому? Сказать, чтобы извозчик ехал в участок?» Насколько на тех улицах было полно полиции, настолько тут было не видать ни одного стражника. Улица была пуста, все подворотни заперты, все окна темны. Он хотел было сказать вознице, чтобы тот ехал в ближайший участок, но постеснялся. «Решит, что я ненормальный... И так глядит с подозрением, увидев, что я хромаю...» При всех своих неурядицах Яша не мог не

испытывать гордыни или желания избавиться от нее. «Единственный выход — смерть! — сказал он себе. — Довольно с меня. Быть может, уже нынешней ночью...»

Это решение его сразу успокоило, и он как бы сразу перестал о чем либо думать.

Пролетка свернула на Низкую и покатила на восток в сторону Вислы, однако Яша никак не мог узнать дом. Он помнил дощатый забор с калиткой, но похожего двора тут не было. Извозчик остановился:

— Может, оно возле Окоповой?

— Возможно.

— Здесь не поворотить...

— Я, пожалуй, сойду и найду сам, — сказал Яша, понимая, что совершает ошибку, ибо каждый шаг давался ему с трудом.

— Тогда чего ж...

Яша расплатился и сполз с дрожек. Он отсидел большую ногу в коленке. Извозчик уехал, и Яша только сейчас обратил внимание, как вокруг темно. Считанные керосиновые фонари, ко всему еще и закопченные, стояли нечасто. Улица была немощеная, вся в рытвинах и ухабах. Яша огляделся, но ничего не увидел. Он словно бы очутился в провинциальном городке. «Может, это и не Низкая! Может, Милая или Ставки?» Яша полез было за спичками, хотя знал, что их у него нет, и двинулся, хромая, к недалней Окоповой. Что ни говори, его появление здесь — безумие. «Покончить со всем? Но как это сейчас сделаешь? Посреди улицы не повесишься и не отравишься. Идти к Висле? Туда несколько верст». На него повеял ветерок, и он понял, что это с кладбища. Ему стало смешно. Попадал ли кто когда-нибудь в подобную передрыгу? Он дотащился до

Окоповой, но дом рыжей женщины как сквозь землю провалился. Он поднял глаза. Небосвод раскинулся полночной темнотой, усыпанной звездами, и был занят своими горными делами. Не было никакого знака, что там озабочены неким земным штукатуром, угодившим в ловушку. Яша достиг кладбищенского забора. Здесь лежали те, кто эту жизнь уже отжил и подвел итог. Яше пришло в голову, что, если кладбищенская калитка открыта и есть открытая могила, он войдет, растянется в ней и приложится к народу своему.

Что ему еще оставалось?

6

Однако он вернулся туда, откуда шел. К болям в ноге он притерпелся. Пусть дергает, пусть горит, пусть нагнаивается. Он дошел до Смочьей и двинулся дальше. Внезапно перед ним вырос тот самый дом. Вот они — забор и калитка. Яша толкнул ее, и она распахнулась. Он сразу увидел лестницу в жильё Германовой сестры. Странно, но в доме не спали. В окне краснелся свет керосиновой лампы. «Ну, погибнуть, значит, мне не суждено!» — сказал себе Яша. Ему было неловко, что он явился незванный, хромой, падший, но выбора не было. Он ободрял себя. «Что ж, такие вещи случаются! Они же не выгонят! А если выгонят, то Зевтл пойдет со мной. Она меня любит...» Окошечный свет в ночи словно бы вернул его к жизни. «С ногой они что-нибудь придумают. Вдруг еще не поздно...» Он раздумывал, не крикнуть ли: «Зевтл! Зевтл!» — и таким образом предупредить о своем приходе. Однако решил, что это глу-

по. Яша доковылял до лестницы и стал подниматься. Он шумно ступал, чтобы наверху услышали и вышли навстречу. Он даже заготовил первую фразу: «Незванный гость! Со мной приключилась невероятная история...» Однако люди в доме слишком были заняты собой, чтобы расслышать происходившее снаружи. «Что ж, все надо пережить, — подбадривал себя Яша. — Какую надпись выгравировал тот ювелир на перстне? «И это пройдет...» Он подошел к двери и тихо постучал. Ответа, однако, не было. «Наверно, они в другой комнате», — решил Яша. Он постучал сильнее, но шагов не послышалось. Он стоял смущенный, униженный, готовый поступиться последними остатками самолюбия. «Пусть это будет расплата за твои грехи», — словно бы услышал он чей-то голос. Теперь Яша постучал трижды, громко и настойчиво, однако снова без результата. Он подождал и прислушался. «Спят там, что ли?» Яша повернул дверную ручку, и дверь отворилась. В кухне горела лампа. На железной койке лежала Зевтл, рядом с ней — Герман. Оба спали. Герман сопел громко и тяжело. Все в Яше онемело. Он стоял и глядел. Потом отошел в сторону, чтобы остаться незамеченным, если кто-то их них откроет вдруг глаза. Яшу объял стыд, какого он никогда еще не испытывал, стыд не по поводу зрелища и не за них, а за себя — позор тех, кому выпадает убедиться, что при всем своем уме и опыте они остались в дураках.

Яша и сам потом не помнил, как долго стоял — минуту, несколько минут? Зевтл лежала лицом к стене, волосы ее были распущены и придавлены тушей Германа. Герман был не голый, на нем имелось что-то вроде рубашки или майки. Трудно было поверить, что эта уз-

кая кровать выдерживает такую тяжесть. Мертвенный оттенок лежал на лицах обоих, и если бы Яша не слышал сопения Германа, могло показаться, что их кто-то прикончил. Обе эти израсходовавшиеся фигуры, по виду чуть ли не манекены, были накрыты углом одеяла. «Где его сестра? — подумал Яша. — И с чего бы это оставлена лампа?» Он был удивлен и удивлен тем, что удивляется. Он переживал внутри себя печаль, пустоту, несусветный стыд. Это было похоже на виденное Яшей пару часов назад, когда он обнаружил Магду повесившейся. Та же самая рука дважды за день открыла ему то, чему надлежит оставаться сокровенным. Он узрел позор смерти и срам прелюбодеяния и понял, что это одно и то же. Стоя так и глядя так, он знал, что преображается, что больше никогда не будет прежним. Минувшие сутки не походили ни на какие другие. Они стали итогом его жизни, печатью, скрепившей бесповоротное. Он внезапно достиг конца пути...

Прошло три года. В большой комнате Яшиного дома стоял шум и гам. Эстер и обе ее помощницы дошивали подвенечное платье. Оно было таким пышным и с таким длинным шлейфом, что занимало целый раздвинутый стол. Эстер со швейками хлопотали вокруг, точно карлики возле великаньего доспеха. Одна из девушек вытягивала наметку, вторая подшивала тесьму. Эстер, пробуя пальцем утюг — не слишком ли горячий, — разглаживала морщинки между оборок. Прежде чем гладить, она набирала ртом воду из кружки и прыскала нужное место. На лбу у Эстер блестели капельки пота. Что может быть хуже дыры от утюга на подвенечном платье? Атлас — белый и нежный, одна подпалина — и вся работа пропала. Меж тем черные глаза Эстер улыбались. Она была не из тех, кому случается спалить чужое платье. Хотя рука ее выглядела маленькой, а запястье узким, утюгом Эстер орудовала ловко и уверенно.

То и дело она поглядывала в окно, выходявшее во двор. Хотя строеньице из кирпича, или «тюрьма», как называла его Эстер, стояло там уже больше года, при-

выкнуть к нему Эстер не могла. Оно только и бросалось в глаза. Порой, когда Эстер вдруг забывала о случившемся, ей казалось, что во дворе на праздник Кущей поставлен шалаш. Окошко обычно задергивалось занавеской, но сегодня требовалось больше света.

За три года Эстер несколько сдала. В уголках глаз появились морщинки. Лицо пополнело и приобрело оттенок перезрелого плода. Прядки, выбивавшиеся из-под платка, были скорей седые, чем черные. Разве что глаза оставались молодыми и блестели точно две вишни. На сердце у нее все три года было невесело, тем не менее она шутила с помощницами и отпускала портновские прибаутки насчет невесты, жениха и шаферов. Девушки, помалкивая, переглядывались. Их мастерская считалась теперь необыкновенной. Они тоже ни на секунду не забывали о стоявшем во дворе маленьком домике с оконцем, но без дверей, в котором велел заточить себя шуткарь Яша, или как его сейчас называли — Кающийся.

Когда вся история начиналась, город заходил ходунном. Раввин реб Авраам Эйгер послал за выдумщиком и попенял, что замышляемое Яшей — дело нееврейское. Да, в Литве какой-то человек вздумал замуровать, но польские евреи этого не держались. Мир сотворен для свободного выбора. Адамовым детям вменяется непрестанно делать выбор между добром и злом. Невелика штука себя замуровать — велика штука, будучи свободным, не ступить на путь несправедный. Человек, лишенный выбора, все равно что покойник. Однако Яше тоже было что возразить. Наняв учителя заниматься Мишной, талмудическими агадами, Мидрашем, Гемарой и даже книгой «Зогар», он за полтора года сво-

его покаяния превзошел многие премудрости, а посету напомнил рабби о таннае, выколовшем себе глаза, дабы не лицезреть женщин. Еще привел в пример многих праведников, налагавших на себя ограничения, чтобы противостоять соблазну. Разве некий еврей в Щебрешине не дал обет молчания, чтобы не злословить? Разве музыкант из Ковеля не прикидывался тридцать лет слепым, чтобы не глядеть на чужую жену? Многие древние установления больше не удерживали человека от прегрешений. Молодые люди, бывшие при дебатах Яши с раввином, до сих пор вспоминают тогдашний разговор. Невозможно было поверить, что за полтора года этот штукать, этот бритомордый, этот гульгяй столь изобильно вкусил от Торы. Раввин беседовал с ним как с равным. Яша стоял на своем. Прежде чем попрощаться, рабби возложил на Яшину голову ладонь, благословил и сказал: «Ты полагаешь это во имя Небес. Да поможет тебе Всемогущий!»

И подарил медный подсвечник, дабы Яша мог зажечь свечу вечером и в день пасмурный.

В шинках Песков и Люблина бились об заклад насчет того, сколько просидит Яша в добровольной могиле. Одни говорили — неделю, другие — месяц. Что же касается начальства, оно обменялось мнениями, дозволяются ли таковые действия законом. Даже губернатора держали в курсе дела. Пока Яша восседал на стуле посреди двора, а каменщики клали вокруг стены, дом Эстер осаждали сотни людей. Чтобы увидеть, как замуровывают человека, дети карабкались на деревья и лезли на крыши. Почтенные евреи заходили порассуждать о разумности затеянного и сказать Яше свое мнение. Благочестивые еврейки пытались его отгово-

рить. Эстер так рыдала и убивалась, что совершенно охрипла. Женщины отвели ее на кладбище к могилам цади́ков, моли́ть святы́х покойников, чтобы сердце мужа повернулось к сочувствию и чтобы он, хотя фактически и оставался дома, не делал из нее покинутой вдовы. Но ни доводы, ни крики, ни заклинания не помогли. Стены росли от часа к часу. Яша определил себе места четыре локтя в длину и четыре в ширину. Даже кровать бы не поместилась. Яша загодя отпустил бороду и пейсы, облачился в широкий талес-котн, долгополый лапсердак и бархатную ермолку. Покуда рабочие работали, он углубился в святую книгу. Весь его скарб состоял из кучега набитого соломой тюфяка, стула, маленького столика, тулупа — укрываться по ночам, медного подсвечника, подаренного рабби, кувшина для воды, черпачка к нему, нескольких святы́х книг и лопаты — зарывать нечистое. Чем выше поднимались стены, тем отчаянней звучали рыдания. Тогда Яша встал и обратился к женщинам:

— Чего вы плачете? Я еще не умер!

— Лучше бы ты умер, — крикнула, не помня себя от горя, Эстер.

Толпа была столь многолюдна, и стоял такой гвалт, что прискакали жандармы и всех разогнали. Градоначальник, дабы покончить с этим базаром, велел каменщикам работать день и ночь. Через двое суток все было готово. Постройку покрыли гонтовой кровлей, а для света и передавания еды оставили оконце, к которому изнутри была прилажена ставенка. Первые недели народ все еще собирался во множестве, но когда пошли дожди, а потом снег, посетителей поубавилось. Ставенка весь день бывала притворена. Чтобы не досаждали

непрощенные гости, Эстер велела починить забор. Утверждавшие, что Яша больше месяца или даже недели не высидит, проиграли. Минули зима и лето, снова наступила зима, а штукатур Яша, повсюду теперь известный как реб Янкеле Кающийся, по-прежнему оставался в своем добровольном узилище. Эстер два раза в день приносила еду: хлеб, гречневую кашу, картошку в мундире, воду — и в те немногие минуты, которые Яша ради нее отрывал от своих занятий, с ним разговаривала.

2

Снаружи стояла жара и светило солнце, а в Яшиной камерке было темно и холодно. Тем не менее солнечные лучи и теплые ветерки нет-нет и проникали к нему. Когда Яша отворял ставню, случалось, что залетали даже бабочка или шмель. Порой доносилось чирикание птиц, мычанье коровы на болоте, плач ребенка. Днем свечу можно было теперь не зажигать. Яша сидел за столиком, погрузившись в «Скрижали завета». Прошедшей зимой бывали дни, когда, чтобы избавиться от холода и сырости, хотелось разобрать стенку. Яшу донимал сухой кашель. Появились боли в суставах. Он часто мочился. По ночам, ложась одетым и закутанным в тулуп, а потом накрытый одеялом, просунутым Эстер в оконце, Яша не мог согреться. От земли тянуло страшным, пронизывающим до костей холодом. В темноте Яше иногда казалось, что он уже в могиле, а иногда Яша и сам призывал смерть.

Сейчас, однако, снова было лето. Справа от камерки росла яблоня. Листья ее шелестели. Где-то невдале-

ке устроила гнездо ласточка и носилась целыми днями, таская птенцам червяков и букашек. Когда Яша не без труда выставил в оконце голову, он увидел поля, голубое небо, крышу синагоги, а чуть дальше — башню монастыря. Желание выбраться умерялось сознанием того, что, вытащив пару кирпичей, или протиснувшись в окошко, или подняв, наконец, гонтовую кровлю, побег можно было совершить в любую минуту. Однако он понимал, что снаружи его ожидают страсти, тревоги, страх перед завтрашним днем.

Пока Яша оставался затворником, он упасался от куда более тяжкой участи. Здесь все тяготы его были иными, чем на воле, тут он словно бы снова стал младенцем в материнской утробе, и снова свет, про какой говорится в Талмуде, сиял над Яшиной головой, меж тем как ангел обучал его сразу всей Торе. Он больше не был мотом. Пища, потребляемая им за день, обходилась в несколько грошей. Яша не испытывал нужды в одежде, вине, водке, деньгах, и странно было вспоминать варшавские траты или гастрольные издержки. Сколько бы он тогда ни зарабатывал, денег все равно не хватало. Он держал зверинец, накопил полные шкафы одежды, постоянно входил в новые расходы. Задолжал Вольскому. Брал деньги под процент у варшавских и люблинских ростовщиков. Постоянно выписывая векселя, искал жирантов¹, задаривал подарками, но ни разу не смог ни у кого выкупиться. Он барахтался в страстях, как в сетях, и сети эти становились всё гуще. Ему было мало разгуливать по канату, приходилось все время изобретать новые трюки, выполняя которые недолго было

¹ Жирант — лицо, делающее на векселе передаточную надпись.

сломать шею. Он сделался вором. Что еще было нужно, чтобы сейчас томиться в тюрьме настоящей?..

Здесь, в камере, все внешнее отваливалось, точно шелуха или, скорей, скорлупа. Яша словно бы рассек ножом сеть. Одним махом расчелся по всем счетам. Эстер на себя зарабатывала. Он расплатился с долгами: Елизавете и Болеку отдал лошадей с телегой, Вольскому — мебель с улицы Фрета, костюмы и реквизит. Сейчас, кроме натальной рубахи, у Яши ничего не было. Но довольно ли этого, чтобы искупить грехи? Возможно ли, облегчив собственную беду, избыть совершенные тобой гнусности?..

Лишь тут, в тиши кирпичной камеры, смог он осмыслить, чего только не натворил, скольких обрек на муки, на отчаяние, на смерть. Он не был разбойником с большой дороги, но тоже убивал. Что за разница как? Перед земным судьей (каковой тоже убийца и сплошь в грехах) он бы еще оправдался, но Создателя не купишь и не обманешь. Он, Яша, губил людей не по неведению, но по умыслу. Магда из могилы взывала об этом. Он был виновником и еще многого, в чем только сейчас мог себе признаться. Просиди Яша тут хоть сто лет, все равно всего не замолишь. Одним раскаянием такого не избыть. Нельзя покаяться, не вымолив прощения у обиженного тобой и прощения этого не получив. Если кому-то задолжал хотя бы грошик, следует человека разыскать и долг вернуть, даже если разыскиваемый уехал за моря. Так стоит в святых книгах.

Всякий день Яша вспоминал всё новые вины. Он нарушил каждое указание Торы, преступил всякую из десяти заповедей, причем, строго спрашивая с других, полагал себя порядочным человеком... Что значат ны-

нешние невзгоды по сравнению с ущербом, какой причинял он ближним? Яша знал: истинная расплата только еще предстоит — на том свете надо будет держать ответ за каждый шаг, каждое слово, каждую мысль. Оставалось уповать, что Господь милосерд и милостив, а добро в итоге восторжествует над злом. Но что есть зло? Целых три года он корпел с учителями над «Благодатью росы», «Пардесом» и даже «Древом жизни»¹. Он уже знал, что скорлупа (то есть зло) не более чем сокрытие Бесконечного Света — ограничение, положенное Бесконечным самому Себе, дабы сотворить мир, а значит, стать Творцом и являть милосердие своим созданиям. Что пользы в царстве без народа? У царя должен быть народ, Создатель обязан творить, даятель иметь кому давать. Где-то Всевышний непременно придет к своим детям. Без них Он не Отец. Однако того, что Он ведет их милостивой рукой, не довольно. Им самим — по собственной воле и свободному выбору — надлежит учиться ходить по праведной стезе... Все миры рассчитывают на это. Ангелы и серафимы ждут не дождутся, чтобы Адамовы дети пребывали праведными, чтобы с глубоким чувством молились и жертвовали хоть грошик. Всякий благочестивый поступок ведет к духовному исправлению. Каждое слово Торы вплетено в венец Божьей Благодати, малейший же грех наносит урон мирам и отдаляет Вызволение.

Увы, и в камерке Яшу не оставляли сомнения в вере. Углубляясь в святыя книги, он, случалось, безо всякой на то причины задумывался: «Откуда известно, что в

¹ «Благодать росы», «Пардес», «Древо жизни» — основополагающие труды по кабале.

них истина? А если Бога нет? А если Тора сочинена людьми? Вдруг я понапрасну казню себя?» Он явственно слышал, как злой дух нашептывает, ехидничает, напоминает о прежних радостях, подбивает начать все сначала... Всякий раз, чтобы упастись от беса, Яше приходилось прибегать к хитростям. Он делал вид, что с искусителем согласился, но уходить на волю не спешил... Однажды он даже сказал: «Допустим, сатана, что Бога нет, но слова, произносимые во Имя Его, они же справедливы? Когда люди решат строить свое счастье на несчастье ближнего, в беде окажутся все. Если Бога не существует, Богом должен быть человек...» В другой раз Яша злему духу заявил: «Кто же создал мир? Откуда я и откуда ты? Кто причиной, что снег падает, ветер веет, мои легкие дышат, мозг мыслит? Откуда взялись Земля, Луна, звезды? Чья-то рука должна была начертать свитки, исполненные бесконечной мудрости? А если собственные глаза убеждают нас, что это премудрость, почему не уверовать, что за ней стоит милосердие Творца?..»

Подобные препирательства продолжались дни и ночи. Яша едва не повредился в уме. Иногда супостат отвязывался, и Яша снова укреплялся в вере. Он воочию зрел Господа, чувствовал Его руку, Его призор, Его око. Его милость. Ощущал вкус добродетели, сладость молитвы, благоухание Торы. С каждым днем Яше становилось ясней, что постигаемые им книги ведут к добру, к вечной жизни, к осмыслению цели творения, меж тем как прозябание, от которого он удалился, вело к шутовству, беззаконию, воровству, злодействам. Срединного пути не было. Один шаг, удаляющий от Господа, неукоснительно ввергает нас в геенну...

3

Святые книги остерегали Яшу и от самоуспокоенности. Злой дух не дремлет. Искушениям конца не бывает. Даже когда человек в агонии, к нему является Самаил и тщится совратить в службу идолам. Яша испытал это на себе. Эстер приходила чуть ли не ежечасно и стучала в ставню. Она плакала и сетовала на свои беды, а по ночам будила и требовала, чтобы Яша через окошко целовал ее лицо. Эстер не пренебрегла никакой женской уловкой, соблазнявшей на греховные мысли и мешавшей постижению истины. Кроме этого, к Яше, как к человеку благочестивому, потянулись люди. Посетители искали совета, совали записки, набивались даже в секретари. Яша просил оставить его в покое, так как он не рабби и даже не сын рабби, а простой еврей, причем грешник. Все напрасно! Люди пробирались во двор, стучали в ставенку, пытались даже ее сорвать. Женщины рыдали, кричали, а когда убеждались, что этим ничего не добьешься, остервенело кляли его и скандалили. Эстер жаловалась, что ей мешают работать. Яше стало страшно. Он был готов ко всему, но не к такому. Он сам нуждался в совете. Но возможно ли отталкивать ближних и таким образом огорчать их? Не гордыня ли это? И позволительно ли такому, как он, подобно раввину выслушивать жалобы? Что пользы людям от искушенности его души вкупе с посылаемыми его душе искушениями? После долгих колебаний и бессонных ночей Яша решил написать письмо люблинскому ребе. Оно было на простом идише. Изложив цадику обстоятельства, Яша обещал поступить, как

рассудит ребе. Тот не замедлил с ответом. Он указал принимать людей по два часа в день, но денег ни с кого не брать. «Тот, к кому евреи приходят за советом, — достойный еврей...» — писал ребе.

И Яша каждодневно с двух до четырех принимал теперь посетителей. Чтобы избежать сутолоки, Эстер стала выписывать номерки, и кто являлся раньше, тот, как у знаменитых докторов, получал номерок поближе... Это, увы, не помогло. Оставившие без присмотра больных или переживавшие большее горе требовали незамедлительного приема. Кое-кто пытался всучить Эстер деньги и подарки. По городу заговорили о чудесах, совершаемых Кающимся. Рассказывали, что стоило Яше захотеть, и один больной выздоровел, некий рекрут был вызволен из российских рук, немой заговорил, а слепой прозрел... Женщины стали величать его святым рабби и цадилом. Не обращая внимания на Яшины протесты, каморку завалили записками, а кроме того, подарками, которые Яша распорядился раздавать бедным. В хасидских молельнях ехидные молодые люди, полагая, что Яша переманивает сторонников их ребе, вышучивали его, распространив пасквиль, где описали все прегрешения затворника. Копию доставили Эстер...

Словом, суеты хватало. Хотя он и отгородился от людей, сквозь оконце кроме света и воздуха проникали злоречие, лесь, сплетни, злоба... Он теперь понимал, почему древние праведники предпочитали скитаться, не проводя на одном месте более дня и ни у кого не ночуя, или представлялись слепыми, глухими и немыми. Находясь среди людей, даже если отгородился стенами, Господу не послужишь. Яша подумывал, не

закинуть ли за спину узелок, не взять ли посох в руки и не пойти ли куда глаза глядят, но он знал, что ввергнет Эстер в неслыханное горе. Она бы сразу занемогла. Яша и так видел, что она понемногу сдает, что у нее все хуже со здоровьем. Магда, мир душе ее там, где она сейчас, довела, что может случиться...

Нет! В мире покоя не бывает. Без удручений нет ни минуты. И куда сильнее мирских соблазнов те, что в самом человеке. В его сердце и помыслах. Часу не проходило, чтобы Яшу не начинали сбивать с толку всяческие искушения. Стоило отвлечься хоть на мгновение, и они тотчас обступали: пустые фантазии, грезы наяву, невозможные желания. Из тьмы являлась Эмилия и не торопилась исчезнуть. Она улыбалась, что-то шептала, посылала зовущие взгляды. Ему приходили на ум разные фокусы, шутки для увеселения публики, фортели и трюки публику эту одурачивать... В воображении он снова плясал на канате, крутил сальто на проволоке, летал над крышами городов, а внизу по улицам бежали ликующие толпы... Яша гнал от себя эти наваждения, а они, как злые мухи, слетались снова. Ему мерещились мясо, вино, водка, шоколад... Он скучал по Варшаве, по извозчикам, омнибусам, кофейням, кондитерским... Хотя Яша страдал от насморка, ломоты в костях, жжения в желудке и головных болей, его тем не менее не оставляла похоть, а поскольку быть с женщиной он не имел возможности, по ночам его искушал Онанов грех...

Оборониться от мирской и плотской доуки можно было двумя способами — Торой и молитвой. Он прибегал к этому днем и ночью. Заучив наизусть многие псалмы, он повторял на своем ложе: «Блажен муж...

который не стоит на пути грешных...» «Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня; многие говорят душе моей: «Нет ему спасения в Боге». Навеки». Яша бормотал эти слова, пока не распухли губы. Мысленно он сравнивал лукавого с собакой, которая непрестанно лает и норовит цапнуть. Ее приходится отгонять палкой, вырывать из пасти покусанные члены, а раны обихаживать мазями и пластырями... Блох же, во множестве скачущих из мерзкой шерсти, тоже следует опасаться и всячески морить их. До последнего издыхания...

Он бы погиб, когда бы искуститель время от времени не отступался. Пес египетский не всегда кусал одинаково яростно, иногда он утихомиривался, словно бы задремывал. Однако всегда следовало ждать, что он встрепенется и набросится с новыми силами и новой наглостью...

4

Они шли к нему один за другим, и каждый со своей незадачей. Они взывали к штукарю Яше, словно он был Господь Бог: «У меня болеет жена, сына забирают в солдаты, дочка повредилась в уме, конкурент перебивает аренду у помещика...» На лбу рыжего человечка выросла шишка величиной с яблоко. Некая девица много дней безостановочно икала, причем в лунные ночи икота делалась похожа на собачий лай. Вдобавок ко всему в девушку, по-видимому, вселился дибук, ибо она пела субботние песнопения голосом кантора и читала наизусть молитвы. Несколько раз бедняга за-

говаривала по-польски и по-русски, хотя языков этих не знала, причем порывалась пойти к ксендзу и креститься в польскую веру.. Яша выслушивал каждого, но всякий раз напоминал, что он, Яша, не рабби, а простой еврей и к тому же грешник. Люди, однако, не отступались. Брошенная жена, чей муж уже целых шесть лет как в воду канул, разыскивавшая пропажу по всей Польше, голосила так истошно, что Яша заткнул уши. Она бросалась на кирпичный домик, словно в отчаянии хотела разрушить его. Из рта ее нехорошо пахло и разило луком. Ожидавшие говорить с Яшей стали требовать, чтобы женщина умерила претензии, но та кидалась на людей с кулаками и всех кляла. Когда скандалистку оттаскивали, она визжала как резаная. «Бабник, хлыщ, распутник!» — орала она Яше.

Меланхолический молодой человек обстоятельно излагал, каким образом против него ополчились демоны. Они устраивают ему колтуны в бороде, завязывают узлами кисточки талеса, выплескивают заготовленную с вечера для утреннего омовения воду, горстями сыплют в еду, которую он себе варит, соль, червяков и козы орешки. А когда он заходит в нужник, на него накидывается бесовка и не дает справить нужду. Молодой человек достал из кармана письма от раввинов, руководителей общины и заслуживающих доверия свидетелей...

Ученые люди шли к Яше вести дискуссии и разрешать каверзные вопросы. Молодые бездельники толпились во дворе, чтобы позубоскалить, сбить с толку трудными цитатами из Гемары или арамейскими словами и показать, что он невежда... Хотя Яша обязался

уделять посетителям два часа в день, стоять у оконца приходилось до ночи. Ноги так уставали, что он валился потом на тюфяк и запоздалую вечернюю молитву творил сидя.

В некий день явился Шмуль Музыкант, с которым Яша любил когда-то посидеть в шинке. Шмуль рассказал, что у него болит рука и потому играть на скрипке становится все труднее. Стоит взяться за инструмент, и сразу возникает боль в суставе, причем, когда настраиваешь, костенеют и холодеют пальцы. Шмуль показал желтые и сморщенные, как у покойника, кончики пальцев... Еще он сказал, что подумывает уехать в Америку. Передал приветы от песковских воров. Елизавета умерла. Болек в яновской тюрьме, Хаим-Лейб доживает в богадельне. Кривой Мехл перестал видеть здоровым глазом и без поводыря теперь не ходит. Бейриш Высокер перебрался в Варшаву.

— Помнишь Маленькую Малку? — спросил Шмуль.

— Конечно. Как она?

— Ее муж тоже на том свете, — сказал Шмуль Музыкант. — Ему в тюрьме легкие отбили.

— А с ней что?

— Вышла замуж за сапожника из Закелкова. Еле дождалась, когда пройдут три месяца!¹...

— Что ж...

— А Зевтл помнишь? Жену Лейбуша Лекаха, — нерешительно спросил Шмуль.

Кровь бросилась Яше в лицо:

— Помню...

¹ По еврейским законам вдова может выйти замуж через месяц после смерти мужа. Однако, дабы убедиться, что она не беременна, новое замужество откладывается обычно на три месяца.

— Она теперь мадам в Буэнос-Айресе. Вышла за какого-то Германа, который бросил жену. У них там самый большой бордель...

Яша тихо спросил:

— Откуда это известно?

— Этот самый Герман наезжает в Варшаву и вывозит целые вагоны шлях... Мне рассказывал один музыкант, который заходит к его сестре... Она ведет весь гешефт...

— Что ж...

— А ты правда стал раввином?

— Никакой я не раввин...

— О тебе только и говорят. Что даже мертвых оживляешь...

— Один Бог может такое...

— Сперва Бог, потом ты...

— Не говори глупостей.

— Хотелось бы, чтобы ты пожелал мне чего-нибудь...

— Помоги тебе Всевышний.

— Яша, я гляжу на тебя и не узнаю. Просто глазам не верю...

— Стареем.

— Зачем ты на такое пошел? Зачем?

— Не мог больше дышать.

— А теперь разве легче?.. Я думаю о тебе... дни и ночи думаю.

Шмуль Музыкант приехал вечером. Отдельно от всех. Эстер самолично сообщила о его приезде. Стояла теплая летняя ночь. Светила луна, небо было полно звезд. Квакали лягушки. Стрекотали кузнечики. С карканьем просыпались вороны. То и дело падали с яб-

лонь яблоки. Друзья стояли по обе стороны оконца. Борода Яши была почти полуседая. В голубых глазах поблескивали золотинки. Два спутанных пейса свисали из-под ермолки. В бакенбардах Шмуля тоже серебрились нити. Лицо его было бледно, щеки ввалились. Он хмуро сказал:

— Мне все опротивело, вот в чем дело. Тут играю, там играю. Снова свадебный марш, снова «День добрый»... Наемные шуты рассказывают старые анекдоты. От всего этого охота сбежать.

— Куда?

— Сам не знаю... Может, в Америку. Каждый день кто-нибудь помирает. Просыпаюсь и сразу спрашиваю: «Энтл, кто сегодня умер?» Соседки заявляются с новостями уже с утра. Как только услышу — кто, у меня падает сердце.

— В Америке разве не умирают?

— Там я столько не знаю...

— Умирает тело. Душа продолжает жить. Тело — как одежда. Стоит одежде испачкаться или сноситься, ею не пользуются.

— Я спорить с тобой не собираюсь, но разве ты был на небе и видел души?

— Покуда жив Господь, живет все. Смерть не может возникнуть из жизни.

— А люди между тем в страхе...

— Человек, не знающий страха, хуже зверя.

— Он и так хуже.

— А может стать лучше. Все в наших руках.

— Но как? Что надо делать?

— По крайней мере не совершать зла.

— Что это значит?

— Не творить по отношению к другим несправедливости. Ни о ком плохо не говорить. Не держать на уме дурного.

— И что будет?

— Если все начнут так поступать, даже наш мир станет раем.

— Люди не пойдут на это,

— Каждый обязан делать что может.

— И придет Мессия?

— Иному не бывать.

5

После Кущей пошли дожди. Задули холодные ветры. Стали гнить упавшие яблоки. С деревьев облетели листья. Трава из зеленой сделалась желтой. Птицы, чирикнув что-то на рассвете, замолкали потом на весь день. Яшу Кающегося мучил насморк. Заложило нос, и было трудно дышать. Боль сдавливала лоб, стучала в виски и уши. Он охрип. Ночью до Эстер донесся мучительный кашель. Разве тут улежишь? Она встала и пошла в халате и домашних шлепанцах умолять Яшу сжалиться и покинуть нору, в которую он себя заточил. Тот на это ответил:

— Зверю полагается быть в клетке.

— Ты себя убиваешь.

— Лучше себя, чем других...

Эстер вернулась в постель, Яша — на соломенный тюфяк. Он надел все рубашки и покрылся чем только мог. Холодно ему уже не было, но сон не приходил. Он слушал, как по гонтовой крыше колотит дождь и что-

то шуршит в земле, словно там роются кроты или в гробах ворочаются покойники. Он погубил Магду и ее мать, стал косвенной причиной тюремного приговора Болеку, толкнул Зевтл сделаться тем, чем она стала. Ему представлялось, будто и Эмилии нет в живых. Она же говорила, что Яша — ее последняя надежда, иначе она бы давно положила всему конец. Но где в таком случае Галина? Яша вспоминал их каждый день и каждый час. Он мысленно призывал умерших, умоляя подать хоть какой знак. Где ты, Магда? — шептал Яша во тьме. Где твоя святая душа? Знаешь ли ты, что я казнюсь и каюсь? А если сказанное Экклесиастом — мертвые ничего не ведают — правда? Тогда все Яшины призывы напрасны. В какой-то миг ему почудилось в темноте чье-то лицо, чей-то облик, который сразу исчез. Господь молчал. Молчали ангелы. Молчали покойники. Даже бесы молчали. Пути веры заложило, как и его нос. Он услышал, как что-то заскреблось, — но это была полевая мышь.

Яша закрыл глаза и стал дремать. Во сне они являлись ему, но как-то не всерьез, болтая чепуху и нелепо дурачась. Он просыпался, но как ни старался вспомнить приснившееся, оно улетучивалось. Да и вспоминать, собственно, было нечего. Во сне все получалось путаным, несуразным, точно лепет ребенка или невянтица слабоумного.

Чтобы прогнать неотвязные мысли, Яша стал повторять текст Мишны, трактат «Брахот»: «С какого вечернего часа можно произносить «Шма»? С минуты, когда священники входят в храм, дабы вкусить от жертвы предложения...» Когда же он перешел к другому разделу, ему вдруг представилось, что Эмилия жива, ку-

пила дворец в Люблине и распорядилась прокопать туннель от своей спальни до Яшиной каморки. Потом пришла и отдалась. А перед рассветом ушла... Яшу затрясло. Он отвлекся всего на мгновение, и нечестивые мысли тотчас прошмыгнули точно мыши, точно гномы. Они таились в мозгу и только ждали свергнуть его в соблазн. Но что эти мысли такое? Какова их цель? В чем их доля в биологии человека?.. Яша быстро перешел ко второй Мишне. «С какого часа можно произносить «Шма» утром? Как только отличишь голубую нить от белой. Рабби Элиезер говорит: «Голубую от бирюзовой». Он хотел было произнести еще что-нибудь, но уже плохо шевелились губы. Яша оцупал себя. Исхудалое тело, разросшаяся седая борода, обложенный язык, зубы, многие из которых шатаются... «И так будет до смерти? — подумал он. — И я ни на минуту не узнаю покоя? Тогда скорей бы конец!..»

Хотелось повернуться на другой бок, однако Яша предпочел не шевелиться, боясь, что сползут покрытия и тряпки, в которые он зарылся. Холод, готовый в любую минуту накинуться, затаился тоже. Яше надо было справиться с нуждой, однако он решил терпеть. Откуда в нем столько влаги?.. Собравшись с силами, Яша стал бормотать третью Мишну: «Школа Шаммая утверждает: «Вечером все, кто читает «Шма», должны лежать, но утром должны стоять, ибо сказано: «а когда ты лежишь и когда ты встаешь...» Тут Яша уснул, и ему приснилось, что он заходит в нужник, а там — Эмилия. Он готов от стыда провалиться сквозь землю, а она, усмехнувшись, говорит: «Сделай свое...»

На рассвете дождь перестал и пошел снег, первый снег этой зимы. На востоке скопились тучи, но едва

поднялось солнце, небо порозовело и пожелтело. Облачные кромки зажглись и запылали огненным изломом. Яша встал со своего ложа и словно стряхнул ночную немочь и терзания. Когда-то он читал о формах снежинок, а сейчас наблюдал их собственными глазами. Каждая опустившаяся на подоконник белая звездочка была шестиугольной с хрупкими иголочками, волосками, украшениями и зубчиками, исхищенными тою же сокровенной рукой, какая присутствовала всюду — на земле и в тучах, в золоте и навозе, в самой далекой звезде и в сердце человека. «Как же еще называть эту силу, если не Богом? — сказал себе Яша. — Что меняется, если называть ее природой?» Он вспомнил стих псалма: «Насадивший ухо не услышит ли? и образовавший глаз не увидит ли?» Он все время ждал знака, а меж тем в каждой минуте, в каждой секунде в нем и вовне Господь свидетельствовал о своем присутствии.

Эстер, как видно, тоже встала: он приметил дым над трубой. Наверно, она готовила завтрак. Хотя падал снег, птицы в это утро гомонили дольше обычного. Они щебетали где-то поблизости, эти Божьи создания, не владевшие ничем, кроме немногих перышек и, если повезет, крошек или зернышка...

— Хватит лениться! — сказал Яша. Он стащил с себя заодно с нижней все рубашки и стал умываться водой из кувшина. Потом сгреб снег с подоконника и растер тело. Потом, глубоко вдохнув воздух, выкашлял мокроту. Заложенный нос точно по волшебству открылся, а Яша опять набрал полные легкие воздуха. Горло прочистилось, и он стал говорить «Мойде ани». Молясь, Яша возгласил: «Господи, душа, которую ты дал мне, чи-

ста; Ты сотворил ее; Ты ее образовал; Ты ее в меня вдохнул; Ты ее во мне сохраняешь, и Ты ее у меня отберешь, дабы вернуть...» Потом он возложил на себя талес и тфилн. Хвала Господу, что он, Яша, не в тюрьме. Что имеет возможность горячо молиться. Может постигать Тору. В двух шагах преданная жена. Почтенные евреи, внуки святых и праведников, ищут его совета и благословения, как если бы он был рабби. Он тяжело грешил, но Господь смиростивился, не дав ему погибнуть в грехе. Провидению было угодно, чтобы Яша покался. Бывает ли большая милость? Чего еще может желать убийца? Разве так обошелся бы с ним суд земной, человеческий?

Он прочитал «Шма» и перешел к Восемнадцати Славословиям. Дойдя до «воистину благословен Ты, возвращающий души мертвым телам», Яша умолк, вникая в смысл. Ну да, Господь, которому нипочем сотворить снежинки, образовать человека из капли семени, двигать Солнце, Луну, кометы, планеты и созвездия, способен воскресить и мертвых. Только неразумные с этим не согласны. Господь всемогущ. От поколения к поколению его могущество все очевидней. То, что когда-то считалось Всевышнему не по руке, сейчас в человеческих силах. Безбожие во все времена полагало, что человек разумен, а Бог — нет; что человек хорош, а Бог — плох; что человек жив, а Создатель — мертв... Однако стоило отрешиться от нечестивых этих мыслей, и отворялись врата истины. Яша раскачивался, ударял себя в грудь, кланялся. Открыв глаза, он увидел в окошке Эстер. Глаза ее улыбались. В руках она держала горшок с едой, от которого шел пар. Поскольку Яша уже отстоял Восемнадцать Славословий, он кивнул и по-

здоровался¹. Недавнее отчаяние исчезло, и Яшу снова переполняла любовь. Как видно, Эстер угадала это. Такое чувствуется. Люди, если хотят видеть, видят все...

Вместе с едой Эстер принесла письмо. Конверт был помят. На нем стояла Яшина фамилия и название города. Улицы и номера дома не было.

Яша снял и отложил тфилн, омыл руки. Эстер принесла рис с горячим молоком. Он сидел у столика и ел, а письмо положил перед собой, решив не распечатывать, пока не поест. Эти полчаса принадлежали Эстер. Она обожала стоять и глядеть, как он ест, и при этом разговаривать. Яша думал, что Эстер снова заладит, что он еле жив, что убивает себя, губит ее годы, но сегодня Эстер почему-то забыла всегдашние нарекания. Она по-матерински улыбалась, рассказывала о новых заказах, о хозяйстве, о швейках, о том, что собирается покрасить дом к Пасхе. Яша отодвинул недоеденный рис, но Эстер стала уговаривать и божиться, что не сойдет с места, пока Яша всё-всё не съест. Он чувствовал, как с каждой ложкой возвращаются силы. Молоко подарила ему его собственная корова, рис вырос где-то в Китае. Тысячам рук пришлось потрудиться, чтобы еда очутилась между его языком и нёбом. Каждое зернышко хранило в себе небесную и земную силу...

Покончив с рисом и цикорным кофе, он распечатал конверт, где оказалось не одно письмо, а два. Он глянул на подпись, и глаза его тотчас наполнились слезами. Радость и печаль охватили Яшу. Эмилия и Галина, обе написали ему. Значит, она жива!.. Прежде чем при-

¹ Во время чтения этой молитвы (Амиды), которую произносят стоя, не положено отвлекаться и подавать знаки.

ступить к письму, Яша возблагодарил Господа, затем утер платком глаза и прочел:

Мой дорогой пане Яша (а может, мне следует обращаться к Вам рабби Яков?)...

Сегодня я открыла «Утренний курьер» и впервые более чем за три года увидела Ваше имя. Я была так потрясена, что не могла читать. Сперва я решила, что Вы снова выступаете у нас или за границей, но потом, с трудом переводя дыхание, я прочла статью, и все во мне затихло и опечалилось. Мы с Вами часто говорили о религии, и суждения Ваши мне всегда казались деизмом — верой в Бога без догмата и откровений. Когда же столь внезапно и таким странным образом Вы нас покинули, я подумала, что это и есть лучшее доказательство тому, сколь недостаточно одной веры в высшие силы, дабы обуздать человека и охранить его в духовном кризисе. Вы ушли, не оставив следов. Канули точно камень в воду. Я не раз мысленно сочиняла Вам письма, а сейчас могу наконец сказать (если это письмо Вас найдет), что во всем виновата одна я. Едва за Вами закрылась дверь, мне стало ясно, как скверно я поступала. Я ведь знала, что Вы женаты. Я втянула Вас в эту историю и, значит, несу моральную ответственность. Я много раз намеревалась Вам это сказать, но думала, что Вы уехали в Америку или куда-то еще.

Из газеты я узнала о том, как Вы решили себя заточить и стали святым, как еврейские мужчины и женщины ждут у Вашего окошка благословения, и была буквально ошеломлена. Слезы мешали читать. Я много из-за Вас плакала, но сейчас это были слезы радости. Прошла половина суток, я пишу Вам и сно-

ва плачу: во-первых, потому, что Вы явили столь великую силу духа; во-вторых, потому, что расплачиваетесь за мои грехи. Я ведь тоже подумывала удалиться в монастырь, но у меня была Галина. Я не скрыла от нее того, что произошло. Девочка по-своему любила Вас и бесконечно Вами восхищалась, так что и для нее это было ударом. По ночам мы лежали в постели и плакали. Галина серьезно заболела, и мне пришлось отправить ее в закопанскую санаторию в Татры. Меня было бы на это не стать (вспомните мои финансы), если бы не явился с помощью ангел в человеческом обличе — друг моего незабвенного мужа, профессор Мариан Рыдзевский. Обо всем, что он для нас сделал, в письме не расскажешь.

Судьбе было угодно, чтобы как раз умерла его жена (много лет она страдала астмой), поэтому, когда этот добрый человек предложил мне идти за него замуж, я не смогла отказать. Вас уже не было, Галина находилась в санатории, я на целом свете осталась одна. Конечно, я рассказала ему всю правду. Он уже пожилой человек и сейчас на пенсии, но очень деятельный, целые дни читает и пишет, а к нам с Галиной необыкновенно добр. Это все, что я могу сообщить в письме. В Закопане Галина выздоровела и когда вернулась, я ее не узнала, так она выросла и расцвела. Ей уже восемнадцатый год, и я надеюсь, что дочь будет счастливее матери. Профессор Рыдзевский добр к ней и, как родной отец, исполняет все ее капризы. Нынешнее поколение, между прочим, совсем другое — весьма свободное, эгоистичное и убежденное, что всё, чего ни пожелаешь, следует иметь.

Однако довольно о себе. Писать мне к Вам не-легко. Не могу представить Вас в длинной бороде и пейзах, как сказано в газете. Быть может, Вам не подобает читать и мое письмо? Если так, простите. Я не забывала Вас все эти годы, и не было, кажется, дня, когда бы я о Вас не думала. Я почему-то скверно сплю, а человеческий мозг весьма капризная штука. Я представляла Вас где-то в Америке, в огромном театре или цирке, окруженного роскошью и красивыми женщинами. Увы, реальность полна потрясений. Я не смею учить Вас, что хорошо и правильно, но мне кажется, Вы назначили себе слишком суровое покаяние. При всей Вашей крепости, Вы человек хрупкий и не следовало бы так обходиться со своим здоровьем. По сути дела Вы никакого преступления не совершили. Намерения Ваши тоже не были дурными. Вы всегда не скупились на добросердечие и приветливость. То недолгое время, когда я Вас знала, было самым счастливым в моей жизни...

Письмо получилось слишком длинным, и Галина вырывает у меня перо. В Варшаве снова говорят о Вас, но теперь только хорошее. У нас завелся телефон, и некоторые мои приятельницы, знавшие о нашей дружбе, уже мне позвонили. Профессор Рыдзевский сам попросил меня написать к Вам и, хотя с Вами незнаком, посылает привет. Да благословит Вас Господь.

Навеки преданная Вам

Эмилия.

Глоссарий

В описываемое Исааком Башевисом Зингером время восточно-европейские евреи, пользовавшиеся в быту разговорным языком «идиш», а в богослужебных целях употреблявшие так называемый «древнееврейский» (на основе которого был создан в дальнейшем «иврит»), произносили слова древнееврейского языка, составляющие значительную часть словаря языка идиш, иначе, чем принято в современном иврите. Переводчик по возможности старался передать это произношение, указывая в скобках современную фонетическую норму иврита.

АГАДА (букв. «повествование») — часть устной *Торы*, представляющая собой древние сказания, притчи, аллегории.

Пасхальная Агада — специальный текст, который читают во время пасхальной вечерней трапезы — *Седера*.

АКДОЙМЕС (ХАКДАМОТ) — молитва, которая поется в праздник *Шеуэс*.

АТАРА — верхняя кайма на *талесе*. Часто бывает расшита и украшена.

БАЛДАХИН — обряд венчания происходит у евреев «под балдахинном», особым пологом на шестах.

БЕЙСАМИДРЕШ (БЕТ А МИДРАШ) — в древности место, где изучали Тору. Приблизительно соответствует сегодняшней *ешиве*.

БЁМЕ ИАКОВ (1575—1624) — немецкий мистик, по профессии сапожник.

БИМА — возвышение посреди синагоги, на котором происходит публичное чтение свитка Торы.

ВЕЛИАЛ — грешник, аморальный дух, зачастую бытующий в душе человека.

ВОСЕМНАДЦАТЬ СЛАВОСЛОВИЙ или **БЛАГОСЛОВЕНИЙ** (ШМОНЕ ЭСРЕ) — одна из обязательных молитв трех будничных богослужений, произносится шепотом, с лицом, обращенным к востоку.

ВОСЬМАЯ ЗАПОВЕДЬ — Не укради.

ГЕМАРА (букв. «освобождение») — часть *Талмуда*, представляющая собой дискуссии и обсуждения основной законодательной книги *Мишны*. Формировалась в течение нескольких столетий и была завершена в VI веке. Большой частью написана на арамейском языке.

ГОЙ (мн. ГОИМ) — нееврей.

ГОЙКА — (русифицированное) нееврейка.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ МЕСЯЦА АБ — в этот день и в этот месяц (он приходится на июль-август) в 586 году до н. э. был сожжен первый Иерусалимский храм и в этот же день этого же месяца в 70 году нашей эры был разрушен Титом второй храм. День поста.

ДИБУК — дух умершего, вошедший в живого человека.

ЕШИБОТНИК — студент *ешивы*.

ЕШИВА — высшая еврейская религиозная школа, готовящая раввинов и преподавателей религии.

•ЗОГАР• (букв. «сияние») — один из основных трудов по еврейской мистике — *кабале*, написанный по-арамейски. Автором ее (или только редактором) был Моисей Баал Шем Тов из Лиона, живший в XIII веке. Изложение ведется от имени рабби Симона бар Йохая, жившего во II в. н. э., по преданию истинного автора этой книги.

ЙОМ КИПУР — День поста, называемый также Судным Днем или Днем Всепрощения.

КАБАЛА (букв. «преемственность, устная традиция») — часть устного учения. Объясняет мистический смысл Писания. Представляет собой наиболее глубокое и сокровенное знание о Творце и мироустройстве. Получила широкое распространение в Средние века. Вошла как составная часть в учение Баал Шем Това, основателя *хасидизма*. Кабалисты полагают среди прочего, что подлинный смысл Библии сокрыт в подтексте, и верят в магическую силу священных букв библейского текста.

КАДИШ — поминальная молитва, а также (в переносном смысле) человек, ее произносящий.

КАНТОР — певец, ведущий молитву в синагоге.

КОВЧЕГ ЗАВЕТА (АРОН КОДЕШ) — шкафчик на середине восточной стены синагоги, в котором хранятся свитки Торы.

КОШЕРНОЕ — пригодное в пищу, согласно еврейским религиозным предписаниям.

КУЩИ или СУККЕС (СУККОТ) — праздник «шалашей». Один из трех основных праздников в еврейском календаре. Отмечается осенью в память об исходе из Египта («Ибо в шалаш Ты поселил нас, когда выводил нас из Египта...»).

ЛИТВАК — еврей из Литвы или Белоруссии, говорящий на диалекте, отличающемся от говора польских или украин-

ских евреев. Литваки в своем большинстве были противниками *хасидов*.

МАСКИЛ (*букв.* «просвещенный, уразумевший») — так называли в позднейшую эпоху поборников светского знания, которое они стремились распространять среди евреев при помощи еврейской литературы. У хасидов этим словом определяют знатока хасидской литературы.

МЕЗУЗА (*древнеевр.* «косяк») — пергамент с текстом из Святого Писания, помещаемый в небольшом жестяном или деревянном футлярчике. Прибивается к косяку каждой двери еврейского дома.

МЕНОРА — семисвечник, один из основных атрибутов и символов Иерусалимского храма и иудаизма.

МИДРАШ (*древнеевр.* «разъяснение, толкование») — древние устные комментарии к Торе и Танаху. Существует несколько сборников, написанных и собранных в разное время.

МИЦВА (*букв.* «заповедь») — в разговорной практике употребляется в значении «доброе дело», «благодетельство».

МИШНА — основной законодательный источник, состоящий из шести разделов. Является частью Талмуда.

ОХЕЛ — надгробное строение в виде домика. Ставится на могилах раввинов и особо благочестивых людей.

ПАРАФИЯ — католический приход (*польск.*).

ПОКАЯННЫЕ или **ГРОЗНЫЕ ДНИ** (*древнеевр.* ЙОМИМ НОРАИМ) — период между *Рош Хашана* и *Йом Кипурам*. В эти дни определяется судьба человека на грядущий год — в Рош Хашана Господь заносит его или в Книгу Жизни, или в Книгу Смерти, а в Йом Кипур выносится окончательное решение.

РАВВИН — начиная со Средних веков раввин является представителем еврейской общины (кагала) и ее духовным наставником. Главный авторитет в ритуальных вопросах и толковании еврейских законов. Надзирает за обучением, *хедерам, ешивой*.

РЕБЕ (букв. «учитель») — у хасидов — духовный учитель и наставник, глава соответствующего направления. Его именуют также *цадик* («праведник»).

РОШАШОНЭ (РОШ ХАШАНА «глава года») — еврейский Новый год. Приходится обычно на сентябрь. День, в который решается судьба человека. Вместе с Йом Кипуром относится к *Грозным Дням*.

СВЕДЕНБОРГ ЭММАНУИЛ (1688—1772) — шведский натуралист, теософ и духовидец.

СЕДЕР — вечернее пасхальное застолье, сопровождаемое специальными ритуальными действиями.

СИВАН — название месяца в еврейском календаре, приходящегося на май-июнь.

•СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА• — кабалистическая книга.

•СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ...• — начальные слова молитвы «Шма». Символ веры, утверждающий приверженность Единому Богу. Важнейшая для религиозного сознания формула, произносимая дважды в день.

ТАЛЕС (ТАЛИТ) — накидка прямоугольной формы с кистями по углам, которой покрывают голову и плечи во время утренней молитвы.

ТАЛЕС-КОТН (ТАЛИТ КАТАН, букв. «маленький талит») — специальная одежда с кистями по четырем углам, которую носят под рубашкой.

ТАЛМУД (букв. «учение») — зафиксированная в письменном виде устная религиозная традиция. Представляет собой

дискуссии законоучителей и мудрецов, в результате которых были выработаны законодательные основы жизни еврейского народа для всех последующих поколений вплоть до нашего времени. Состоит из Мишны и Гемары. Талмуд был создан в двух независимых версиях — иерусалимской в IV веке и вавилонской в VI веке.

ТАННАИ — законоучители эпохи Мишны. Период их деятельности охватывает двести десять лет (10—220 гг. н.э.).

Первыми таннаями считаются ученики величайших древних религиозных авторитетов Шаммая и Гиллеля.

ТОРА (букв. «учение, указание») — Пятикнижие Моисеево.

В широком смысле — вся еврейская религиозная традиция в совокупности.

ТРЕФНОЕ — непригодное в пищу, согласно еврейским религиозным предписаниям. В переносном смысле — что-либо недостойное.

ТФИЛН (древнеевр. «тефила» — молитва) — иначе «филактерии». Вручную переписанные на пергаменте определенные стихи Пятикнижия, находящиеся в двух кубических коробочках. Одну из них располагают с помощью ремешков на лбу, другую на левом предплечье. Тфилен как символом приверженности Богу сердцем, разумом и волей пользуются по достижении тринадцати лет мужчины на утренней молитве в будние дни.

ФРАНКИСТЫ — по имени основателя мистической секты Якова Лейбовича Франка, родившегося в Королевке (Галиция) в 1726 году и умершего в Оффенбахе-на-Майне в 1791 году. Секта выступила против официальной раввинской науки. Ее поддерживал епископ Дембовский в Каменце, устроивший в 1757 году диспут между раввинами и франкистами и решивший его в пользу Франка. В результате было приказано спалить книги Талмуда на базарной

площади Каменца. После внезапной смерти Дембовского франкисты утратили свои позиции и, порицаемые ортодоксальными евреями, расселились кто куда. Франк обратился к королю Августу III и министру Брюлю с просьбой о помощи и поддержке. Король взял франкистов под свое покровительство, и те снова вернулись на Подолию. Между тем Франк обратился к архиепископу львовскому по поводу нового диспута. Его организовал каноник Микульский, а представителями Франка на нем были Элия (или Элиша) Шор, впоследствии — Воловский («шор» по-древнееврейски значит «вол, бык»), а также Лейб Крыса (после крещения Крыговский). Сам Франк с женой и дочерью крестился во Львове. Фамилии франкисты получали от названия местности, где крестились, или от названия месяца. Например, Маевский.

ХАСИД (*древнеевр.* «правый, праведный, богобоязненный») — см. *хасидизм*.

ХАСИДИЗМ — религиозно-мистическое движение, создателем которого был Израиль Баал Шем Тов (*букв.* «владелец доброго имени»), живший в XVIII веке на Подолии. Это движение было оппозиционно по отношению к официальной общине (кагалу) и официальному раввину. Во главе хасидов стоит ребе, цадик — избранный учитель и духовный глава. Хасидизм сочетает в себе приверженность к нормам традиционного иудаизма с элементами мистицизма. Для религиозной практики хасидизма характерно открытое проявление религиозных чувств. Известны хасидские застолья, сопровождаемые песнями религиозного содержания (иногда без слов) и танцами. Хасидизм придавал особое значение искренности богослужения и безыскусности веры простых, малообразованных евреев. Вначале своего ста-

новления движение встретило активное неприятие со стороны большого числа религиозных общин, которые стали именовать себя «миснагдим», что значит «оппоненты, противники».

ХЕДЕР (*древнеевр.* «помещение, комната») — начальная еврейская школа, в которой мальчики с пятилетнего возраста изучали Пятикнижие. В хедере был один учитель, называвшийся меламедом.

ЦАДИК — см. *Ребе*.

ШАДДАЙ — Всемогущий. Одно из основных Имен Всевышнего.

ШАММАЙ — знаток писания, создатель талмудической школы в I веке до н. э. Школа его отличается строгостью и догматичностью.

ШВУЭС (ШАВУОТ) — праздник дарования Торы на горе Синай, иногда называется праздником сбора первых плодов.

ШЕЙГЕЦ — мальчик, подросток или юноша нееврей.

ШИКСА — девочка или девушка нееврейка.

• **ШМА** • — название молитвы по первому слову стиха «Слушай, Израиль: Господь наш — Бог — Бог единый» — главной формулы еврейского единобожия.

• **ШУЛХАН АРУХ** • («Накрытый стол») — знаменитейший труд Иосифа Каро (1488—1575), выдающегося раввинского авторитета и кодификатора. Одна из самых почитаемых в иудаизме книг, подробно излагающая все то, чему благочестивый человек должен следовать в своей религиозной жизни.

Переводчик (он же составитель глоссария) считает своим долгом принести искреннюю благодарность раввину Довиду Карпову за неоценимую помощь в составлении комментариев, а также в разъяснении догматических текстов.

Оглавление

Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	55
Глава 4	65
Глава 5	97
Глава 6	110
Глава 7	159
Глава 8	200
Эпилог	229
<i>Глоссарий</i>	255

Исаак Башевис Зингер

Люблинский штукатурь

Серия «ИЛЛЮМИНАТОР» / 047

Художник А.Бондаренко

Корректоры Л.Шмелева, И.Аблина

Компьютерная верстка К.Москалев

Правовое обеспечение Адвокатское бюро
Александра Глушенкова

Изд. лиц. ИД № 02194 от 30.06.2000 («Иностранка»)

Изд. лиц. ЛР № 066298 от 04.02.1999 (Б.С.Г.-ПРЕСС)

Подписано в печать 14.05.2002. Формат 70х100^{1/32}

Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05.

Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 5 000 экз. Заказ № 243.

Издательство «Иностранка»

109017, Москва, Пятницкая ул., 41

Издательство Б.С.Г.-ПРЕСС

129090, Москва, ул. Гиляровского, 1

Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Серия

«ИЛЛЮМИНАТОР» —

это лучшие произведения
мировой литературы
в лучших переводах,
выполненных мастерами
отечественной переводческой школы
для журнала «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
и издательства «ИНОСТРАНКА».

В серии «ИЛЛЮМИНАТОР»

вышли:

- 043 Питер Акройд
«Повесть о Платоне»
перев. Л. Мотылева
- 044 Дэвид Лодж
«Райские новости»
перев. Е. Дод
- 045 Хорхе Семпрун
«Нечаев вернулся»
перев. И. Кузнецовой, Г. Зингера
- 046 Пол Теру
«Коулун Тонг»
перев. С. Силаковой

Серия

•ИЛЛЮМИНАТОР• —

это лучшие произведения
мировой литературы
в лучших переводах,
выполненных мастерами
отечественной переводческой школы
для журнала «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
и издательства «ИНОСТРАНКА».

В серии «ИЛЛЮМИНАТОР»

выходят:

- 048 Ричард Бротиган
 «Ловля форели в Америке»,
 «Мечь лужайки»
 перев. И. Кормильцева, Ш. Валиева
- 049 Гилберт Адер
 «Любовь и смерть на Лонг-Айленде»
 перев. И. Кормильцева

Серия

«ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ» —

это «ИЛЛЮМИНАТОР» нового века.
Издательство «ИНОСТРАНКА»
представляет книги
молодых зарубежных писателей,
уже завоевавших мировое признание
и претендующих на то,
чтобы завтра стать классиками.

В серии «ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ»

вышли:

- 001 Тама Яновиц
 «На побережье Питчи-Поми»
 перев. В. Пророковой
- 003 Ханиф Курейши
 «Будда с окраины»
 перев. Д. Крутской
- 005 Бен Элтон
 «Ветер из прошлого»
 перев. М. Карасевой
- 006 Николас Блинкоу
 «Наркосвященник»
 перев. Ш. Валиева

Серия

«ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ» —

это «ИЛЛЮМИНАТОР» нового века.
Издательство «ИНОСТРАНКА»
представляет книги
молодых зарубежных писателей,
уже завоевавших мировое признание
и претендующих на то,
чтобы завтра стать классиками.

В серии «ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ»

выходят:

- 002 Джозеф О'Коннор
«Ковбой и индейцы»
перев. Н. Васильевой
- 004 Фредерик Бегбедер
«99 франков»
перев. И. Волевиц
- 007 Ник Хорнби
«Hi-Fi»
перев. Д. Карельского

Серия

•ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ• —

это самые яркие произведения
самых знаменитых зарубежных беллетристов.
Издательство **•ИНОСТРАНКА•**
начинает их выпуск
под девизом
**СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД
К НЕСЕРЬЕЗНОМУ ЖАНРУ.**

В серии **•ЛЕКАРСТВО ОТ СКУКИ•**

выходят:

Марчелло Фоис

•Кровь с небес•

Росс Макдональд

•Насмешливый лик Смерти•

Фрэнк Лин

•Девять жизней•

Элизабет Джордж

•Школа ужасов•

**Книги серии «ИЛЛЮМИНАТОР»
оттам реализуют:**

В Москве

Издательско-книготорговая
фирма Б.С.Г.–ПРЕСС
ул. Гиляровского, 1
тел./факс (095) 207–5362 (склад)

Книжный клуб в «Олимпийском»
№№ 128, 173а, 295

В Санкт-Петербурге

Издательство «Симпозиум»
190000, г.Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
тел. (812) 314–8449; факс (812) 314–4613
e-mail: symposium @ online.ru

**В розницу книги издательства «ИНОСТРАНКА»
реализуют в Москве:**

Торговый дом «БИБЛИО–ГЛОБУС»
ул. Мясницкая, 6
тел. (095) 928–3567

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ул. Новый Арбат, 8
тел. (095) 290–4507

Дом книги «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ул. Б.Полянка, 28
тел. (095) 238–5001

Книжный магазин «МОСКВА»
ул. Тверская, 8
тел. (095) 229–6483

Книжный магазин «AD MARGINEM»
1-й Новокузнецкий пер., 5/7
тел./факс (095) 951–9360

*Подписаться
на единственный в России журнал,
посвященный современной мировой литературе,
можно в любом отделении связи по каталогам
АПР (для регионов России, стран СНГ и Балтии)
УФПС (для Московской области)
и Моспочтамта (для Москвы)*

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Подписные индексы:

70394
(на полгода)

72261
(на год)

*Москвичи и коллективные иногородние заказчики
могут подписаться и получать номера
прямо в редакции — это дешевле и надежнее.*

Наш адрес:

109017, Москва, Пятницкая ул., 41
(метро «Новокузнецкая», «Третьяковская»).

Тел. 953-51-47

И
Л

יצחק באשעוויס זינגער

ИЛЛИУМИНАТО

Библиотека

журнала

«Иностранная

литература»

014 Хорхе Семпрон
Нечаев вернулся
перевод И. Кузнецовой,
Г. Зингера

015 Пол Теру
Колдун Тонг
перевод С. Силаковой

016 Ричард Бротиган
Ловля форели в Америке
перевод И. Кормильцева,
Ш. Валлева

017 Гилберт Адер
*Любовь и смерть
на Лонг-Айленде*
перевод И. Кормильцева

Искак Башевис Зингер (1914-1991) родился в польском местечке в семье раввина. Учился в Нью-Йорке, куда эмигрировал в 1935 году.

Несколько лет воевал в армии, опасаясь за забесную нацистскую Германию, и написал полюбивший ему польский еврейский язык, который в 1945 году перешел в идиш. В 1948 году переехал в Нью-Йорк, где начал писать. При жизни выпустил сорок пять книг — рассказы, романы, книги для детей, мемуары, иллюстрации и театральные.

В 1976 году Искак Башевис Зингер стал Нобелевским лауреатом.

08/10